новая ПОЛЬША

 $N_{0}6_{(21)}$

2001

Ежи Едлицкий: Можно ли полюбить демократию?

СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ О ПОЛЬШЕ

Полянский снимает фильм о пианисте

БОРИС ПАСТЕРНАК О ШОПЕНЕ

Встречи Сахарова и Солженицына с Иоанном Павлом II

НОВОСТИ МУЗЫКИ, ТЕАТРА И КИНО

Павел Херц: стихи и беседа о вечном странствии

ВАРШАВА

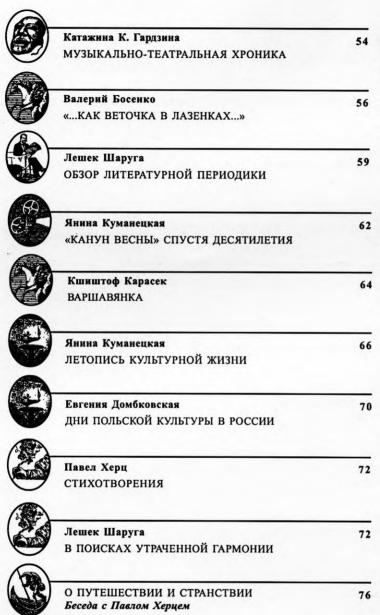

№ 6₍₂₁₎
2001
июнь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Ежи Едлицкий УДАСТСЯ ЛИ НАМ ПОЛЮБИТЬ ДЕМОКРАТИЮ?	3	
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	10	
	ПОЛЬСКИЙ МИФ Советские диссиденты о Польше	17	
	Гжегож Пшебинда СЛАВЯНСКИЙ ДИАЛОГ О СОВРЕМЕННОСТИ	31	
	Анджей Шпильман ВСТУПЛЕНИЕ	37 HNC1	
	Владислав Шпильман ВОСПОМИНАНИЯ	38 - HMA-	
	Вильм Хозенфельд ДНЕВНИК	38 III - III (14)	7
	Вольф Бирман ПОСЛЕСЛОВИЕ	Владисла	
0	Наталия Филатова ПЕРЕВОДЧИК ШОПЕНА	46	
	Борис Пастернак ШОПЕН	48	
(9)	Антоний Кучинский КАЗАХСТАН ГЛАЗАМИ БРОНИСЛАВА ЗАЛЕССКОГО	50 O	

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, К.Старосельская, Е.Ттвердислова, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3), Archiwum "Memoriału" - St.Petersburg (стр. 18, 19, 20, 21, 22, 24, 26), Т.Кіzny - fot.Ł.Водогаz (стр. 21) I.Multarzyński (стр. 55, P.Kochański (стр. 46).

Редакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский Януш Тазбир Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Релколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга Дмитрий Шевионков-Кисмелов (главный художник)

Графика и макет Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213 02-086 Warszawa Ал. Неподлеглосци, 213 02-086 Варшава телефоны: (0-22) 608 27 95;608 25 65 факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96 e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.5, кв.49 Тел.: 280-83-52 e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

ВІВLІОТЕКА NARODOWA НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению Министерства Культуры и Национального Наследия Республики Польша

Ежи Едлицкий

УДАСТСЯ ЛИ НАМ ПОЛЮБИТЬ ДЕМОКРАТИЮ?

С тех пор, как страны Центральной и Восточной Европы после длительной власти произвола сумели перейти к демократической форме правления, в них постоянно проявляются две противоположные тенденции.

С одной стороны, политологи и политики-практики в большинстве своем не сомневаются, что это огромная удача, которая, наконец, выпала нам в лотерее истории. Теоретически либеральную демократию принято считать лучшей из возмож-

ных форм правления — это аксиома «политкорректности», которая к тому же опирается на авторитет всех европейских учреждений, в которые Польша вступила или собирается вступить. Если же практика дает нам основания отнестись к этой аксиоме критически, то это лишь потому, что наша демократия еще недостаточно демократична, еще не полностью избавилась от пережитков предыдущего режима, наследие которого проявляется как в социальной структуре, так и в дурных человеческих навыках. Все это переменится, когда мы, наконец, воспитаем тип гражданина, отвечающий высококультурным западным критериям.

Но, с другой стороны, общественная антипатия к демократической политике и демократическому государству отнюдь не ослабевает, а растет и переходит в глобальное отвращение почти ко всему, что связано с политикой. В часто повторяющихся в Польше опросах об уровне общественного доверия последние места обычно занимают Сейм, Сенат, правительство, политические партии и проф-

Выступление на конференции «Общество и государство в XXI веке. Пути и бездорожья демократии», организованной Западным институтом (Познань) и Фондом Фридриха Эберта (Бонн), 16-17 марта 2001 г.

союзы, то есть как раз те учреждения, на которые граждане — избиратели и работники — хотя бы теоретически могут оказывать влияние. Зато первые места занимают армия, полиция, радио и телевидение, то есть структуры, управляющиеся с помощью необсуждаемых приказов сверху. Влияние гражданина на деятельность этих структур может быть лишь опосредованным и измерению

практически не поддается. Специфическое исключение из этого правила в Польше — президент, феноменально популярный, несмотря на то, что он был избран всеобщим голосованием: его воспринимают скорее как корректора государственной политики, нежели ее соавтора. Отрицательных ответов на вопрос: «Удовлетворены ли вы

тем, как функционирует демократия в нашей стране?» — постоянно больше, чем утвердительных; иногда, например, в 1995 или 1999 гг. — вдвое больше.

ОБВИНЕНИЯ

Между тем, значительное число польских внутриполитических комментаторов (похоже, что то же самое происходит у наших восточных и южных соседей) взяли на себя роль выразителей этой растущей и всеохватывающей неприязни к государству, правительству и политическим партиям.

Папка, в которую я складываю вырезанные из

газет и журналов статьи, полные обвинений в адрес польского политического класса и сетований над его упадком, пухнет день ото дня. Обвинения эти можно разделить на несколько категорий.

Первая категория — это обвинения моральные, обвинения в коррупции, охватившей политиков и государственных чиновников, от министров до полицейских из дорожной инспекции. Диапазон обвине-

ний простирается от настоящих скандалов, связанных с подкупом и использованием служебного положения ради личной выгоды, до поступков, нарушающих уже не столько Уголовный кодекс, сколько кодекс порядочности. По утверждениям обвинителей, не оправдались надежды на то, что с падением коммунизма наступит некий нравственный

перелом и вернется утраченный высокий этос общественного служения. Вопреки подобным ожиданиям, даже деятели, вышедшие из подпольной демократической оппозиции, по словам многих, предали забвению этот благородный этос и оказались (за малым исключением) не более других устойчивы перед искушением привилегий и материальных выгод, связанных с государственными должностями, особенно на их стыке с частным предпринимательством — в условиях не слишком четкого разграничения этих двух сфер. Таким образом, лишенная этического фундамента демократия начала гнить, едва появившись на свет.

Другая группа обвинений относится к злокачественному разрастанию бюрократии. Несмотря на то, что по мере приватизации экономики функции государства должны

были сокращаться, штаты почти всех ведомств и государственных учреждений разбухают на глазах. Расширение функций органов местного самоуправления во-

все не ослабило тенденций к централизации, зато привело к значительному росту расходов на обслуживание государственного аппарата, который должен удовлетворять потребности все увеличивающегося числа политиков, чиновников, депутатов и прочих ответственных работников. Параллельно развивается процесс приема на работу в госучреждения по партийному признаку, почти по образцу прежней номенклатуры, чрезвычайно вяло формируется корпус профессиональных государственных служащих, идет политизация даже таких учреждений, которые (как, например, телевидение или Верховная контрольная палата) в принципе должны были оставаться вне сферы соперничества партий.

Грязные методы политической борьбы, характеризующиеся агрессивностью, клеветой, использованием материалов прежней госбезопасности ради компрометации соперников и противников, входят в третью группу обвинений, носящих характер столь же этический, сколь и эстетический. Похоже, что партии различаются не столько своими программами или идеями, сколько амбициями своих лидеров, которые пытаются расколоть народ по своему образу и подобию и, где только удается, добиваются назначения на влиятельные должности «своих» людей, святельные должности «своих» людей, святемых разраментельные должности «своих» людей, святемых разраментельные должности «своих» людей, святемых разраментельных разр

занных личной преданностью и принадлежностью к какой-либо группе или клану.

В-четвертых, политики в парламенте и правительстве утратили связь с обществом, не знают, чем и как живут простые люди, не умеют с ними разговаривать, замыкаются в сфере собственных интересов и делишек. Как и прежде, характерной чертой власти остается наглость, чиновничье высокомерие, и лишь с приближением очередных выборов власть начинает заискивать перед обществом. В особенности же власть на всех уровнях становится безразличной к судьбе наименее обеспеченных слоев общества, где особенно велика угроза бедности и безработицы.

Наконец, можно услышать, что все сменяющие друг друга правительства ни на что не способны, что реформы, вместо того чтобы совершенствовать организацию и

увеличивать средства, выделяемые на пенсии, здравоохранение, безопасность, органы правосудия, образование или культуру, приводят лишь к хаосу и делают жизнь труднее. И в конце

концов государство, которое стремится контролировать и регулировать слишком многое, становится дорогостоящим, но слабым, неэффективным, теряющим авторитет.

Все эти претензии, собранные из бесчисленных высказываний, наверняка можно сформулировать и сгруппировать иначе, но их общий смысл от этого не изменится. Пишущие лишь выражают то, что бесспорное большинство общества сегодня ощущает: снова есть «мы» — и есть «они», правда, законно избранные или назначенные, но от этого не менее отчужденные от нас, в основном не особенно честные и не слишком компетентные. Эти многоголосые жалобы праведников должны были бы отбить охоту от участия в политической жизни у всех и каждого, за исключением горстки алчных карьеристов, — в результате государство и демократия будут все более отталкивающими, а пессимисты все чаще будут правы — быть

может, даже те из них, кто пророчит, что накапливающиеся разочарование и злость в конце концов приведут к победе популистской демагогии.

После прочтения некоторого количества подобных статей остается осадок безнадежности: все они обычно заканчиваются призывами к нравственному возрождению, которое, однако, еще никогда не наступало в результате громогласных обвинений и проповедей.

Быть может, поэтому стоит напомнить, что, например, отцы-основатели США разрабатывали демократические институты, имея в виду человеческую природу, испорченную эгоизмом, а не общество, состоящее из благородных и мудрых патриотов. Гражданские добродетели для них были не исходным пунктом конституционных положений, а скорее зрелым плодом их долговременного действия. Ибо воздействие на нравы через институты общества представляется более перспективной стратегией, чем призывы к исправлению нравов ради совершенствования государства.

Так что попытаемся рассмотреть приведенные выше аргументы обвинения хладнокровно, скорее с намерением понять, а не с сожалением, стыдом или возмущением.

ВОЗРАЖЕНИЯ

Мелкие и крупные скандалы сопутствуют современной демократии от самых ее исторических истоков, и невозможно указать страну, которую время от времени не потрясали бы скандалы и аферы, связанные с коррупцией, нарушением моральных устоев, шпионажем, или же опасные кризисы, вызванные превышением государственными деятелями их конституционных полномочий. Самых обожаемых кумиров массового сознания преследовал, а то и преследует по сей день злой рок, которому способствовали пороки их характеров: одним удавалось выйти из испытаний с сильно запятнанной честью, другие же скатывались на самое дно всеобщего позора. Я вспо-

минаю об этом не для того, чтобы приуменьшить значе-

ние честности и добросовестности в нашем государстве, но чтобы показать, что проблема эта явно выходит за его пределы. Уровень коррумпированности, а тем более моральный уровень измерить не-

легко, хотя такие организации, как «Transparency International», разрабатывают целые шкалы измерения на основе интуитивных оценок иностранцев, занимающихся деловой деятельностью в различных странах. Из их таблиц и диагнозов

явно следует, что коррупция и подкуп менее распространены в демократических странах по сравнению с деспотическими, но при этом еще и ча-

ще разоблачаются.

Демократия по самой своей природе представляет собой более «прозрачную» систему, и в условиях демократии скрыть недобросовестность значительно труднее. Определенные сферы государственной службы и некоторые этапы административных или следственных действий, как можно полагать, навсегда останутся окружены покровом тайны и конфиденциальности информации — в интересах не только государства, но и самих граждан, которые не хотели бы любые свои проблемы решать у всех на глазах. Тем не менее, представляется разумным стремление к максимальной гласности и прозрачности процедур и решений, а также к сужению тех сфер, где принятое решение зависит от усмотрения конкретного чиновника (например, определение результатов тендера, конкурса, предоставление концессии или компенсации). Проблема финансирования политических партий и предвыборных кампаний почти везде — как на Востоке, так и на Западе - служит источником двусмысленных ситуаций и довольно серьезных публичных разбирательств; предоставление дотаций из бюджета — решение непопулярное, но, по всей вероятности, наиболее надежное. В конечном итоге речь идет о создании такой системы, где отсутствие добросовестности неминуемо приводило бы к чрезвычайно серьезным политическим и юридическим последстви-

Роль прессы в срывании этих покровов тайны неизмерима и, вообще говоря, положительна. При этом, однако, нельзя не отметить, что пресса питается скандалами и сенсациями, так как ее чи-

татели, вопреки видимости, любят узнавать, что начальство опять проворовалось. Каждое подобное сообщение подтверждает уже сложившийся у них стереотип и к тому же развлекает их захватывающими закулисными историями. При этом пресса в своих подозрениях и обвинениях практически

не чувствует себя связанной ни уголовным кодексом, ни правилами порядочности: в этом отношении нам еще далеко до Запада, где публичная клевета или оскорбление может обойтись автору в целое состояние.

Что касается разрастания бюрократии, то против этого, по-видимому, еще никто и нигде не нашел лекарства, а законы Паркинсона оказались справедливыми независимо от государственного устройства... Не стоит особенно рассчитывать на обещания сократить административный персонал: если уж чиновника приняли на службу, то уволить его чрезвычайно трудно, ибо каждая попытка сокращения штатов приводит в действие слож-

ный механизм защиты групповых интересов. Слияние ведомств приводит к тем же результатам, что их разделение, а децентрализация — к тем же, что и централизация. Система самоуправления, формируемая сверху — например, на уровне района, — от-

нюдь не обязана быть в большей степени самоуправлением, чем самое обычное государственное учреждение или управление, разве что она больше подвержена патологическим явлениям, выраженным в правиле «рука руку моет». В политике действительность нередко разоблачает красивые слова. Дело здесь, впрочем, вовсе не в посткоммунистической специфике: по-видимому, более важную роль играет установившийся в странах с поздним развитием капитализма престиж должности. В Польше бюрократию — даже собственную, не говоря уже о пришлой, — никогда не любили, но многие молодые люди мечтали сидеть за большим столом на большой должности, и чтото от этой психологии еще сохранилось. Впрочем, западноевропейская администрация, особенно бюрократия ЕС, окопавшаяся в Брюсселе, — тоже не лучший образец для подражания.

Методы политической борьбы в Польше — и, по всей видимости, в других странах нашего региона — иногда иначе как грязными действительно не назовешь. В какой-то мере они отражают уровень повседневной культуры общения: у нас почти каждый мелкий конфликт — в автобусе, в дорожном движении, в очереди к врачу, а уж тем более на трибунах стадиона — сразу принимает агрессивные, а нередко и просто хамские формы. Умение цивилизованно разрешить спор или конфликт интересов, лояльности или взглядов требует длительной работы над собой, которую пока что никто не ведет. Вдобавок к этому в политике ставка, за которую идет игра, гораздо выше (в гла-

зах соперников). Однако существующее положение нельзя даже сравнить с эпохой советского диктата, когда подлинные или предполагаемые диссиденты были совершенно беззащитны и все органы пропаганды по команде хором оплевывали их. Более того, результаты выборов, особенно президентских, свидетельствуют, что агрессивность политиков не по вкусу избирателям, которые, как правило, предпочитают кандидатов, склонных к примирительному тону.

Нельзя считать необоснованным и упрек в том, что политические споры теряют характер споров программных, превращаясь в борьбу различных группировок за власть — неприкрытую, но

прикрываемую обещаниями, которые никто всерьез не намерен выполнять. Дело, однако, в том, что само понятие партийной или индивидуальной программы становится иллюзорным, особенно при пропорциональной избирательной системе, где пра-

вительство обычно опирается на коалицию нескольких партий, — это означает, что ни одна из них просто не в состоянии беспрепятственно воплотить в жизнь свои идеи. Демократическая политика формируется в процессе повседневных компромиссов и соглашений, приводя к таким решениям, которые никого не устраивают, даже если в сложившихся обстоятельствах они оптимальны.

Точно так же происходит и распределение ответственности среди различных субъектов власти. Более того: механизм современного государства настолько сложен, что внесение в него исправлений или усовершенствований требует огромных усилий для достижения сравнительно незначительных результатов. При формировании бюджета — этой основы любых решений — уже принятые и не могущие быть измененными обязательства настолько ограничивают свободу маневра, что самые жаркие схватки касаются, как правило, распределения ничтожной доли доходов и расходов государства.

Таким образом, избиратели правы, когда не интересуются конкретными программами действий, которые должны оставаться гибкими, чтобы приспособиться к различным ситуациям. От политиков следовало бы ожидать представления не столько программ, сколько собственных убеждений, симпатий и антипатий, уровня мышления, черт характера и профессиональной квалификации. И действительно, многие из них пытаются удо-

влетворить эти ожидания с различным для себя результатом.

Политический класс неизменно обвиняют в отрыве от жизни простых людей, хотя не всегда понятно, что именно имеется в виду. Всегда и везде политиков упрекают в том, что они не хотят прислушиваться к «голосу масс», а с другой стороны, их одновременно обвиняют в том, что они придают

слишком большое значение рейтингам популярности и предвыборным прогнозам, то есть как раз «голосу масс». Их упрекают и в том, что они выражаются суконным и малопонятным языком, и в том, что они проявляют склонность к «дешевому популизму». И все-таки не подлежит сомнению тот факт, что коммуникация между миром политики и миром повседневной жизни явно нарушена. В польских дискуссиях никто не охарактеризовал сложившееся положение лучше, чем премьер-министр Ежи Бузек, который в статье в еженедельнике «Политика» от 30 декабря 2000 г., признал, что отношение к информации как собственности власти — это вырождение демократии, и призвал к «всеобщему раскрепощению информации». Однако преградой на пути к подобному раскрепощению становятся определенные особенности современной цивилизации. Бузек признаёт, что языки права, политики и бюрократии недоступны широкому кругу читателей и слушателей, — но, боюсь, полностью отказаться от них уже невозможно. Депутаты и министры, а также чиновники местной администрации ежедневно сталкиваются с законодательными материалами, которые во всем мире становятся все более сложными и не могут обойтись без узко-

профессионального языка. Точно так же материалы из области финансов, страхования, технологий — словом, из тех областей, которые Лешек Бальцерович назвал «конкретной политикой», — требуют сегодня такого уровня компетентности, которым не могут похвастаться даже многие профессиональные политики.

Отсюда следует, во-первых, что фактическая власть постепенно переходит от избираемых представителей к чиновникам и специалистам, которые готовят для них материалы, статистические анализы, заключения и юриди-

ческие проекты. Во-вторых — что популяризация политических проблем, их перевод на язык повседневных представлений и понятий, а также разъяснение реформаторских инициатив тоже требует специальной квалификации, которой обладают лишь немногие политики. Поэтому упрек в отсутствии взаимопонимания между политическими патрициями и демократическим плебсом следует обращать в первую

очередь к средствам массовой информации, чей язык комментариев и анализов тоже бывает претенциозным и непонятным значительной части читателей и слушателей.

Другое дело, что следовало бы вначале выяснить, какая часть граждан действительно хочет, чтобы их информировали о том, что именно готовится на политической кухне. Похоже, что многим из них это было бы просто неинтересно: их любопытство можно удовлетворить на уровне краткого телевизионного обзора новостей. Современная демократия опирается на миф о всеобщем участии (или, по крайней мере, о праве на таковое) в управлении государством, тогда как общество гораздо больше интересуется спортивными соревнованиями или телевикторинами, чем политическими играми: не исключено, что просто потому, что люди чувствуют свою некомпетентность. Даже когда на какое-то время просыпается массовый интерес к политике, интерес этот сродни переживаниям болельщиков, — проявление теледемократии, в рамках которой, как справедливо заметила Ханна Свида-Земба, люди не слушают, а смотрят. И в результате голосуют за политиков симпатичных, которые не утомляют их занудными рассуждениями и не «нагружают» всяческими про-

блемами. Для теледемократии характерно еще и то, что политики центрального уровня, часто появляющиеся на телеэкранах и участвующие в конкурсах популярности, становятся избирателям ближе, чем политики местного уровня, которые не вызывают к себе интереса.

Способность проявить участие к чужой беде наверняка распределена между политиками неравномерно, но все равно их критикуют как за безразличие, так и за слишком выраженную отзывчивость. Действительно, депутат или министр, проявляющий понимание и сочувствие к требованиям протестующих мед-

сестер или работников оборонной промышленности, может легко столкнуться с упреком в том, что он идет на поводу у отдельных лоббистских групп, вместо того чтобы заботиться об интересах и экономическом развитии всей стра-

Существует и еще один постоянный конфликт — по выражению одного политика, «конфликт срочного с существенным», в котором срочное, как правило, побеждает. Рабочий день депутата или министра до краев наполнен вопросами, которые требуют безотлагательного решения и которые почти не оставляют времени на спокойные размышления, а тем более — на контакты с людьми вне ближайшего политического ок-

ружения. Одним словом, определенный отрыв управляющих от управляемых представляется неизбежным. Есть даже основания полагать, что он будет углубляться, поскольку это не просто деформация нашего времени и нашего региона, но внутреннее качество системы.

Трудно также ожидать, что исчезнет уверенность в неспособности властей решать насущные вопросы. Такого упрека легче избежать консервативным правительствам, которые, более считаясь с силой людских привычек, по самой своей при-

роде осторожнее в проведении реформ и экспериментов. Реформы, пусть даже самые рациональные по замыслу, поначалу всегда вносят беспорядок и обнаруживают все свои недостатки и противоречия, прежде чем

проявится (если вообще проявится) их задуманный смысл. Правительства хорошо знают, что реформы нужно проводить как можно быстрее после выборов, но за них все равно придется заплатить резким падением популярности, жертвой которого становятся даже такие талантливые и обаятельные политики, как Тони Блэр.

По либеральной теории, вмешательство государства в экономику и частную жизнь граждан должно уменьшаться. Однако на практике развитие современной цивилизации ставит перед государством всё новые и новые задачи, что приводит к созданию новых государственных учреждений. Так, например, юридическая разработка и внед-

рение новых технических норм и стандартов во всех возможных областях превращается в огромной сложности задачу, стоящую перед каждой государственной и надгосударственной администрацией. Современное здравоохра-

нение и охрана окружающей среды, борьба с организованной преступностью, потребности науки и системы образования, транспорта и связи, правовых отношений и гражданских свобод — все это и многие другие отрасли становятся все более дорогостоящими, требуют изыскания дополнительных средств, новых налогов, экспертиз и правового ре-

вых налогов, экспертиз и правового регулирования. Государство, будь оно либеральное или авторитарное, регулирует сегодня все больше сфер деятельности об-

щества, создавая подлинный потоп законодательных и подзаконных актов, ибо все должно быть нормировано и втиснуто в юридические рамки. Но, стремясь регулировать все больше и больше, оно регулирует все хуже и хуже, а результаты непродуманных решений люди ощущают на своей шкуре. Авторитет государства-монстра ослабевает, ибо чудовище на самом деле оказывается не грозным, а въедливым и дотошным, держащим в руке не топор, а калькулятор. Люди же проявляют недовольство государством и правительством за

то, что те во все вмешиваются, а обеспечить толком ничего не умеют. За то, что они ставят полицейских на каждом углу, а изловить воров и торговцев наркотиками не могут. Что они слишком суровы и слишком снисходительны, что слишком многое позволяют и слишком многое запрещают. Что политические авантюристы и экстремисты могут безнаказанно плевать на государство с высокой коло-

кольни, пока в один прекрасный день не станут жертвами на этот раз никак не обоснованных репрессий. Эти претензии отнюдь не исключают друг друга, а наоборот, дополняют и в итоге порождают всеобщую антипатию к политике и демократии, к правительству и оппозиции. Ко всем тем, кого мы называем «они». Что бы «они» ни сделали, все будет плохо.

В деспотических системах нетрудно возбудить у людей чувство благоговейного преклонения и любви к королю, царю или генсеку. Он находится где-то далеко и высоко, он недоступен простым смертным и потому может быть окружен нимбом священной непогрешимости, даже если он

просто преступник, садист или кичливый дурак. Демократия — это неизлечимо мирская система, а сама по себе избираемость лидеров, создавая двустороннюю зависимость, допускает определенную степень фамильярности. И дает основания для подозрительности: если уж я этого человека выбрал, то должен смотреть ему на руки и не доверять с первого же дня. Доверять я могу генералам или телевизионным дикторам, но ведь не депутату же, за которого я сам голосовал! Этот парадокс оказывается вполне неплохой гарантией соблюдения законности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(в духе скептического реализма)

Я не собираюсь ни подтверждать, ни опровергать обвинения против нашей современной демократии. Я пытаюсь лишь показать, что большинство этих критических замечаний касается не столько ее моральных извращений, характерных для наших стран, сколько ее системной сути. Дело здесь не в наследии коммунистического прошлого, но в уровне нашего цивилизационного развития, а иногда (чаще) — в нашем общеевропейском и «глобалистском» будущем. Я полагаю, что политическая власть будет и дальше отрываться

от народа, будет по-прежнему стремиться охватить регулированием все более широкие области, хотя наверняка все менее эффективно. Интервенционизм либерального (!) государства будет усиливаться, движимый не общественными идеалами, а напором безотлагательных проблем, требующих своего решения (эпидемия «бешеных коров», нелегальная иммиграция беженцев из Азии, террористические акты, компью-

терные вирусы и т.д.). Этих проблем не предвидела ни одна политическая теория со времен Аристотеля.

Между тем жизнь идет своим чередом. Ее формы и течение все в большей степени определяют наука и техника, рынок труда и рынок без удержу производимых материальных благ, индустрия развлечений и World Wide Web — «всемирная паутина» Интернета. Это тектонические движения нашей эпохи, могущественные факторы, «делающие нашу жизнь лучше» (или, если угодно, хуже), которых не обуздать никакому регулированию, никаким законам, полиции или заповедям. Благодаря им

власть над нами распределяется между различными ее субъектами — или, как знать, между различными уровнями новых, только зарождающихся иерархий? Пока что наша жизнь характеризуется замешательством и разрозненностью, смешением критериев и ценностей, все расширяющимся диапазоном неравенства материальных условий существования и легко достигаемыми успехами духовной серо-

сти в мире пассивно наблюдающих за всем этим масс.

Таким образом, на вопрос: «Удастся ли нам полюбить демократию?» — я отвечаю: «Нет, не удастся». Демократия существует не для того, чтобы ее любили. Хорошо уже, если ее удастся уважать. Этому должны служить обучение конституционным принципам с самого раннего возраста, неустанная забота государственных и общественных учреждений о гражданской культуре общества и прежде всего — свобода критики. Так или иначе, путеводная звезда демократии светит сегодня над все более обширными территориями нашей планеты, хотя и более слабым светом, чем прежде. Дело в том, что затмевающие эту звез-

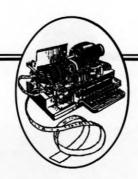
ду могущественные силы, организующие нашу жизнь, не избираются и не контролируются самими гражданами. Хотя как сказать? Мы ведь голосуем за них, держа в руках пульт телевизора или мышь компьютера, идя в супермаркет за йогуртом или стиральным порошком каким угодно, лишь бы он не был «обычным». Мы должны любить этот йогурт или телесериал, нам должен нравиться стиральный порошок или автомо-

биль, чтобы мы его купили. Демократию лю-

бить никто не обязан.

Быть может, кто-то скажет, что он ожидает от политиков чего-то большего. Но чего именно? Чтобы они указывали нам, куда двигаться? Были лидерами? Нравственными авторитетами? Наполняли смыслом коллективный труд нации? Укореняли моральные ценности в политической сфеpe?

Тогда спрошу и я: а что, все эти роли уже не может играть Господь Бог? или История? или национальные гимны?

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

О Конституция 3 мая 1791 г. действовала в Польше неполных два года, до второго раздела Речи Посполитой. В сознании нации она сохранялась 210 лет. Этот документ помог нам, лишенным своего государства, чувствовать себя нацией, имеющей право на это государство. С 1991 г. день 3 мая вновь стал государственным праздником. («Газета выборча», 2-3 мая)

• В опросе общественного мнения, проведенном Лабораторией социальных исследований, первое место среди восьми премьер-министров Третьей Речи Посполитой занял Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр (сентябрь 1989 — декабрь 1990). На втором месте Влодзимеж Тимошевич, на третьем — Ежи Бузек. («Жечпосполита», 4 мая)

 Президент Квасневский подписал положение о выборах применительно к новому административному делению страны. В положении принят метод исчисления голосов по Сент-Лигу, который благоприятствует пропорциональности, т.е. вернее отражает результаты голосования. Этот метод выгоден малым политическим группировкам, что, однако, загрудняет создание правительства, имеющего сильную опору в парламенте. Закон запрещает политическим партиям вести экономическую деятельность, продавать «кирпичики» [т.е. принимать пожертвования от частных лиц], принимать деньги от юридических лиц, а также ограничивает размер членских взносов физических лиц, вводит лимиты расходов на предвыборную кампанию и обязывает проводить финансовые операции исключительно через банки. Ликвидируются общенациональные списки выборы парламентариев будут проходить исключительно по избирательным округам. («Жечпосполита», 2-3 мая)

О В силезском городе Ныса, где результаты последних парламентских выборов были ближе всего к результатам по стране в целом, состоялись «правыборы», в которых были получены следующие результаты: коалиция «Союза демократических левых сил» с «Унией труда» — 46,56% голо-

сов; «Гражданская платформа» — 16,63%; «Избирательное действие Солидарность» (ИДС) — 7,61%; «Самооборона» (радикальная крестьянская партия) — 6,67%; Национальная партия пенсионеров — 6,33%; «Уния реальной политики» — 4,53%; «Польское стронництво людове» (ПСЛ, крестьянская партия) — 4,53%; «Уния свободы» — 2,39%; «Альтернатива» — 2,56%; Национально-католическое движение — 1,75%. Участвовали 29,1% избирателей. («Газета выборча», 24 апреля)

О В апреле поддержка отдельных партий избирателями составляла: коалиция СЛДС с «Унией труда» — 43%; «Гражданская платформа» — 16%; ИДС — 13%; ПСЛ — 13%; «Уния свободы» — 5%. («Жечпосполита», 2-3 мая)

О По опросу ЦИОМа, 86% поляков считают, что политиков не интересует судьба простых людей; 82% — что политики заботятся не о благе государства, а о собственных интересах; 76% — что политикам доверять нельзя; 74% — что политики нечестны; 37% — что они недоучки. («Газета выборча», 26 апреля)

ОВ рейтинге министров, по данным опросов Лаборатории социальных исследований, на первых местах: министр правосудия Лех Качинский — 82% (13% отрицательных оценок); министр иностранных дел Владислав Бартошевский — 64% (19%); министр национальной обороны Бронислав Коморовский — 54% (34%). Премьер-министр Ежи Бузек занял лишь девятое место с 34% положительных оценок и 63% (самый высокий показатель) отрицательных. («Жечпосполита», 7 мая)

Один из самых богатых людей в Польше, бывший сенатор, а в прошлом сотрудник госбезопасности Александр Гавроник арестован по обвинению в вымогательстве возврата НДС, а также участии в вооруженной преступной организации. Сверх того над ним тяготеют подозрения в подделке документов, вымогательстве кредитов и подкупе таможенников. («Газета выборча», «Жечпосполита», 8 и 9 мая)

О По результатам обследования Международного объединения оценки достижений в просвещении, у польских гимназистов гражданские познания выше, чем у их ровесников из 28 стран, в которых наряду с Польшей проводилось обследование. Они относятся с доверием к католической Церкви, ООН и экологическим организациям, но не к правительству своей страны. («Впрост», 15 апреля)

• Весенняя акция спасания жаб началась в окрестностях Золотого Потока в Силезии. В период брачной активности жабам, чтобы снести икру в озере, приходится пересекать дорогу с большим движением, и многие погибают под колесами. Чтобы уберечь их от этого, по обеим сторонам дороги поставили низкие матерчатые загородки с карманами. Два раза в день попадающих в карманы жаб вынимают и переносят на другую сторону. («Газета выборча», 13 апреля)

О Конституционный суд постановил, что выселение на улицу беременных женщин, матерей с детьми и инвалидов противоречит конституции. («Тыгодник повшехный», 15 апреля)

• Вступил в действие закон о жилищных кооперативах, позволяющий жильцам выкупать квартиры за 3% их рыночной стоимости. («Тыгодник повшехный», 6 мая)

О По данным Главного статистического управления (ГСУ), средняя зарплата на промышленных предприятиях составила в марте 2001 г. 2149 зл. (без вычетов) и была на 3,6% выше, чем в феврале. В марте на предприятиях было занято 5,17 млн. лиц, т.е. на 0,4% меньше, чем в феврале, и на 2,6% меньше, чем в марте предыдущего года. («Впрост», 29 апреля)

О Средняя зарплата в Варшаве на 50% выше, чем в уездных (поветовых) городах. Хозяйственная деятельность в уездных городах гораздо лучше окупается: предприниматели без задержки оформляют свои дела в налоговых учреждениях, так как знают всех чиновников; они хорошо знают специфику не слишком большого рынка; тратят они мало, а зарабатывают много. В городах с несколькими сотнями тысяч населения никогда не найти столько лояльных работников, как в уездных городках. («Впрост», 29 апреля)

○ Заработки в местных органах самоуправления отныне ограничены законом. Президент (мэр)

большого города будет зарабатывать 9 тыс. зл.; президенты городов, бурмистры и войты (сельские старосты) — 7,5 тыс.; войты в малых гминах – 4-6 тыс.; начальники отделов и заведующие бюро — 4 тыс.; персонал — 2,2 тыс.; председатели советов — до 2 тыс. злотых. («Жечпосполита», 6 мая)

○ 298 337,83 злотых — таков годовой доход Александра Квасневского. Президент заплатил свыше 82 тыс. зл. подоходного налога. («Тыгодник повшехный», 6 мая)

О По словам председателя «Бизнес-центр-клуба» Марка Голишевского, зарплата, которую получает трудящийся, составляет всего лишь 30% общих затрат на оплату труда. Остальное — поборы, вытекающие, в частности, из Трудового кодекса.

О Польский совет бизнеса бьет тревогу: затраты на оплату труда в Польше завышены до абсурдного уровня, результатом чего становится, в частности, безработица. В состав этих затрат входят: налоги, отчисления на целевые фонды, социальное страхование, расходы на обучение технике безопасности и трудовой гигиене, на медицинские обследования, выплаты по больничным листам. Уровень этих затрат в Польше составляет 4,2 долл. на один рабочий час, в Венгрии — 4,1, в Чехии — 3,8, в Словакии — 3,3. («Газета выборча», 4 мая)

О По данным бирж труда, в последние месяцы невозможно было найти желающих примерно на 200 тыс. рабочих мест. Если бы безработные хотели и могли соответствовать требованиям работодателей, ищущих рабочие руки и головы, около полумиллиона человек могли бы найти работу. Главная проблема польского рынка труда — низкая мобильность работников и нежелание менять квалификацию. Четыре пятых безработных не осознают требований современного рынка труда. («Впрост», 13 мая)

О Согласно последнему докладу Всемирного банка, безработица в Польше имеет тенденцию к дальнейшему росту. Главная, объективная причина реструктуризация экономики. При усилении конкуренции и повышении производительности труда лишние рабочие места ликвидируются быстрее, чем создаются новые. Вдобавок эти новые места создаются не в тех же регионах и в иных сферах экономики, требующих новой квалифика-

ции и более высокого образования. Одно из препятствий в поисках работы — недостаточное образование. («Газета выборча», 10 мая)

- О Сейм постановил, что с будущего года число депутатов местных советов всех уровней уменьшится на четверть; нельзя будет соединять мандат депутата местного совета с парламентским мандатом, постом воеводы или вице-воеводы и с работой в другой единице местного самоуправления; деятельность органов самоуправления в гминах будет гласной. («Жечпосполита», 12 апреля)
- О Как следует из проверки, проведенной в 1999 г. Государственной трудовой инспекцией на 63,5 тыс. предприятий, где занято в целом 5 млн. человек, только 6% предприятий соответствуют требованиям трудового законодательства. Сумма наложенных на предприятия штрафов превысила 14,5 млн. зл. Число нарушений возрастает на 20% каждый год. («Впрост», 22 апреля)
- О Если придерживаться всех предписаний и буквы Трудового кодекса, пришлось бы закрыть большинство предприятий и объявить банкротство польской экономики, ибо ни один предприниматель не способен удовлетворить требованиям кодекса. Трудовой кодекс включает нереальные и даже вредные предписания, которые приходится обходить, иначе хозяйственная деятельность стала бы невозможна. Парадоксально, но те, кто нарушает кодекс, действуют на благо своих работников. («Впрост», 22 апреля)
- «Долгие праздники» конца апреля начала мая в этом году побили в Польше все рекорды: 28 и 29 апреля — суббота и воскресенье, 1 мая первомайский праздник трудящихся, 3 мая — День конституции, 5-6-го — опять суббота-воскресенье. Среднестатистический поляк работает 1560 часов в год, на 446 часов (т.е. почти на 30%) меньше, чем среднестатистический американец. На больничном листе поляк в среднем находится 17-18 рабочих дней в год, т.е. почти три недели, американец же имеет право на «оплачиваемую болезнь» только 12 дней в году. С точки зрения выходных дней (девять праздников, 52 воскресенья, 52 субботы), Польша занимает одно из первых мест в мире. К этому прибавляются ежегодные отпуска, отпуска по родам и на воспитание малолетних детей. Популистская политика привела к торможению экономического роста и кризису государственных финансов. («Впрост», 29 апреля)

- О 1,2 млн. поляков в 2000 г. совершили туристические поездки на другие континенты. Только 5-6% воспользовались услугами турагентств. Огромное большинство организует выезд своими силами. («Впрост», 22 апреля)
- О Свыше трех четвертей поляков (79%) считают себя счастливыми, неудовлетворенность испытывают 17%, и только 4% считают себя крайне несчастными. («Жечпосполита», 12 апреля)
- О Поляки живут на 6-8 лет меньше, чем мужчины в странах Евросоюза. Еще короче продолжительность жизни мужчин в Венгрии, Румынии, России и Болгарии. («Жечпосполита», 23 апреля)
- О По мнению Международного валютного фонда, главные неблагоприятные черты экономического положения Польши — растущая безработица, падающий темп роста ВНП, уменьшившиеся достижения в борьбе с инфляцией и слишком высокая процентная ставка. («Жечпосполита», 12 апреля)
- О В марте зарегистрирован самый медленный до сих пор рост кредитов только на 0,3% (160 млн. зл.). Отказ от кредитов явление новое. Кредиты дороги, а люди боятся потерять работу. Зато срочные вклады возросли на 2,7 млрд. зл. по причине высоких процентов на них. Сбережения на срочных вкладах составляют почти 80% всех банковских вкладов. Экономисты неспособны объяснить, почему в марте произошел крупный рост валютных вложений на 20,6% млрд. злотых. («Газета выборча», 18 апреля)
- О По сообщению ГСУ, розничные цены в марте возросли на 0,5%, но годовая инфляция, составлявшая в феврале 6,6%, упала до 6,2%. («Жечпосполита», 18 апреля)
- ОГСУ также сообщает, что реализованная промышленная продукция выросла в марте по сравнению с февралем на 14,6% и была на 2,8% больше, чем в марте прошлого года. По мнению экономистов, это слишком мало, чтобы провести в жизнь положения закона о бюджете, касающиеся продукции и ВНП. («Жечпосполита», 20 апреля)
- В 2000 г. отрицательное сальдо польской торговли с Россией возросло до 3,7 млрд. долл., торговый оборот между двумя нашими странами до 5,5 млрд. долл., стоимость импорта из России

составила 4,6 млрд. долл., а польского экспорта — 862 миллиарда. («Впрост», 13 мая)

- О Самые большие кредиты Европейского банка реконструкции и развития, выделенные с 1991 г., получили Россия (2356 млн. евро) и Польша (1345 миллионов). («Впрост», 6 мая)
- О По данным министерства финансов, внешняя задолженность Польши уменьшилась на 289,5 млн. долларов. («Впрост», 29 апреля)
- О По данным Государственного управления иностранных капиталовложений, в 2000 г. в Польшу хлынули инвестиции рекордного уровня 10,6 млрд. долларов. С 1989 г. в Польше вложено иностранных капиталов на общую сумму 49,4 млрд. долл.. («Впрост» 29 апреля)
- О По официальным данным, польские капиталовложения за границей превосходят миллиард долларов. («Жечпосполита», 9 мая)
- О В рейтинге экономической конкурентоспособности, который составляет Международный институт управления развитием в Лозанне (IMD), Польша заняла 49-е место (на девять мест дальше, чем год назад) после Венгрии (27), Чехии (35), Словакии (37), Словении (39) и России (45). («Жечпосполита», 25 апреля)
- ОСогласно докладу «Польша-2000: развитие сельской местности», подготовленному Программой ООН по делам развития, существуют две Польши городская, принадлежащая к развитым обществам, и сельская, сильно отсталая: ВНП на душу населения в деревне составляет 6,1 тыс. долл. в год — на 2,8 млрд. долл. меньше, чем в городе; высшее образование имеют 3% сельских жителей и 11% городских; показатель социального развития в сельской местности составляет 0,814, а в городе — 0.828. В 80-е гг. один из 14 сельских школьников поступал в высшее учебное заведение, в 90-х один из 130-140. Закрепление такого разрыва дестабилизирует развитие страны и может серьезно нарушить процесс ее интеграции в Евросоюз. («Газета выборча», 24 апреля)
- О Около 44% жителей стран ЕС за принятие Польши в Евросоюз, а 36% против. («Жечпосполита», 2-3 мая)
- О Согласно опросу ЦИОМа, 96% поляков считают себя верующими, 56% верующих ходит в церковь хотя бы раз в неделю. 4% опрошенных объявляют себя неверующими. Среди верующих 96,4% назва-

- ли себя католиками, 1,4% православными, 0,2% протестантами евангельско-аугсбургского вероисповедания; 0,1% евангельско-реформаторского; 0,2% последователями других религий, а 1,6% считают себя верующими, не связанными ни с одной конфессией. («Жечпосполита», 28-29 апреля)
- О Из исследований проф. Тадеуша Ханоусека с кафедры криминологии Ягеллонского университета следует, что один из четырнадцати поляков в возрасте 14-22 лет, живущих в городах с более чем стотысячным населением, согласился бы выбрать преступность как образ жизни. Это значит, что полмиллиона молодых поляков готовы делать карьеру профессионального преступника. («Впрост», 29 апреля)
- Условно-досрочно освобождаются из тюрем: 95% осужденных за убийство, 90% — за избиение, повлекшее смерть, 74% — за изнасилование с особой жестокостью, 70% — за изнасилование, 87% за вооруженный разбой. В целом три четверти осужденных за преступления с применением насилия получают условно-досрочное освобождение. Чем более тяжко преступление, тем выше доля досрочных освобождений и тем больше диспропорция между приговором и реальным наказанием. Это выводы из обследования, проведенного Институтом отправления правосудия. Обследование охватило свыше 6 тыс. человек, осужденных за агрессивные преступления и закончивших отбывание наказания в 1999 году. («Жечпосполита», 20 апреля)
- О В 165 польских тюрьмах 67 865 мест и 77 457 заключенных. Из-за нехватки мест 25 тыс. осужденных дожидаются исполнения приговора. Бюджет тюремного ведомства рассчитан на 63 тыс. заключенных, а к концу этого года их будет 85 тысяч. Тюремному ведомству будет не хватать 140 млн. зл., не считая 63 миллионов на уплату задолженности. («Газета выборча», 18 апреля)
- В 1999 г. из Главного управления полиции уволены 23 полицейских, в 2000-м уже 38, а почти сто временно отстранены от исполнения служебных обязанностей. В первом квартале 2001 г. уволены 20 полицейских и планируется уволить еще 30. Начальник столичной полиции старший инспектор Антоний Ковальчик рассматривает борьбу с нечестными полицейскими как одну из своих

главных целей. Он сумел изменить настроения честных полицейских, и теперь они сообщают начальству о своих подозрениях. Оперативные действия производит также внутренняя инспекция полиции. («Газета выборча», 27 апреля)

О Министр внутренних дел вместе с министром финансов будут создавать специальные группы, состоящие из налоговых инспекторов и полицейских с целью обнаружить и конфисковать имущество, нелегально нажитое членами преступных банд. («Впрост», 29 апреля)

О Специальные мобильные группы прокуратуры и полиции будут бороться с преступными бандами, терроризирующими малые городки. («Впрост», 15 апреля)

О В Варшаве прошел III съезд поляков из-за границы. По оценкам, за пределами Польши живет намного больше 10 млн. лиц польского происхождения, в том числе в следующих странах: США — 9,4 млн., Бразилия— 1,2 млн., Франция и Германия — по миллиону, Канада — 800 тыс., Украина — 500 тыс., Белоруссия — 400 тыс., Аргентина и Литва — по 300 тыс., Россия — 200 тыс., Австралия — 150 тыс., Великобритания — 140 тыс., Казахстан— 80 тыс., Чехия — 70 тыс., Бельгия, Латвия и Швеция — по 60 тыс., Австрия — 40 тысяч. («Жечпосполита», 28-29 апреля)

О «У русских к нам свои претензии, у нас к ним свои. (...) История польско-русских отношений содействовала возникновению многих фобий и предрассудков. Мы не избавимся от них в один день. (...) Если мы мечтаем о таком преподавании истории в польской школе, целью которого будет воспитание демократического общества, отказ от стереотипов, предрассудков, ксенофобии, то главное условие состоит в том, чтобы сам преподаватель преодолевал исторические обиды». (Кишиштоф Маслонь, «Жеч-посполита», 12 апреля)

О 12 мая в Варшаве состоялась программная конференция «"Союз левых демократических сил" и восточная политика» с участием председателя СЛДС Лешека Миллера. На конференции, в частности, декларировалась необходимость осуществить концепцию польской восточной политики, выдвинутую Ежи Гедройцем: была признана ее актуальность и тот факт, что ей нет разумной альтернативы. (Собственная информация)

О Польша по-прежнему разыскивает могилы более 7 тыс. польских граждан, уничтоженных в 1941 г. на территории тогдашнего СССР, в частности в Белоруссии, и пытается получить о них информацию. Польское посольство в Минске попросило разрешения на приезд польских экспертов в Белоруссию. Белорусский историк Игорь Кузнецов сомневается, что разрешение дадут: «Архивы белорусского КГБ закрыты. Польша получила почти всю документацию о военнопленных, расстрелянных в России и на Украине. От Белоруссии либо удается получить частичные сведения, либо вообще ничего не удается». («Газета выборча», 28-29 апреля)

О После того как были обнаружены массовые могилы рядом с бывшей тюрьмой НКВД, а затем помещением КГБ в Витебске, а также в Осинторфе под Оршей, Игорь Тышкин из Института археологии Белорусской АН заявил: «Если кто-то так считает [что это останки жертв НКВД], то пусть подтвердит свое мнение доказательствами. Тогда я признаю свою ошибку. Однако я вижу, что истина просто никого не интересует. (...) В 1991 г., когда там впервые были выкопаны кости, прокуратура создала специальную комиссию, которая установила, что это по преимуществу кости животных». («Газета выборча», 30 апреля — 1 мая)

О Польское посольство в Минске выразило протест против опровержения сталинских преступлений белорусскими СМИ: «Хотим напомнить, что публичное отрицание геноцида — практика, осуждаемая в цивилизованном мире, а в некоторых случаях и уголовно преследуемая». («Газета выборча», 30 апреля — 1 мая)

ОПрезидент Квасневский в интервью о злодеянии в Едвабне, еврейское население которого было уничтожено 10 июля 1941 г. своими польскими соседями, сказал: «Среди поляков были такие, кто помогал евреям и спасал им жизнь. Были и такие, кто выдавал и, увы — такое тоже бывало, — убивал евреев. Было и так, и этак. Среди выводов из дела Едвабне: невозможно и, более того, не нужно подводить итог героизма и подлости: они, к сожалению, не исключают друг друга. В Польше было великое благородство и был великий позор. Это нужно признать и об этой сложности сказать (...) это жестокое убийство в Едвабне совершили поляки, наши соотечественники (...) Как много я отдал бы за то, чтобы оказалось, что убийство в Едвабне — кошмарный

сон и неправда. Увы, Едвабне — это факт. (...) рассчитаться с трагическим XX веком, с войной, с ксенофобией, в том числе и с антисемитизмом, — это сегодня проблема большинства цивилизованных стран мира». («Тыгодник повшехный», 15 апреля)

О По опросу ЦИОМа, 48% поляков считают, что не следует просить прощения у евреев за злодеяние в Едвабне, а 30% — что следует. («Жечпосполита», 2-3 мая)

О Учителя из Едвабне, Радзивилова, Вонсоши и Визны — местечек, где в 1941 г. местное население участвовало в массовых убийствах евреев, — приняли участие в курсах повышения квалификации, посвященных еврейской истории и культуре. Курсы организовал Институт национальной памяти (ИНП). («Тыгодник повшехный», 6 мая)

• В Мокотовском районном суде Варшавы начался процесс 72-летнего Тадеуша Шиманского, который был офицером-инспектором X корпуса Мокотовской тюрьмы в 1949-1951 гг. X корпус находился в ведении госбезопасности и пользовался наихудшей славой. Тадеуш Шиманский обвиняется в мучительстве политзаключенных. («Жечпосполита», 24 апреля)

О В докладе Института им. Макса Планка (Фрайбург) Польша включена в число стран, которые, рассчитываясь с постыдным прошлым, применяют к ответственным лицам тоталитарного режима принцип относительной безнаказанности. Германия включена в число государств, применяющих к ответственным лицам бывшей ГДР принцип безоговорочной ответственности за преступления тоталитаризма. («Впрост», 13 мая)

О ИНП опубликовал перечень 186 мест, где в 1944-1956 гг. погребали жертв коммунистических органов репрессии. Но этот список все еще неполон. Типичные места, где скрывали останки, — особые участки кладбищ, дворы уездных управлений милиции и органов госбезопасности, стрельбища и полигоны, а также леса, в которых производились расстрелы. Расследования ИНП направлены на то, чтобы установить возможно более полное число жертв и выявить преступников. Каждая местная комиссия расследования преступлений против польского народа предоставляет всю информацию о погребениях жертв коммунистического режима на подведомственной ей территории. («Жечпосполита», 26 апреля)

О Военный окружной суд в Варшаве приговорил подполковника Збигнева П. к трем годам тюрьмы и лишению воинского звания за шпионаж в 1990-1999 гг. сначала в пользу КГБ, затем — спецслужб России. («Жечпосполита», 21-22 апреля)

О Сергей Ковалев получил от «Газеты выборчей», звание «человека года». В церемонии награждения приняли участие президент Александр Квасневский и премьер-министр Ежи Бузек. Речь в честь лауреата произнес бывший министр иностранных дел проф. Бронислав Геремек. В прошлом году это звание получил Джордж Сорос, а два года назад — Вацлав Гавел. («Газета выборча», 7 мая)

О В 280 католических приходах России работает около 200 священников, из них около двух третей — поляки.

О Православие в Польше по числу верующих занимает второе место после римско-католической Церкви. По мнению православных иерархов, их Церковь насчитывает 876,6 тыс. верующих, а не 554,8 тыс., как сообщает ГСУ. В Польской Автокефальной Православной Церкви шесть епархий и полевое епископство, три мужских и три женских монастыря (еще один женский монастырь строится). Священников готовит Варшавская духовная семинария, духовенство обучается в Христианской богословской академии в Варшаве и на кафедре православного богословия Белостоцкого университета. («Газета выборча», 26 апреля)

О Президент Квасневский вручил профессору Богдану Осадчуку высшую польскую награду — орден Белого Орла. Почти полвека Б.Осадчук, профессор политологии и истории Берлинского свободного университета, действовал в пользу польско-украинского сближения, будучи одним из ведущих публицистов парижской «Культуры», а также украинской эмигрантской прессы («Украинске висти», «Сучаснисть» и «Виднова»). С тех пор как Украина обрела независимость, он печатается и в газетах, выходящих в Киеве и во Львове. В Польше он сотрудничает с газетами «Жечпосполита», «Газета выборча» и «Тыгодник повшехный». («Жечпосполита», 4 мая)

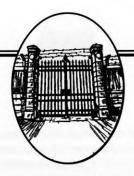
• Взнос Польши на строительство щита саркофага в Чернобыле составляет 10 млн. долл. (миллион в год). До сих пор Польша передала Украине 2 млн. долларов. Общая стоимость мероприятий по обес-

печению безопасности трухлявого саркофага — 70 млн. долл. («Жечпосполита», 25 апреля)

- О Отставку премьер-министра Украины Виктора Ющенко комментировали начальник Бюро национальной безопасности Марек Сивец и бывший министр иностранных дел Бронислав Геремек. М.Сивец: «Ющенко пользовался в мире репутацией хорошего реформатора, его отставка может повредить мнению об Украине за границей (...) Мы хотим быть благожелательным партнером Украинь». Б.Геремек: «Поддержка, оказываемая Украине, важный элемент польской стратегии. Власть "олигархов", возврат коммунистов к власти, рост связей с Россией все это должно возбуждать тревогу как в Польше, так и во всем мире». («Газета выборча», 27 апреля)
- О Большой крест «За заслуги» со звездой одноименного ордена ФРГ получил гнезненский митрополит Генрик Мушинский за заслуги в польско-немецком сближении. Ранее эту награду получили, в частности, Владислав Бартошевский, Бронислав Геремек, кардинал Франтишек Махарский, писатели Анджей Цолль и Анджей Щипёрский. («Жечпосполита», 18 апреля)
- О 19 апреля, в день памяти Катастрофы европейского еврейства (отмечаемый в годовщину восстания в варшавском гетто), прошел десятый «марш живых» от ворот бывшего лагеря Аушвиц (Освенцим) до крематориев в лагере Биркенау (Бжезинка). В марше участвовали свыше 2 тыс. человек: еврейская молодежь, 500 молодых поляков, группа польских парламентариев, ветераны и представители местных властей. Главная мемориальная церемония, посвященная годовщине восстания в варшавском гетто, прошла в Варшаве с участием представителей высших государственных властей перед памятником Героям гетто. («Жечпосполита», 20 апреля)
- О Михал и Анна Гураль, которые в 1942 г. в Бориславе спасли нынешнего посла Израиля в Польше

- проф. Шеваха Вайса и его семью, награждены медалью «Праведный среди народов». В Большой аудитории Варшавского университета посол вручил медаль Яну Гуралю, внуку Михала и Анны. («Жечпосполита», 23 апреля)
- О Марек Эдельман, последний оставшийся в живых член штаба восстания в варшавском гетто, получил звание почетного гражданина Варшавы. Церемония состоялась в Королевском замке в Варшаве. («Газета выборча», 23 апреля)
- О Из 90 тыс. членов Евангельско-Аугсбургской Церкви 50 тысяч живут в Тешинской Силезии. Они гордятся тем, что дольше всех остающийся на посту премьер-министра III Речи Посполитой Ежи Бузек и самый знаменитый ныне польский спортсмен Адам Малыш исповедуют ту же веру. Самый большой праздник лютеран Страстная пятница, время раздумий, личной исповеди перед Богом и самим собой и самостоятельно назначаемого себе покаяния. Их главный принцип молитва и добросовестный труд, воспринимаемый как ценность сам по себе. («Антена», 9 апреля)
- О Княжна Мария-Кристина Габсбург, дочь последних владельцев замка, пивоварни и другой недвижимости в Живце и его окрестностях, вернулась, чтобы поселиться в семейном замке. Его ремонт финансировали городские власти в порядке символического возмещения за ущерб. Отец княжны Карл (Кароль) Ольбрахт Габсбург был полковником польской армии, после войны был арестован. Княжна жила раньше в Швейцарии, но не принимала иностранного подданства, хотя власти ПНР лишили ее польского гражданства. Польский паспорт она получила только в 1992 году. («Газета выборча», 26 апреля)
- О Аист, возвращавшийся весной из Африки в Польшу, долетел до дома, хотя был прострелен более чем полуметровой стрелой. После того, как врачи вынули стрелу и наложили повязку на рану, аист уже опекает свое гнездо с яйцами. Стрела, застекленная, вставленная в раму, была продана на аукционе за 2,5 тыс. зл. эти деньги пойдут в фонды защиты животных. («Газета выборча», 23 апреля)

польский миф

Рассказывают участники советского правозащитного и оппозиционного движения

Предлагаемая вниманию читателей публикация составлена на основе устных интервью с бывшими советскими диссидентами и политзаключенными. Интервью записывала Татьяна Косинова (интервью у Владимира Погорилого взяла София Чуйкина) в России в 1991-1996 гг. — сначала в рамках программы «История диссидентского движения» НИПЦ «Мемориал» (Москва), а затем в рамках самостоятельного проекта «Диалог. Польско-советские диссидентские и культурные связи и взаимовлияния. 1950-е — 1980-е годы». Проект возник и функционировал во многом благодаря поддержке польских друзей из центра «Карта».И он бы не состоялся без заинтересованности польских коллег и интереса к нему в Польше. В 1994-1995 гг. работа над проектом проводилась при финансовой поддержке Фонда Генриха Белля. В настоящее время записано более ста интервью в России и в Польше.

Для нескольких поколений оппозиционно настроенной советской интеллигенции различные события в Польше стали одними из самых важных переживаний. За Польшей заинтересованно следили, активно обсуждали все ревизионистские и антикоммунистические акции и выступления, сочувствовали, завидовали, вдохновлялись, надеялись в Москве и на Урале, в мордовских и пермских лагерях, в ссылке на Колыме и в городке Луга, что на 101-м километре от Ленинграда. Публикуемые отрывки — лишь малая толика последнего большого российского «польского мифа» советского периода.

Татьяна Косинова

Лев Лурье: Поколение 60-х было полонофильским. В 1956 г. повторилась история с XVII веком, когда Запад проникал в Россию через Польшу. Дважды в России был такой период — XVII век и 50-е годы XX-го. Голицын и царевна Софья тогда были как бы сторонниками заимствования из Польши западного опыта: Польша как некий транзит между Европой и Россией.. Для людей 20-х, 30-х годов или даже всего XIX века Польша представлялась европейской провинцией... Как писал позже Ильф: «Варшавский блеск, огни ночного Ковна...» «Парижский блеск» и «огни ночной Вены», но такого не бывает — «огни ночного Ковна», местечковость...

И вот в результате того, что Польша оказалась с Россией в одном лагере и была при этом более независимой, через нее проникала некоторая информация. Хотя это было более старшее поколение и говорить об этом я могу только по ранним своим воспоминаниям... Вот Наталья Горбаневская, отчасти, наверное, Иосиф Бродский... Это лучше расскажут люди, родившиеся в 30-е годы, я это тоже помню, но мне тогда было 10 лет... Я помню массовый интерес к польскому языку, журналу «Экран». Отец тоже учился читать по-польски. В основном это было для науки, так как он славист. Но, конечно, он ходил на Вайду, читал «Политику» — все как надо. У отца были какие-то коллеги из Польши, которых он очень любил. И отец — гораздо больший полонофил, чем я. Конечно, потому что он старше. Были такие польские легенды, связанные с 1939 годом, с Варшавским восстанием. Все это было известно: Рокоссовский не пришел на помощь, Суворов, подавивший восстание Костюшко... Как бы в либеральную традицию это все входило. В «левой» традиции Польша была с положительным знаком...

Александр Лавут: Есть известная поговорка: «Польша — самый веселый барак в нашем лагере». Она очень давняя. Среди других этот «барак» действительно был как бы самым веселым в социалистическом лагере...

Владимир Пореш: Вообще Польша меня всегда очень интересовала. Во-первых, я очень любил польское кино. Я смотрел все польские фильмы, которые тогда выходили. Польская литература мне тогда мало попадалась, польского я не знаю. Ну, конечно, классику польскую я читал.. И мне все это очень нравилось. Это специфический мир, очень своеобразный, со своеобразной чувствительностью.

Лев Лурье

Лично мне очень близок внутренний мир поляков, польская эстетика. Духовную жизнь их я знаю меньше, собственно религиозную, но
с польской культурой, которая вся пронизана католицизмом, в том
или ином отношении я, как мне кажется, знаком. У них есть некоторая интуиция, я имею ввиду интуицию в глубоком смысле слова,
которая, может быть, нам ближе и понятней, чем, скажем, французам. Польша нам гораздо ближе. Это еще и в силу того, что Польша
была частью России многие годы и, наоборот, западные территории
Российской империи и бывшего Союза веками входили в территорию польского государства. Так или иначе, всегда были контакты и
взаимодействия, взаимовлияния. Варшавский университет всегда принимал участие в российской интелектуальной жизни. Там многие
говорят по-русски...

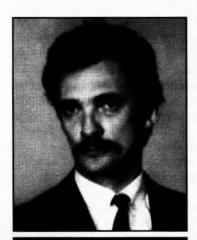
Ростислав Евдокимов: Я могу сказать, что у меня самого четвертинка польской крови, не четвертинка даже, больше, моя родная бабушка — Флеминг-Маковецкая по отцу, где-то там глубже в крови затесались Белевичи... Но это уже так, лирика... Я не могу похвастаться, как Слава Долинин, специальными занятиями польским языком,

но какие-то польские фразы и выражения сопровождали меня с самого раннего детства. С этим, безусловно, связаны самоощущения. Это, видимо, надо сформулировать как «польская бравада» или «гонор», достаточно специфическое чувство...

Вячеслав Долинин: Если вообще говорить о том, какую роль сыграла Польша, события в Польше, польская мысль, польская культура, польское демократическое движение, какое влияние все это оказало на меня лично и на людей, которых я знаю, то, конечно, не с «Солидарности» надо начинать...

Я был маленьким ребенком, когда впервые увидел фильм, который меня потряс. Это был «Канал» — один из первых фильмов Анджея Вайды. Мне было тогда 10 лет, я родился в 1946 году [«Канал» был впервые показан в СССР на Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1957 г., в прокат вышел намного позже. — Все прим. в квадратных скобках принадлежат редакции]. Почему запало в душу? Я вдруг почувствовал, что вижу правду. Мы росли в те годы, когда шли фильмы о ІІ Мировой войне, когда мы читали книги об этой войне. Как правило, в детстве доверяешь всему, но все это давалось очень односторонне, узко, стереотипно. И вдруг встречаешься о другим, совершенно другим подходом. И чувствуешь, что именно это и есть правда...

Лев Лурье: Для меня и моего поколения, уже после 1965 г., Польша — это прежде всего «Пепел и алмаз» [фильм вышел в советский прокат только тогда; годом позже, т.е. через 20 лет после польского издания, вышел роман Ежи Анджеевского], этот фильм был такой экзистенциальный и произвел колос-

Ростислав Евдокимов

сальное впечатление, сыграл колоссальную роль. Мой приятель, поэт Вендель, придумал название — «поколение поднятых воротничков». Цибульский стал главным героем, этаким брутальным и инфернальным, и в «Сайгоне» [неофициальное название кафе на Невском проспекте] все старались походить на него, все носили темные
очки, говорили немного, но очень обаятельно и были резкими. И,
конечно, он сыграл гораздо большую роль в молодежном сознании,
нежели какие-нибудь герои фильма «Девять дней одного года», потому что был героичен и трагичен. И зкзистенциален. Его герой сталкивается с реальностью, понимая, что ему ничего в ней не изменить,
он как бы выполняет свой долг, потому что иначе не может. Он поступает не этически, а эстетически, его этика — это его эстетика, я
бы так сказал. По времени это совпадает с популярностью романов
Камю, а также со все более обнаруживающейся безнадежностью
существования в системе...

Вячеслав Долинин: «Пепел и алмаз» я смотрел несколько раз, Впечатление было огромное. Мне было 17 лет, это как раз тот возраст, когда у меня в сознании произошел перелом: я отказался от

марксизма. До этого я был убежденным марксистом, читал Ленина, верил официальной пропаганде вопреки фактам. В этом смысле польская культура, польское кино помогали обрести внутреннюю свободу...

Валентин Погорилый: Это был 1974 год, я учился тогда в музыкальном училище в городе Житомире. Оттуда до границ с Польшей около 500 километров — совсем рядом. Был такой польский журнал «Панорама», он был у нас большим дефицитом, но я его доставал. По сравнению с нашей прессой — почитаешь его, и легче дышать. Язык я в то время более или менее знал, изучал польский по некоторым личным причинам. В «Панораме» было несколько страниц специально о музыке, что меня особо интересовало, кроме того я читал какие-то интересные вещи, о которых сложновато было что-то найти в нашей прессе, в частности информацию о политике. Естественно, информацию о Польше я впитывал как губка.. Тогда сложновато было слушать радиостанции типа «Свободы» или «Голоса Америки» — практически сплошной шум. А на польском языке радиостанция «Свободная Европа», как ни странно, принималась практически без

Вячеслав Долинин

помех. Это был первоначальный опыт вхождения в информационную коллизию между тем, что есть у тебя перед глазами, тем, что говорят здесь, и тем, что говорят оттуда. А на основании этой коллизии начинаешь сам думать, сам искать. Получилось так, что я склонился в ту сторону, решил, что верить больше стоит той информации, которая поступает из-за границы, из Польши...

Лев Лурье: Из первых польских событий, которые я помню, были события 1968 года, они предшествовали Чехословакии и были весьма грустными. В сущности начало официального антисемитизма в СССР — после Шестидневной войны — впервые в коммунистическом лагере было опробовано Гомулкой в Польше. Среди деятелей студенческого движения в 1968 г. в Польше было, насколько я понимаю, относительно много евреев. И официальная польская пропаганда сумела натравить рабочих на студентов благодаря антисемитизму, который в Польше всегда был традиционно силен. И, кроме того, поведение поляков, того же Гомулки, в истории с Чехословакией в том же году тоже было показательно. Это привело, с одной стороны, к разочарованию в Гомулке, которого идеализировали, и с другой — к разочарованию в Польше в целом.

И вот на долгое время Польша, кроме Лема и Вайды, а также Ежи Кавалеровича и Беаты Тышкевич как бы вышла из сознания. Более того, с середины 70-х начинается разрядка, появляются иностранцы и прямые связи с американцами, французами, англичанами, которые делают как бы ненужным этот мостик... Я знаю, что именно в 50-60-е было очень много полонофилов. В моем окружении, кроме

Лены Шварц, которая всегда ориентировалась на более старших, для остальных это было абсолютно нехарактерно. То есть ни Витя Кривулин, ни знакомые мне диссиденты и никто из сайгонской публики в 70-е Польшей особо не интересовался...

Вячеслав Долинин: В «Клубе-81», в окружении Бориса Ивановича Иванова, в редакции самиздатского журнала «Часы», вообще в культурной среде был немалый интерес к польской культуре. Тогда переводились и печатались в «Часах» и несколько позже в журнале переводчиков «Предлог» произведения польских авторов, которые официально не переводились на русский язык. Это в первую очередь произведения Мрожека. Мрожек тогда вообще был незнаком советскому читателю [точнее, малознаком: в 60-е годы его можно было читать в журнале «Польша», а кое-что удавалось пробивать и в советской периодике], а в «Часах» он печатался...

Владимир Пореш: Я тогда уже, в середине 70-х, и сейчас тем более убежден, что контакты с Польшей имеют у нас будущее. Они могут быть гораздо более плодотворными и интересными, чем контакты собственно с Западом. Я считаю, что это более перспективно.

Валерий Ронкин

Владимир Пореш

Но тогда, в 70-х, у нас как-то не получилось с поляками контакта, хотя стремление к этому было осознанное: я часто говорил на семинаре, что нужно искать контактов с соцстранами. Первым из иностранцев, который нам встретился, был итальянец. Но я говорил, что будущее нашего семинара не в этом, будущее — это связь с Польшей, с Чехословакией. И прежде всего с Польшей — в Чехословакии не так много католиков, протестанты от нас дальше. Польские католики — это как раз те, с кем надо иметь дело. Мы знали, что положение Церкви в Польше другое, чем у нас, что там она независима. И когда поляк стал Папой, то мы восприняли это как новую эпоху в истории Церкви. К Папе у нас на семинаре было всегда уважительное отношение. Православных священников у нас на семинаре не было, а католики были. Так, к нам приезжал духовный лидер литовской оппозиции, известный священник, его потом опять посадили. Католики нам даже денег дали на пишущую машинку.

Валерий Ронкин: До конца 80-х я ни с кем из поляков не встречался. После лагеря я жил в Луге. И, хотя это недалеко от Ленинграда , это здорово отрезало меня ото всего. Они знали, что делали, когда не

давали в столицу возвращаться. А вот последняя встреча с польским движением была совсем недавно. Это было в Москве, дома у Ларисы Богораз, где я встретился с Адамом Михником. По тем временам мы могли быть в одной группе, мы близкого возраста. И начинали почти параллельно. Он произвел очень приятное впечатление. Немножко вспоминали старое, немножко говорили о новом. Он никак не мог освоиться, что ходит по Москве без наручников (смеется), что сидит у Ларисы. Адам и Анджей Вайда должны были выступать с лекцией о положении в Польше. Он сказал тогда, что идея класса, идея нации, понятые вне контекста всей остальной культуры, приводят к тоталитарному режиму, потому что человек — существо многоплановое и ни его классовым, ни национальным характером он весь не исчерпывается, а попытки апеллировать только к одной его стороне приводят к плоскости, с чего бы они не начинались.

Лариса Богораз: Михник мне очень понравился, когда я с ним познакомилась. Ощущение, что совершенно свой человек, совершенно с одной кухни (смеется). Это был 1989 год. Они с Вайдой выступили в Историко-архивном институте. Я не помню выступления. Я помню разговоры дома. Абсолютно бессюжетные, просто впечатления от ситуации того времени. Они у нас удивительно совпадали.,.

Вячеслав Долинин: Году в 76-м мне впервые попался парижский польский журнал «Культура», отдельные его номера. Меня поразило тогда, сколь большое внимание поляки уделяли советским проблемам. Это показало, что польская эмиграция, польская оппозиция внимательно следят за тем, что

Аркадий Цурков

происходит у нас, что демократическая Польша очень заинтересована в том, чтобы у нас пошел демократический процесс. То есть общность задач была очевидна и полякам, и нам.

Николай Обушенков: Понаслышке я знаю о контактах, которые имел с поляками один из членов нашей группы — Вадим Козовой. Главным образом у него были контакты с польскими студентами через общежитие.

К моменту нашего знакомства, к весне 1956 г., он совершенно свободно читал по-польски, очень увлекался польскими журналами, польской литературой. Больше всего его интересовала тогда позиция Ворошильского, наиболее радикального представителя интеллигенции. Если Лясота, с которым поддерживали отношения Краснопевцев и Меньшиков, все-таки был выпускником Центральной комсомольской школы в Вешняках, то Ворошильский был сторонником более радикального направления литературной критики и общественной мысли в Польше, сторонник поворота на западные пути развития. Если Лясота, как и мы тогда, искал идеал свой в реформиро-

ванном социалистическом обществе, то у Ворошильского, как у меня создалось представление, идеалы в течение нескольких столетий уже бытовали в Западной Европе.

Владимир Меньшиков: Мой контакт с поляками возник на чисто дамском сюжете. Некая девочка, за которой я неосторожно ухаживал в свое время, восстановила знакомство, когда я вернулся в Москву после года работы в амурской деревне. Но при ней уже был новый кавалер — польский студент. Имея достаточно четкое представление о моих настроениях, однажды она пригласила меня на встречу с главным редактором молодежного журнала «По просту» Лясотой. Встреча состоялась в ее комнате в университетском общежитии. При нем были два молодых человека, я собрал каких-то ребят из кружков, которые вел тогда.. Я рассказал о нашей группе, что им, конечно, было очень интересно: в цитадели коммунизма появляется подпольная группа! О себе они много говорили. У них все было легально, котя взлет демократизма 1956 года уже сходил на нет. Лясота был депутатом Сейма, они издавали журнал, оппозиционный по сути.

Лариса Богораз

Потом весной 1957 г., перед фестивалем Лев [Кранопевцев] съездил в Польшу в составе студенческой делегации, уже имея от меня рекомендацию в «По просту». Все прошло успешно, он встретился о Лясотой, еще с кем-то. Завязался довольно тесный контакт, договорились об обмене литературой, Лясота получил статью Льва «Русское революционное движение 1831-1917 гг.». Речь о публикации не шла, просто в порядке ознакомления. Каналом связи была все та же моя приятельница Лия и ее муж Эрнест Скальский...

Последним эпизодом наших взаимоотношений с поляками стала несостоявшаяся встреча с Колаковским, который приезжал в Москву в то же время.

Ростислав Евдокимов: У СМОТа тоже были контакты с поляками. Во-первых, у нас были люди, которые получали независимую польскую прессу, делали переводы, и мы их печатали в своем «Информационном бюллетене». Кроме того мы получили от поляков несколько посылок с медикаментами. Наконец, уже после 1980 г. были контакты тройственного характера: СМОТ — «Солидарность» — НТС. Издательство «Посев» выпустило специальную брошюру в содружестве с поляками, посвященную «Солидарности» и СМОТу. В ней сопоставлялись два независимых профсоюза, их уставные материалы, проблемы, данные об арестах...

Валентин Погорилый: К ноябрю 1978 г. я созрел до того, чтобы идти через польскую границу. Я хотел выйти на те структуры, которые были настроены антикоммунистически. Это была моя идеяфикс. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что я молод, что я ничего не знаю, ничего не умею и мне

нужно какой-то опыт получать, получать информацию, поддержку какую-то. И я предполагал, что смогу ее там получить. Как я буду это делать, у меня было очень смутное представление. Только рассчитывал на экспромт. Конечно, я был настроен на возвращение, какая эмиграция может быть в семнадцать лет?

(В ноябре 1978 г. В.Погорилый совершил попытку перехода польской границы в районе Краковца (Львовская область), был арестован польскими пограничниками и передан советским властям.)

Владимир Сытинский: В 1984 г. я встречался в Питере с поляком , неким Збигневом. Он приехал из Западного Берлина, представился, как один из руководителей «Солидарности» Мазовии. Мы только смогли договориться о дальнейших контактах. Но это все, потом меня арестовали...

Сергей Хахаев: Нет, нет, мне тогда, в 1981-м, не хотелось поехать в Польшу, нет. Потому что я бы чувствовал там себя чужим. Все это движение носило довольно специфический польский характер, особенно в начале 80-х. Это неизбежно: все движения в бывших странах народной демократии были связаны с резкими антирусскими на-

Сергей Хахаев

Алексей Скобов

строениями и консолидировались на почве борьбы с Советским Союзом, на советской опасности. Саша Скобов действительно тогда бредил идеей бежать в Польшу. Но это уже возраст просто. Мне уже было 40 лет, не так много, но это уже не 20.

Лариса Богораз: Мы не пытались установить контакты с поляками. С чехами тоже. Если и возникали какие-то отдельные контакты, они не получали развития, не было особого движения. А могло быть. Если бы соединилось наше диссидентское движение с их движением — а оно могло бы соединиться, — тут антирусские настроения не сыграли бы роли. Они бы ослабели. В то время на Украине были очень сильны антирусские настроения. Но освободительное движение украинцев, культурное, интеллигентское движение, соединилось с русским. То же самое — литовское. И с Польшей могло бы быть так же. Была большая ошибка, что мы не установили контактов с поляками. Я даже не помню чтобы кто-нибудь об этом говорил. Очевидно, просто не было сил на это. Не потому, что в мыслях это недооценивали, а потому что не чувствовали, что это возможно реально осуществить. Только сейчас я понимаю, насколько это было важно и нужно...

Валерий Ронкин: Очень может быть — сейчас я не помню, — что о событиях конца лета 1980 г. в Польше я впервые прочитал в советской прессе. Достаточно грамотный чедовек к тому времени мог читать советскую прессу так же, как слушать «Голос Америки». Там все всегда было написано, если напрячь воображение. Частично источником информации были, конечно, и «голоса», но наша пресса достаточно подробно обо всем информировала.

Аркадий Цурков: В 1980 г. я сидел в лагере в Перми, на 37-й зоне. Вначале оценивали все, что происходило в Польше, как отдельные акты сопротивления, зная только о забастовках. Но где-то с февраля 1981 г. Юрий Орлов, с которым я в тот период сидел в одной камере в ПКТ [помещение камерного типа, внутрилагерная тюрьма, куда лагерных заключенных сажали в порядке наказания на срок до шести месяцев], сказал, что в Польше происходит революция. Позднее, когда некоторые в зоне говорили, что, мол, поляки слишком круто берут, я отвечал им: революция не ждет, она именно берет. Говорили это Глеб Якунин с Анатолием Корягиным, да и сам Орлов потом. Это мы обсуждали тогда очень интенсивно каждый день, оценки менялись.

Польские события вызывали действительно живой отклик. У «Солидарности» был подъем, они брали высоту за высотой. Я очень радовался за них. Потом в Чистополе, когда я сидел в одной камере с Анатолием Щаранским, он мне тоже говорил, что полякам тогда, в октябре 1981-го, надо бы окопаться, взять пока то, что им дают. Я же придерживался противоположного мнения.

Помимо маоистских революционных лозунгов, я любил маркузианский лозунг, если можно так выразиться, который был написан на Сорбонне в 1968 году: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» И я повторял Щаранскому: «Революция не ждет, революция берет».

Вячеслав Долинин: Особенно, насколько я знаю, за событиями в Польше следили в Литве. Мне доводилось встречаться тогда со многими литовцами, и они говорили, что вся Литва в напряжении слушает польское радио: там же многочисленное польское население, и Литва более, чем какая-либо другая из республик Союза, следила за польскими событиями и симпатизировала «Солидарности», несмотря на, в общем-то, немалые противоречия, которые все-таки существуют между поляками и литовцами.

Лев Лурье: Расцвет «Солидарности» происходил уже на спаде диссидентства. Все это переживалось, но, конечно, в значительно меньшей степени, чем Чехословакия. Сравнить невозможно. Во-первых, там не было нашей оккупации, а во-вторых, это было рабочее движение. К этому времени, грубо говоря, массовое движение в принципе не рассматривалось как нечто такое уж важное. То есть рабочее движение рассматривалось скорее со знаком минус: до Кузбасса считалось, что это разновидность «бунта, бессмысленного и беспощадного». Хотя было любопытно, что поляки такие организованные. Были какие-то разговоры, что у нас не случилось подобного союза рабочих и демократического движения, не могло случиться.

Александр Лавут: В августе 1980 г. я был в Бутырках. Газеты там регулярно читал. Появилась какаято надежда на то, что на сей раз это возымеет больший успех. Ведь что-либо подобное там происходило регулярно. 56-й год — с центром событий в Познани, 70-й — ниспровержение Гомулки, и т.д.

Была тревога, боялся повторения чехословацкого варианта — ввода войск. Но я думал, что этого не произойдет. Во-первых, на Чехословакии все-таки сильно обожглись. Формально-то все было успешно, но я думаю, что власти восприняли это как неуспех и в будущем остерегутся действовать так же. Опасения были, но была и надежда. И она оказалась верной: грубого вмешательства не было. Была радость, что сопротивление живет, действует. Я следил за этим, потом в лагере даже собирал вырезки из газет.

Георгий Ермаков: Когда начались польские события, я их воспринял драматически. Такая обстановка была гнетущая, шел такой поток идеологического напора. Вот, бывало, собирают нас: «Слушайте обращение ЦК КПСС». Все — головы вниз. Идут призывы: «Повышайте производительность труда!..» Я места себе не находил. Что-то надо делать. Время проходит, быстро пройдет, потом будешь жалеть, почему ничего не сделал... И тогда я, а все-таки у меня дух был — не думайте, что я успокоился там, — я перешел на стихотворную форму, стал из себя стихи вымогать, всякие частушки, иногда подслушивал в общественных местах. Стал я изображать это все на бумаге и посылать им в газеты, журналы, на крупные заводы. А потом еще я пристрастился вот к чему: раньше вывешивали объявления под стеклом по обмену жилплощади — все это было официально, не то что сейчас на каждом столбе; я там вычитывал адреса и по этим адресам посылал открытки. Например:

Поляки! Своим умишком хотите свободно жить? Ну-ка, пришлите письмишко — «танками вас задушить». Работать вас нет, гуляки. Какой подаёте пример? Не нация вы, поляки, — агенты ФБР. У каждого край есть отчий на этой грешной земле, Но лагерь у нас общий — начальник сидит в Кремле. Марксизм исключает обновки своей оголтелой веры, В лагере забастовки караются высшей мерой! И всё же хорошее дело — толково напали вы, Пока усмиряют афганцев счастьем напалмовым. Сердцем и мы с вами — свобода кому не мила? Гори, долгожданное пламя! Святые наши дела!

О Польше я писал и прозу, писал, что «мы вас поддерживаем, мы вам завидуем, что у вас есть такая "Солидарность", у нас такой нет». В то время у меня был псевдоним — «Удавкин». Но было то, что меня, конечно, укололо еще до ареста. Была выставка в Сокольниках, и там Польша тоже выставляла какие-то приборы. Я ходил по этой выставке и незаметно оставил открыточку со стишком своим, чтобы польские гиды нашли. Они действительно нашли и тут же принесли на Лубянку. И следователь мне со злорадством сообщил: «Постарались вы, на выставке побывали даже. А вот нам поляки сами принесли».

Вячеслав Долинин: Учитывая то, что мы с Ростиславом Евдокимовым были в тот период редакторами бюллетеня СМОТа, естественно, польские события 1980 г. нас очень интересовали. У нас была тесная связь с НТС, это известно. НТС проходил по нашему делу, НТС тогда выпустил сборник материалов о СМОТе и «Солидарности». Конечно, 95% сборника было посвящено «Солидарности», а примерно пять — СМОТу, но даже это не отражает реального соотношения сил: 10 миллионов членов «Солидарности» и 300 человек в СМОТе. Это, конечно, разные масштабы. Но наши власти переполошились. И после нашего ареста нам постоянно говорили на следствии: мы не позволим вам создать «Солидарность»! Это говорили гебисты. Они же язвительно звали Льва Волохонского «Лех Валенса». На самом деле они всерьез боялись. За тем, что они говорили как бы в шутку, чувствовался реальный страх. Они действительно боялись, что сложится мощное профсоюзное движение и опыт «Солидарности» будет усвоен рабочим классом, вообще трудящимися нашей страны. Но, к сожалению, тогдашний наш рабочий класс еще не созрел для того, чтобы создать такое же мощное движение.

Сергей Хахаев: Я не имею морального права сейчас говорить о влиянии этих событий, я не был человеком, который считал: мое место там.. Если на группу Скобова и Резникова события в Польше в 1980 г. в какой-то степени оказывали влияние, то мы-то в этот момент уже ничего не делали. И даже с точки зрения теории нас это не вдохновило на написание каких-либо трудов. Только Молоствов в свое время воспринял эти события. Я помню наши с ним споры по этому поводу о том, что то, что произошло в Польше, — это как раз утверждение марксизма. Потому что действительно выяснилось-таки, что бюрократическую систему разбивает рабочий класс в классическом смысле — фабрично-заводские рабочие, буквально по Марксу.

Мы, конечно, к этому отнеслись очень скептически, потому что это не было чисто рабочее движение, несмотря на эйфорию. Было очевидно, что это рабочее движение могло действительно достигнуть

Станция Потьма. Мордовия, 1971 г.

каких-то успехов только в результате союза с общедемократическими силами страны. И, в общем-то, непрочность этого союза и дала возможность Ярузельскому сделать этот переворот. Все говорят, что это предотвратило советское вторжение, но трудно сказать, так ли это. В Польше действительно свершилось то, что отвечало нашим традициям, когда мы писали в начале 60-х годов нашу с Валерием Ронкиным книжку. Если бы мы оставались на тех же позициях, то это было как раз то, что нам тогда было нужно. Мы к тому времени уже не стояли на этих позициях. Мы считали, что в марксистском смысле пролетариат к концу нашего века не является восходящим классом. А Польша не вызвала у меня эмоционального потрясения и потому, что было слишком много разочарований и уже не хватало сил на то, чтобы бескорыстно радоваться за поляков. А не в силу того, что я считал это преждевременным. Как раз я считал, что рабочих требований недостаточно, они эту систему не изменят. Единственный выход — демонтировать всю систему. Я не считал, что чисто пролетарским бунтом это удастся сделать.

Вячеслав Долинин: Нас очень вдохновлял успех «Солидарность», вот что важно. Перед нами и перед «Солидарностью» стояла общая задача, мы делали общее дело. И мы должны были поддерживать друг друга, учиться друг у друга. Общее дело — демократизация общества, свержение коммунизма. Мы понимали, что, покуда существует коммунистическая диктатура, ни о каких свободных профсоюзах говорить не приходится, трудящийся человек обязательно будет рабом этого государства.

Валерий Ронкин: В определенном смысле в Польше свершилось то, о чем мы мечтали. Но в определенном. Польские события для меня лично были подтвержденнем моей точки зрения, что рабочий класс, его движение —это и гарантия демократии, и основной двигатель прогресса в данном случае. Все, что там происходило, вызывало положительные эмоции: в общем, система эта рушится. И страх за поляков. Именно страх, потому что по нашей же прессе было видно, что наши гаврики не остановятся ни перед чем. И если они Чехословакии вкрутили, то что им Польша? Мы понимали при этом, что поляки, в отличие от чехов (литература — вещь серьезная, и у чехов есть что-то от Швейка, о них можно подумать и сказать, что они будут валять дурака, но все-таки за оружие не возьмутся), поляки ходили с саблями на гитлеровские танки. И было совершенно ясно, что Польшу надо будет просто стирать с лица земли. Мы знаем сопротивление во время войны, это было очень страшно. С другой стороны, мы думали, что власти в СССР тоже способны оценить, во что это выльется. Поэтому переворот Ярузельского нами был воспринят двояко: с одной стороны, конечно, там была и кровь, и подавление, но с другой — даже по нашей прессе было видно, что там остается отдушина, не для решения всех вопросов, а для дальнейшего развития.

Аркадий Цурков: На эту тему я написал «телегу». 30 октября 1981 г. был традиционный День политзаключенного. Была традиция писать в этот день заявления политического протеста, проводить голодовки или другие акции протеста. Как раз перед этим, 18 октября, сняли Каню с первых секретарей и поставили Ярузельского. А 21 октября «Солидарность» провела однодневную предупредительную забастовку. В своем заявлении генеральному прокурору Советского Союза я написал: «В Польше ПОРП идет от оргвопроса к оргвопросу, а "Солидарность" идет от успеха к успеху. Поражение ПОРП неминуемо. Неизбежно это доберется и до вас. Конечно, революцию в Польше вы можете прервать вооруженной силой, но рано или поздно такого рода явления охватят Россию. И если в Польше две трети рабочих, 10 миллионов, вы сможете подавить штыками, то подавить штыками две трети рабочих в Союзе, то есть 70 миллионов, у вас не хватит никаких штыков. Да и в вашем ли распоряжении тогда окажутся все штыки?»

Лариса Богораз: Мы тогда постоянно слушали радио, всю информацию мы получали по радио, по «Свободе». Каждый вечер Анатолий Тихонович Марченко прикипал к приемнику. Как же иначе? Как вы понимаете, это для него была борьба за освобождение страны. И очень беспокоился, что действительно введут войска в Польшу. Это вызывало страх. И я понимала, и он понимал, что дело может обернуться гораздо страшнее, чем в Чехословакии, что возможно страшное кровопролитие.

Но что он мог сделать? Он написал статью, но не успел с ней ничего сделать. Этот текст в рукописи значится в протоколе обыска следующим облазом: «Начинается со слов "Войдут ли советские танки в Польшу?"» Эта статья — один из девяти пунктов обвинения Анатолия Марченко по последнему делу 1981 года. Но я эту статью не видела, я знаю только, что он ее написал осенью 1980 г., перед арестом. Почему-то у него параллельно шли две темы: польские события и восстания в советских лагерях.

Ростислав Евдокимов: Акции в поддержку поляков в 80-х, бесспорно, были. Были разного рода листовки, какие-то собрания, письма, заявления отдельных людей и групп. Не было массовых акций, их просто не могло быть тогда, но листовки и тому подобное, подписанные СМОТом и другими, вплоть до безграмотных надписей в подворотнях, буквально подзаборное творчество, — на таком уровне было много всего. Также на уровне разговоров в разных кругах.

Владимир Сытинский: Мой приятель Валера Сулимов — он живет в Риге, сам он поляк, — издал вместе с Ирой Цурковой пару сборников «Польша сама о себе», которые мы распечатывали, распространяли, где на материалах коммунистических польских газет давалась оценка польских событий. В этом сборнике были Гданьское соглашение, и Щецинское соглашение, и интервью с Валенсой. Сулимов переводил с польского, он знает язык. Это было в 1981-1982 гг. Мы знали, что после 13 декабря 1981 г. «Солидарность» продолжала существовать. Мы знали, что «еще Польска не згинэла», хотя нас уверяли, что «згинэла». Но даже по радио говорили о большом сопротивлении шахтеров. И особенно 1 мая мы отмечали и кричали: «Солидарность!» — и в 1982-м, и в 1983-м. На квартирах кричали, в лесах и прочее. Отмечали. Ну, конечно, открыто не кричали, хотя бывало открыто и на площадях, но редко, конечно.

Вячеслав Долинин: В приговор нам включили материалы о «Солидарности», которые мы распространяли. В частности, заявление, в котором «Солидарность» призывала народы всех коммунистических стран бороться с коммунистическими режимами [Обращение I съезда «Солидарности» к трудящимся СССР и Восточной Европы], мы его напечатали в «Информационном бюллетене» СМОТа, и ГБ не могла этого нам простить. Много материалов на польские темы было в журнале «Сумма». Когда ввели в Польше военное положение, СМОТ принял специальное заявление. Мы с Евдокимовым составили заявление от имени СМОТа с протестом против введения военного положения. Мы надеялись тогда, что «Солидарность» как мощная организация сможет что-то противопоставить вооруженной силе. Мы переоценивали возможности «Солидарности», мы очень надеялись тогда, что Польша быстро выйдет из того кризиса, который сложился после введения военного положения. Но выход оказался медленным.

Ростислав Евдокимов: Когда было введено военное положение, точнее еще до этого, к нам попала какая-то информация о планах наших военных, какая-то конкретика о планах действия советских войск, которые были расквартированы в Польше, на случай нежелательного для коммунистов развития событий. Нам удалось тогда худо-бедно информацию такого рода полякам передать, удалось предупредить.

Александр Скобов: События в Польше реально продлили существование СМОТа именно с этой вывеской. Потому что к 1980 г., насколько я понимаю, в первоначальном составе СМОТа возобладало настроение: рабочее движение у нас не раскачать никакими средствами, и вообще нужна ли эта вывес-

Политзона Пермь/36, 1994 г.

ка, которая работает исключительно на Запад — якобы это какой-то зародыш профсоюзного движения рабочих, которого в дейетвительности не существует. СМОТ в то время мало чем отличался от обычной периферийной диссидентской компании, пытающейся, кроме всего прочего, более активно собирать информацию о проблемах простого народа. А Польша опять дала надежду. Нет, все-таки это возможно, и мы должны обязательно, во что бы то ни стало, сохранять эту вывеску, это знамя, пока под него не пойдут массы. Польские события, конечно, давали большой стимул,

вдохнули новую жизнь в эту, в общем-то, заглохшую к тому времени попытку. В то время я активно включился в жизнь СМОТа, мне стали близки эти люди.

После декабря 1981-го главная идея СМОТа была тоже очень созвучна польской «Солидарности». Она заключалась в том, что через самоорганизацию людей можно разрушить тоталитарный режим: если они объединятся в независимые организации и будут жить в них независимой жизнью, просто вся жизнь из официальных казенных структур уйдет туда, в эти структуры. В Польше это было действительно реально при той массовости движения, которая у них была. Но у нас это было только как красивая идея неучастия ни в чем официальном. Весной 1982 г. я уехал с компанией Волохонского лесорубить в деревню в Новгородскую область. Это и было попыткой реализовать наше естественное желание сбиться в кучу себе подобных, по возможности отделиться от остальной чуждой и враждебной среды и как можно меньше соприкасаться с казенными советскими структурами.

Аркадий Цурков: 13 декабря 1981 г. мы с Анатолием Щаранским в Чистополе — сидели в одной камере тогда — узнали о введении военного положения. Поначалу еще теплилась мысль-надежда, что те 10 миллионов, членов «Солидарности», если только в Польшу не вошли советские войска, они просто коммунистов побьют и все восстановится. Несколько часов в этот день прислушивались к радио, ждали, что ситуация вот-вот изменится. Но нет... И тогда стало ясно, что если переворот победил в течение одного дня, то он уже победил надолго... Я долго находился в подавленном настроении. Анатолий меня успокаивал: ничего, мол, это не первое наше удручение... Очень это тогда нас огорчило. Тогда я еще не знал, что до начала конца социализма оставалось 45 дней: в январе 1982 г. то ли умер, то ли повесился Семен Цвигун, один из заместителей Андропова, за ним помер Суслов. И началась та чехарда отставок и трупов, по которым Горбачев взобрался на пост генерального секретаря. А дальше развалился весь этот социализм.

Александр Скобов: После ареста Волохонского в начале декабря 1982 г. я стал готовить акцию по расписыванию стен политическими лозунгами. Сообщил об этом заранее в Москву, откуда по моему условному сигналу потом должна была уйти информация об этом на Запад. Тексты были самые простые: «Свободу политзаключенным!», «Свободу Волохонскому!», «"Солидарность" жива!» Потому что режим Ярузельского тогда сильно хвастался успехами в борьбе с подпольной «Солидарностью», что, надо сказать, было фуфлом. И это с радостью перепечатывали у нас: что, дескать, никакого подполья «не осталось».

Ну вот вам — «не осталось», зато у нас есть. И все эти лозунги были подписаны от имени СМОТа. Везде «СМОТ». А то, что не знают, что это такое, так это плевать — пусть сами думают: вот организация есть подпольная, какой-то «СМОТ».

Конкретного плана у нас не было (со мной еще одна девочка была), написали мы эти лозунги во многих местах в центре города: во дворах Капеллы, напротив большого дома по улице Воинова, — свыше десятка таких надписей синей краской из баллончика. Это было в ночь с 12 на 13 декабря 1982 года. Через неделю, 20 декабря, меня арестовали. Не знаю, почему они неделю протянули. Что это моих рук дело, секретом ни для кого не было. Но я постарался все сделать так, чтобы им не помогать. И они не нашли никаких следов.

Лев Лурье: Я, помню, написал стихотворение, посвященное дню рождения кого-то, и там были такие строки:

Хорошего в мире всё меньше, Ну а плохого — всё больше. Умер товарищ Пельше, И опять беспорядки в Польше...

Вот все-таки — «опять беспорядки». Это начало 80-х. Я не могу сказать, это, конечно, было событие, которое всех интересовало. Но одновременно был Афганистан. И одновременно был последний натиск на диссидентов. И уже это как-то все смывалось и смазывалось, это было частью одного... Было страшно за себя: на самом деле, если бы наши войска вошли в Польшу, ситуация в стране была бы значительно хуже. Все боялись именно ввода советских войск. Введение военного положения, несмотря на драматическую оборону шахтеров в Силезии, казалось все-таки каким-то меньшим злом, чем ввод войск. Тем более что так уже войной попахивало мировой. Все в основном говорили про «подлетное время». Начало 80-х годов — это пора обсуждения «подлетного времени». Самый большой специалист в этой области был Борис Гройс. Известно, что крылатые ракеты типа «Круз» уничтожали подземные бомбоубежища и «подлетное время» было шесть минут, эввакуацию не сумеют начальники провести. И поэтому советская разведка и все прочие с такой силой боролись против размещения американских ракет средней дальности. И, как известно, американцы в 1982 г., с приходом Рейгана к власти, как раз на этом этапе, сказали, что они так и будут их размещать. Не сомневайтесь. Апогей «холодной войны», второй апогей после Рузвельта [вероятно, «после Черчилля» — или Трумэна?].

Алексей Скобов: Наверное, для каждого поколения диссидентов какое-то одно событие было важным и знаменательным. Для первого поколения таким событием была революция в Венгрии в 1956-м, для правозащитников — Чехословакия 1968 года, а мое поколение ведь этого ничего не помнило, я родился через год после революции в Венгрии. На самом деле у всех наших борцов с существующим строем всегда было какое-то подсознательное чувство, что этот строй — навечно и что никакими силами его не раскачать и вся эта борьба бесполезна. Это тяготело над психикой, наверное, у всех. Поэтому для каждого поколения такое событие в одной из стран соцлагеря имело огромное значение: показывало пример, что все-таки уязвим этот режим и такое крупное движение против режима возможно. Если возможно там, то возможно и у нас. И поэтому, конечно, любое движение против коммунистической системы в любой стране социалистического блока вызывало особо теплое, особо эмоционально окрашенное чувство у диссидентов здесь. Это было что-то очень дорогое, очень родное.

Ростислав Евдокимов: Если говорить об отношении большинства людей к польским событиям 80-х годов, то оно, конечно, было видно из разговоров в самых разных кругах, вплоть до реплик мужиков у пивных ларьков, до разговоров с шоферами такси, в большинстве своем абсолютно пропольски настроенными. Все это нельзя, конечно, назвать осмысленными акциями поддержки поляков, но осмысленное отношение многих простых людей, с которыми тогда приходилось разговаривать, было на стороне поляков, на стороне «Солидарности». Я помню, проводились негласные опросы среди работяг. И опросы были однозначно в пользу «Солидарности». Сейчас трудно назвать какие-то проценты, тем более что их и тогда никто не мог назвать, но то, что большинство работяг в культурных центрах, в крупных городах поддерживало поляков, — это абсолютно точно.

Александр Скобов: До конца весны 1982 г. я работал на керамическом заводе в Питере и могу сказать, что там среди рабочих польские события никакого отклика не находили, вызывали исключительно негативную реакцию — раздражение, злобу какую-то, то есть была вполне официальная реакция. Власти добивались от рабочих именно того, чего хотели. Реакция была имперско-шовинистическая в чистом виде: «сволочи поляки, не хотят жить так, как мы живем, но мы не позволим им жить подругому, все должны жить так, как мы живем». И я не мог никого переубедить. Я активно пытался это делать на заводе постоянно. Я затрудняюсь сказать, это пусть всякие умные исследователи анализируют, насколько эта реакция соответствовала подсознательным чувствам этих же рабочих.

Можно предположить, что возможна такая психологическая реакция: человек чувствует, что все это неправда, все не так, что его дурят, угнетают, что он никто, но вызывает это обратную реакцию — он загоняет это все в подсознанку, а сам, наоборот, агрессивно ощетинивается и в то же время завидует тем же полякам, что они такие смелые, не боятся бороться и бастовать, выступать против своего начальства, а ему — слабо. Но на разговорном уровне эту защиту не пробить, тут должны быть какие-

то внутренние изменения. С тех пор, наверное, я и не очень верю в целесообразность активной политической агитации.

Ростислав Евдокимов: Что касается шовинизма, то я, собственно говоря, не совсем понимаю, что по отношению к Польше могло такого рода возникнуть у простых людей? Не было питательной среды для шовинизма. Вообще разговоры о русском шовинизме, как правило, сильно преувеличены... Я вспомнил такой аргумент, который к делу не пришьешь, но, подозреваю, он более адекватно, точно отражает тогдашнюю действительность, чем любые псевдонаучные проценты, — это фольклор. Я думаю, многие помнят известный стишок:

Водка стала семь и восемь, Всё равно мы пить не бросим! Передайте Ильичу: Нам и десять по плечу. Если ж станет чуть побольше, То устроим так, как в Польше...

Фольклор достаточно точно и значительно вернее отражает настроения народа, он на пустом месте не рождается. А вот фольклора антипольского, я думаю, мне никто не сможет назвать.

Александр Лавут: В это время я был в лагере в Хабаровском крае, под Комсомольском. В лагере было нормальное советское отношение к этим событиям. Простые советские люди, как мне кажется, всегда ругали власти за все, что они от них имеют сами, всегда или почти всегда поддерживали все, что вовне. Лагерь общего режима. По отношению к внешней политике — вполне ортодоксальная реакция, хотя все понимали, что все это сплошное вранье, надувательство.

Сергей Хахаев: Рабочие в Луге, где я тогда жил и работал, польскими событиями не интересовались. Там не было шовинистических настроений, но и интереса тоже не было, тем более желания у себя что-нибудь сделать. Говорили: у нас это невозможно, там — да, конечно. В 1968 г., как мне рассказывали, среди рабочих действительно были шовинистические настроения типа «правильно, навели у чехов порядок, так им!». Но я допускаю, что информация Скобова могла соответствовать действительности, тем более он работал в строительной индустрии, где публика наиболее люмпенская.

Валерий Ронкин: Реакция у рабочих была разная. Я достаточно близко общался тогда с рабочими, я даже, кажется, тогда рабочим и был — слесарем работал. С одной стороны: чего они, поляки, бунтуют. Мы их освободили, а они бунтуют. С другой — все ж таки рабочие там бунтуют, рабочие, и это чувствовалось. Один человек за беседу мог высказать разные мнения. Но шовинистические настроения не преобладали. Как ни странно, шовинистические и вообще люмпенские настроения, они распространены в среде низового, рядового ИТР, а не рабочих. Даже не совсем ИТР, а всякой конторской шушеры. Она гораздо более падка на такие сценки и заявления, чем рабочие.

Лев Лурье: Были, несомненно, какие-то надежды на прямое влияние событий в Польше на рабочее движение, даже слухи, что такое влияние есть, особенно на Украине и в Белоруссии. Конечно, все этим интересовались, но время было на дворе такое, что опасно было этим особенно заниматься. Ничего подобного польской «Солидарности» реализовать было невозможно, потому что не было у нас массового рабочего движения.

Лариса Богораз: Нет, абсолютно никакой поддержки со стороны рабочих Анатолий Тихонович в то время не ожидал. Ему казалось, что рабочего класса нет в стране у нас. Что он мертв. Убит. Он писал о защите прав рабочих, он говорил об этом, но он совершенно не представлял себе, что может быть поддержан рабочими. Хотя он сам был рабочим и в общем знал людей на производстве — в 1978 г. он работал на заводе в ссылке. Но ему казалось, что рабочий класс убит — еще в 20-е годы. И никакого движения рабочих, аналогичного польскому, он совсем не представлял себе. И для меня, надо сказать, было большой неожиданностью, что у нас начались шахтерские забастовки. Меня поразила культура этого движения, чего я не ожидала ни от какой группы рабочих в стране. Откуда она взялась, мне и сейчас не понятно.

Вячеслав Долинин: Тогда мы нисколько не сомневались, что Польша раньше нас сбросит коммунистов, что в Польше раньше, чем в России, победит демократия. Это было понятно уже тогда. Польское общество было более зрелым, дальше продвинутым на пути к демократиям. Следя за тем, что там

происходило, мы видели в польских событиях прообраз наших будущих событий, мы видели, что народ способен пробудиться от коммунистического рабства и это начинается, в общем-то, с не очень сильных толчков, которыми оказались сначала незначительные эксцессы на Гданьской судоверфи, а потом все это стало нарастать. Мы надеялись, что в нашей стране события будут происходить если не по такому же точно, то по какому-то сходному сценарию.

Лариса Богораз: Мне кажется, что только Андрей Дмитриевич (Сахаров) представлял себе такой же путь для России, какой был у Польши. Недаром же году в 89-м был его призыв к забастовке... Я не представляла себе для нас такого же пути развития, как в Польше. Казалось, что страна мертвая. У меня это ощущение было на самом деле до августа 91-го года.. Когда я увидела людей у Белого дома, я поняла, что не знаю людей, среди которых живу. Люди почувствовали себя активной силой.

Валентин Погорилый: Польша — это как раз то болото, которое первое стало пускать пузыри, которое первое чуть-чуть подточило фундамент комунистического правления в Европе и стало факелом, на который лоди как-то ориентировались. Это был прецедент, по которому можно было судить, что коммунисты не так-то плотно могут управлять, что есть силы, которые могут им сопротивляться и довольно успешно.

Андрей Н.: Воркутинская «Солидарность» образовалась из правозащитной группы, которая начала работать в 1987 году. С моего предложения горному рабочему очистного забоя шахты «Октябрьская» Р.К.Мецлеру защищать свои трудовые права сообща. Я о нем прочитал в республиканской газете «Красное знамя» и установил контакт...

Немало граждан Воркуты относились настороженно к политклубу «Солидарность», так как в то время еще относились отрицательно к польской «Солидарности». Предлагали поменять название политклуба. Мы с этим предложением не согласились: мы считали, что в этом слове заложен большой смысл, определяющий цели и задачи организации, и с уважением относились к польской «Солидарности».

«Солидарность» положила начало политической активности беспартийной части граждан Воркуты. Воркутинские шахтеры в период июльской забастовки 1989 г. первыми в СССР выдвинули политические требования.. Это работа «Солидарности».

Интервью вела Татьяна Косинова

БОГОРАЗ Лариса Иосифовна - Родилась в 1929 г. Филолог, правозащитница. За участие в демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. приговорена к четырем годам ссылки. После освобождения была соучредителем альманаха «Память» и соредактором «Хроники текущих событий». В настоящее время в рамках Хельсинкской группы руководит программой «Правозащитная сеть». Упоминаемый ею ее муж Анатолий Тихонович МАРЧЕНКО — многолетний политзаключенный, умер в Чистопольской тюрьме в результате длительной голодовки 8 декабря 1986 года.

ДОЛИНИН Вячеслав Эмануилович - Родился в 1946 г. По образованию экономист. С 60-х участвовал в размножении и распространении самиздата. В 70-е — начале 80-х сотрудничал с журналами «Посев», «Сумма», «Часы» и другими, подготовил антологию неофициальной поэзии Ленинграда, В 1980-1982 гг. вместе с Р.Б.Евдокимовым издавал «Информационный бюллетень» СМОТа (Свободного межотраслевого объединения трудящихся). Арестован в 1982 г., осужден по ст.70 (антисоветская агитация и пропаганда). Срок отбывал в Пермских лагерях. В 1987 г. после освобождения из ссылки вернулся в Ленинград. Член правления санкт-петербургского «Мемориала», член руководящего круга (РК) НТС (Народно-трудовой союз), член редколлегии журнала «Посев». Работает в котельной.

ЕВДОКИМОВ Ростислав Борисович - Родился в 1950 г. Историк. Печатался в журналах «Посев», «Грани», в 1980-1982 гг. вместе с В.Э.Долининым издавал «Информационный бюллетень» СМОТа. Арестован в 1982 г., осужден по ст.70, отбывал срок в Пермских лагерях. В 1987 г. вернулся в Ленинград. Председатель санкт-петербургской группы и член РК НТС, член редколлегии журнала «Посев», член правления санкт-петербургского «Мемориала». С 1999 г. редактор журнала санкт-петербургского ПЕНклуба «Мансарда».

ЕРМАКОВ Георгий Иванович - Родился в 1931 г. Военно-морской инженер-радист. Первый раз арестован в 1974 г. по ст.70 за антисоветские письма в центральные газеты и частушки, приговорен к четырем годам лагерей. Вторично за антисоветские письма арестован в 1981 г. Живет в Петербурге.

ЛАВУТ Александр Павлович - Родился в 1929 г. Математик, правозащитник, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Арестован в апреле 1980 г., осужден по ст.190-1 за изготовление и распространение правозащитных документов на три года лагерей общего режима, повторно осужден в 1983 г. за антисоветскую агитацию среди заключенных на пять лет ссылки. Живет в Москве.

ЛУРЬЕ Лев Яковлевич - Родился в 1950 г. Историк. В 70-80-х участвовал в составлении самиздатского исторического сборника «Память». Живет в Петербурге, преподает в классической гимназии историю и краеведение, обозреватель газеты «Коммерсант» и радио «Эхо Москвы — эхо Петербурга».

МЕНЬШИКОВ Владимир Борисович - Родился в 1933 г. Историк. Арестован в 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден на 10 лет лишения свободы, срок отбывал в мордовских лагерях. Живет в Москве.

ОБУШЕНКОВ Николай Григорьевич - Родился в 1929 г. Арестован в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден на шесть лет лишения свободы, срок отбывал в мордовских лагерях. Историк, живет в Москве.

ПОГОРИЛЫЙ Валентин Петрович - Родился в 1959 г. Арестован в Ленинграде за создание подпольной молодежной группы. Осужден по ст.70 ст. на шесть лет. Отбывал срок в пермских лагерях. Освобожден в 1987 г. В конце 80-х основал независимое издательство. Живет в Петербурге, бизнесмен.

ПОРЕШ Владимир Юрьевич - Родился в 1949 г. Филолог, специалист по французской филологии, работал переводчиком и научным сотрудником в Библиотеке Академии наук. С середины 70-х один из организаторов и лидеров религиозно-философского семинара, действовавшего в Москве, Смоленске, Ленинграде и других городах. Вместе с Александром Огородниковым редактировал самиздатский журнал «Община». Арестован в 1979 г., осужден по ст.70. Отбывал срок в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме. После освобождения в 1986 г. работал в котельной. В начале 90-х основал Религиознофилософскую школу и общество «Открытое христианство». Председатель Дома прав человека в Санкт-Петербурге, преподает французский язык в Институте философии и богословия.

РОНКИН Валерий Ефимович - Родился в 1936 г. По образованию инженер-технолог. В 1962-1964 гг. совместно с С.Д.Хахаевым написал работу «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата», а в 1964 г. вместе с группой единомышленников начал издание самиздатского общественно-политического журнала «Колокол». По делу журнала «Колокол» арестован в 1965 г. Приговорен к семи годам лагеря и трем — ссылки. Лагерный срок отбывал в мордовских лагерях, ссылку — в Коми АССР. После освобождения живет в Луге. Пишет статьи на общественно-политические темы.

СКОБОВ Александр Валерьевич - Родился в 1957 г. В 1976 г. организовал молодежную коммуну, члены которой обсуждали философские и политические проблемы; один из редакторов журнала «Перспектива». В 1978 г. арестован, помещен в психбольницу, в которой провел больше двух лет. После освобождения активно включился в работу СМОТа. Вторично арестован в 1982 г. и снова помещен в психбольницу. Освобожден в 1987 г. Историк, преподаватель истории в средней школе.

СЫТИНСКИЙ Владимир Игоревич - Родился в 1958 г. Учился на биофаке. Как член СМОТа был арестован в 1984 г. по ст.70, помещен в спецпсихбольницу. Освобожден в 1987 г. Живет в Петербурге. ХАХАЕВ Сергей Дмитриевич - Родился в 1938 г. По образованию инженер-технолог. В 1962-1964 гг. совместно с В.Е.Ронкиным написал работу «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата», а в 1964 вместе с группой единомышленников начал издание самиздатского общественно-политического журнала «Колокол». По делу журнала «Колокол» арестован в 1965 г. Приговорен к семи годам лагеря и трем — ссылки. Лагерный срок отбывал в мордовских лагерях, ссылку — в Коми АССР. После освобождения жил в Луге. В настоящее время сопредседатель санкт-петербургского «Мемориала», возглавляет его правозащитную комиссию. Живет в Петербурге.

ЦУРКОВ Аркадий Самсонович - Родился в 1958 г. Математик. Один из авторов нелегального студенческого журнала «Перспектива». Арестован в 1978 г. и по ст.70 приговорен к пяти годам лагеря и двум — ссылки. Срок отбывал в пермских лагерях, в 1981 г. переведен в Чистопольскую тюрьму. В 1986 г. освобожден из ссылки, вернулся в Ленинград. С 1992 г. живет с семьей в Израиле, преподает математику.

Гжегож Пшебинда

СЛАВЯНСКИЙ ДИАЛОГ О СОВРЕМЕННОСТИ

Встречи Сахарова и Солженицына с польским Папой

Между 1988 годом, тысячелетием крещения Руси, и 1995-м, когда Иоанн Павел II выступил с апостольским посланием «Свет с Востока» («Огіепта lumen») прошло семь насыщенных историческими событиями лет. За это время Центральная и Восточная Европа сделали большой шаг на пути рационального упорядочения своего общественно-политического пространства. Можно, пожалуй, сказать, не слишком идеализируя этот переходный период, что именно тогда приблизилось время, когда «каждый народ сможет свободно и в согласии с истиной выбирать пути своего развития» (апостольское послание «Euntes in mundum» — «Идите по всему миру»).

Еще 31 мая 1991 г. в апостольском послании к епископам европейского континента об отношениях между католиками и православными в новых условиях Центральной и Восточной Европы Иоанн Павел II сделал набросок нового подхода Церкви в период после «весны народов» 1989 года. За семь лет (1988-1995) Россия и русские не раз привлекали внимание Папы. Большое значение он придавал личному общению с русскими, что, впрочем, следует из его восприятия христианского аспекта истории, которая должна представлять собою встречу с конкретным человеком. В 1985-1995 гг. Иоанн Павел II дал аудиенцию не только советским и российским политикам — Громыко, Горбачеву, Ельцину, но и тем преследуемым в советские времена защитникам прав человека, которые внесли большой вклад в процесс демонтажа советской империи.

Ирина Иловайская-Альберти, выступая в 1995 г. в Люблине и имея в виду эти личные встречи Папы с русскими, говорила, что «за прошедшие годы судьба не раз сводила русских с Иоанном Павлом II в эпизодах не только макроистории, но и человеческой микроистории». До сего дня никто лучше Иловайской не описал встреч Иоанна Павла II с Еленой Боннэр и Андреем Сахаровым в 1985-1989 гг.:

«В 1985 г. Иоанн Павел II пригласил на аудиенцию Елену Георгиевну Боннэр (разрешения выехать за границу ради совершенно необходимой операции на сердце добился для нее длительной голодовкой Андрей Дмитриевич). Думаю, что эта удивительная встреча с Папой в то время, когда политические и государственные деятели опасались принимать ее, чтобы не раздражать советскую власть, придала ее больному сердцу не меньше сил, чем благополучно проведенная операция. Помню тот вечер, когда Елена Георгиевна спросила меня перед сном, не надеть ли ей подаренные Иоанном Павлом четки. "У меня такое ощущение, — сказала она, смущаясь, что может нарушить незнакомый ей религиозный обряд, — будто с этими четками мне ничего не грозит". В 1989 г. супруги Сахаровы были на аудиенции у Иоанна Павла II вдвоем. Андрей Сахаров задал Папе вопрос, который в тот период был для него животрепещущим: соглашаться ли на участие в работе советского законодательного органа, Верховного совета, в конце концов представляющего интересы коммунистов? Зато это означало принять участие в политической жизни страны. Иоанн Павел II не возразил против этого, прибавив, что совесть подскажет Сахарову, что и как делать. Андрей Дмитриевич был необычайно благодарен за этот ответ. Можно с большой вероятностью предположить, что, если бы не преждевременная кончина, Сахаров стал бы президентом России и повел бы страну по пути (...), на котором Россия, быть может, заслужила бы любовь». (Доклад И.А.Иловайской-Альберти, который предварила просьба от лица ее, русской, о прощении России поляками и Польшей за страдания, которые они испытали от России и русских, был прочитан 18 мая 1995 г. в Люблинском католическом университете по случаю дня рождения Иоанна Павла II. — Пер.)

16 октября 1993 г., в день, когда мир отмечал 15-летие понтификата, единственным, кого принял Иоанн Павел II за Бронзовыми вратами, был Александр Солженицын, прибывший вместе с женой Наталией на аудиенцию, в которой, как и во встрече с Сахаровыми, принимала участие также И.А.Иловайская. Еще за пять лет до этого, весной 1988 г., благодаря Иоанна Павла II за «все, что он сделал, чтобы обратить внимание христиан Запада на судьбы их братьев по вере в Советском Сою-

зе, и превратить этот юбилей [1000-летия крещения Руси] в событие мирового масштаба, чтобы эта годовщина положила начало новой, второй евангелизации России», — она привела слова Солженицына об Иоанне Павле II: «Он всегда прав, ибо перед собой и над собой видит Христа».

Солженицын и до этого неоднократно высказывался об Иоанне Павле II. Первый раз это было 27 октября 1978 г., когда в ответ на анкету парижской «Культуры» он сказал о значении избрания Папы-поляка для христиан Восточной Европы. Мнение автора «Архипелага ГУЛАГ» — и это хорошо видно сегодня — оказалось пророческим: «В большей части благополучного мира христианство испытывало развеянье, в иных местах одеревенение. Западные люди во множестве утеряли ощущение масштабов жизни и сути ее. Эти масштабы и эту суть принесет в католическую Церковь, как я надеюсь, новый Папа из духовно стойкой Польши, поднявшийся сквозь притеснения христианства у себя на родине. Вместе с католиками восточноевропейских стран мы, русские, глубоко радуемся этому избранию. Мы верим, что оно поможет укреплению нашей общей христианской веры во всем мире — а только она сегодня и может спасти человечество. Поляков же хочется особо поздравить».

10 мая 1983 г., через два года после покушения на Папу на площади Св. Петра, Солженицын сказал в Лондоне, что «атеистический мир» пытался с помощью этого покушения «взорвать религию» (Темплтоновская лекция). Писатель, видимо, имел в виду конкретные советские корни покушения. Сегодня на основе оглашенных с 1994 г. документов из архивов КПСС известно, что брежневское политбюро в сотрудничестве с андроповским КГБ еще 13 ноября 1979 г. разработало проект «Борьба с политикой Ватикана против социалистических стран», состоявший из шести пунктов. В эту «борьбу» были включены МИД, АН СССР, ТАСС, телевидение и пресса. В первом пункте предлагалось мобилизовать партийные власти союзных республик, где живут верующие римско- и греко-католического вероисповедания. Во втором планировался «обмен информацией» с братскими компартиями Австрии, Аргентины, Бельгии, Ирландии, Италии, Португалии, Франции и ФРГ. В третьем рекомендовалось заманивать соответствующие группы в католической Церкви фразеологией борьбы за мир. В четвертом КГБ поручалось вести за границей кампанию дезинформации о том, что-де Иоанн Павел II опасен для католической

Церкви. И, last but not least, Академии наук вменялось в обязанность еще усиленней работать над упрочением основ «научного атеизма». Среди подписей под документом — в частности Черненко, Суслов, Горбачев.

Иоанн Павел II был частично знаком с русской оппозиционной культурой, выросшей на почве как гуманистического Просвещения, так и православного христианства. Он читал тексты Сахарова и Солженицына с интересом, восхищаясь их нравственными позициями. Немалое впечатление произвело на него обращение Солженицына «Жить не по лжи» (1974), где писатель-пророк утверждал, что коммунизм истлеет и отомрет только тогда, когда люди перестанут участвовать в коллективной лжи. Американский исследователь Джордж Уэйджел справедливо связывает этот солженицынский постулат с призывом Иоанна Павла II «зло побеждать добром». Однако родственность мысли Иоанна Павла II и ядра тогдашнего солженицынского мировоззрения, кажется, еще больше. Русский писатель много лет активно выступал против порожденной атеистическим Просвещением идеологии, которая, лишая человека всяких трансцендентных чувств и предчувствий, одновременно рассматривала его как винтик гигантского социального механизма. В 1976 г., выступая по телевидению в Париже, он сказал, что все человеческие несчастья — и на Востоке, и на Западе — начались «оттого, что мы в позднем Средневековьи бросились в материю, мы захотели иметь много предметов, вещей, жить для всего этого телесного, а нравственные задачи забыли».

В июне 1978 г. писатель произнес свою памятную Гарвардскую речь, где осудил просвещенческо-атеистическое течение в истории Европы и Америки, отнюдь не критикуя при этом Запад в целом от имени какого-то мифического Востока. Он сказал, что если бы произносил эту речь в России, то «сосредоточился бы на бедствиях Востока». Но, живя и выступая в Америке, он подверг последовательному критическому анализу ряд важных аспектов жизни Запада. Его основной тезис звучал следующим образом:

«Весь этот переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена гуманистически человеколюбивым представлением, что человек, хозя-ин этого мира, не несет в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены».

Таким образом, писатель имел в виду ту идеологию Нового времени, которая на Западе родилась в атеистическую эпоху Возрождения, а политически сформировалась в эпоху Просвещения и вслед за ней. Называя эту систему ценностей и политической деятельности «рационалистическим гуманизмом или гуманистической автономностью», он видел ее основу в «автономности человека от всякой высшей над ним силы». «Поворот Возрождения, — говорил в Гарварде Солженицын, был исторически неизбежен: Средние Века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной». Тем не менее идеологии, воцарившиеся в более позднее время, вместо того чтобы искать гармонию духовности и материальности, человека, повернулись «от Духа к Материи»: «Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями». В отношении свободы Солженицын утверждал, что «сама по себе, обнаженная свобода никак не решает всех проблем человеческого существования». Он напомнил, что «в ранних демократиях все права признавались за личностью лишь как за Божьим творением». Человеческая свобода испытывалась пробным камнем «постоянной религиозной ответственности», становясь собою во всей полноте, когда выбирала добро. Как только XX столетие отвергло наследие веков христианства, оно сразу начало формировать государственные системы по материалистическому образцу: «Запад, наконец, отстоял права человека, и даже с избытком, - но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом».

По мнению Солженицына, необузданный гуманизм, материализируясь в своем развитии, проложил дорогу атеистическому социализму и коммунизму. Потому-то Маркс мог уже в 1844 г. сказать, что «коммунизм есть натурализированный гуманизм». Несовершенный человек, не свободный от десятков пороков, был поставлен «мерою всех вещей на Земле». Поэтому путь, пройденный от Возрождения, по мнению Солженицына, «обогатил нас опытом», но одновременно лишил веры в «Целое, Высшее»: «Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рожден только для счастья, — он не был бы рожден и для смерти. Но

оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения».

Когда восемь лет спустя (1993) Иоанн Павел II принимал в Ватикане Солженицына, как раз готовилась к изданию его книга «Переступить порог надежды», где Папа говорит:

«Ответственность лежит на человеке, людях, идеологиях, философских системах. Я бы сказал, ответственность лежит на борьбе с Богом, систематической ликвидации всего христианского, на борьбе, которая в значительной мере господствовала в мышлении и жизни Запада на протяжении трех последних столетий. Марксистский коллективизм — лишь худший вариант этой программы».

Процесс отхода от Бога в Европе Нового времени начался прежде всего, как считает Иоанн Павел II, во Франции, со времен Декарта, положившего начало повороту от метафизики к гносеологии. Это был исток «современного имманентизма и субъективизма» — по следам Декарта пошли энциклопедисты французского Просвещения и их историческое детище — Французская революция:

«Французская революция во времена террора снесла алтари Христовы, повалила придорожные распятия, а взамен ввела культ богини разума. На его основе она и провозгласила свободу, равенство и братство. Духовное, а особенно нравственное наследие христианства было вырвано из своей евангельской почвы, на которую надо снова вернуться, чтобы оно обрело полную жизнеспособность».

Особенно остро звучит тезис Иоанна Павла II о том, что «просвещенческий рационализм покушается на всю христианскую сотериологию, богословскую мысль о спасении». И вновь — как бы в согласии с утверждением Солженицына о том, что под влиянием Просвещения человек утратил чувство греха*, — Иоанн Павел II добавляет: «"Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него"

^{*} В России 2-й пол. XIX века тезис о безгрешности человека выдвигало большинство атеистов и антитеистов — Белинский, Тургенев, Герцен, Чернышевский, Плеханов. Главным противником порожденной Просвещением идеи «человеческой безрешности» был тогда Достоевский.

(Ин 3:17). Мир, который Сын Божий застал, вочеловечившись, заслуживал осуждения в силу греха, подчинившего себе всю историю, начиная с грехопадения первых людей. Но именно с этим абсолютно не согласно мышление, истоки которого лежат в эпохе Просвещения. Оно не приемлет реальности греха, особенно греха первородного».

Можно смело сказать, что этот тезис Иоанна Павла II, направленный против возникшего в эпоху Просвещения представления о естественной безгрешности освобожденного от «теистических предрассудков» человека, до сего дня составляет полемическую сердцевину его мировоззрения, и отсюда следует духовное и интеллектуальное противостояние Папы нравственной вседозволенности нашего времени. Имея в виду самое трудное свое паломничество на родину в 1991 г., Иоанн Павел II говорил:

«Когда в последний раз в Польше я выбрал темой проповедей Декалог и заповедь любви, все польские приверженцы "просвещенческой программы" были недовольны. Папа, который пытается убедить мир в человеческой греховности, становится для такого умонастроения persona non grata».

Через год после этого паломничества И.А.Иловайская сравнивала смысл высказываний Папы с сутью Гарвардской речи Солженицына, видя сходство в том, как в Польше 1991 г. отнеслись к папской проповеди, а в Америке отреагировали на выступление Солженицына 1978 года. «Я знала Гарвардскую речь ранее и советовала Александру Исаевичу "смягчить" тон. Но Солженицын не поддался на уговоры. Он хотел в полный голос выступить в защиту основополагающих ценностей. Он сказал мне тогда: "Поймите, люди забыли Бога, оттого и все несчастья". Я запомнила эту фразу на всю жизнь. Бога забывают во имя свободы, во имя плюрализма, во имя демократии. Ни одна из этих форм (а свобода, отвергающая Бога, — всего лишь форма, и то плохая) не заменит Бога».

Обращаясь в 1996 г. в Кастель-Гандольфо к участникам коллоквиума «Просвещение сегодня» (8-10 авг.), Папа еще раз подчеркнул свое полемическое отношение к антитеистическому Просвещению, вытекающее из богословской картины истории:

«Во время докладов и вызванной ими дискуссии я старался не только внимательно следить за путеводной нитью аргументов, но и найти способ восприятия выявившихся проблем с богословской точки зрения. За исходную точку я принял само слово "просвещение". Нет необходимости распространяться о природе и историческом значении этого явления культуры, ибо оно хорошо известно. Известно и влияние просвещения на европейское христианство. В определенном смысле оно стало духом сопротивления христианской вере, ниспровержением, опирающимся на рационалистические посылки. Это один из тех вопросов, которые я затронул в книге "Переступить порог надежды"».

Но далее Иоанн Павел II сказал, что само слово «просвещение» можно понимать и как «озарение», или «дар света свыше». В таком смысле оно есть познание действительности разумом свободного человека, но благодаря Божьему импульсу. Здесь мы уже вступаем в область метаистории, обращаемся к прошедшим, но одновременно определяющим человеческое настоящее и будущее временам Пятидесятницы: «Тот день явил свет и силу, источник которых в распятии и воскресении Христа». В контексте этих двух видов «просвещения»: исторически-имманентного, которое находило свою силу в естественном и, самое большее, деистическом разуме свободного человека, и того трансцендентного, которое Иоанн Павел II связывает с конкретным актом Ниспослания Духа Святого, — нельзя не вспомнить о русской идейной традиции XIX в., которая, кстати, прямо ведет к Солженицыну. Один из важнейших представителей русской философской и общественной мысли первой половины XIX в. — Гоголь, который в своих сочинениях первого периода («Мертвые души», «Ревизор») представил реалистически-ироническую картину русской действительности своего времени. Русская критика, взращенная на идеях Просвещения, даже признала его покровителем нового Просвещения, представители которого вплоть до конца XIX в. утверждали, что сам по себе человек безгрешен, «виновна» же среда, в которой он вырастает и действует. Некоторые даже обратились к апологии «мистического первородного греха». «Библией» этого направления стали романы Герцена «Кто виноват?» (1845) и Чернышевского «Что делать?» (1862). Бакунин, самый «романтический» и крикливый из русских антитеистов, даже находил в апологии первородного греха основу для своей социальной революционности, В 70-е годы он писал, что благодаря этому акту человек освободился, вырвался из мира животных и стал человеком, начал свою историю и

свое чисто человеческое развитие актом непослушания и познания, то есть бунтом и мыслью.

Однако Гоголя не вписать ни в какие идеологические рамки, тем более в рамки нового Просвещения, которое в России XIX столетия приобретало вульгарно-материалистические формы. В последнее десятилетие жизни он пережил религиозный мировоззренческий кризис и опубликовал «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), из-за которых от него с презрением отвернулись прежние апологеты. Гоголь писал: «Мы повторяем теперь бессмысленно слово "просвещение". Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всегда насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит. Недаром архиерей, в торжественном служении своем, подъемля в обеих руках и троесвечник, знаменующий Троицу Бога, и двусвечник, знаменующий Его сходившее на землю Слово в двойном естестве его, и Божеском и человеческом, всех ими освещает, произнося: "Свет Христов освещает BCex"».

Трудно предположить, чтобы столь близкое этому высказывание Папы возникло под влиянием чтения Гоголя, но наверное можно допустить, что в этом вопросе на полпути встретились два христианина XIX и XX вв.: русский православный писатель с Украины и католический Папа, мыслитель из Польши. Солженицын, автор «Архипелага ГУЛАГ» был принят в Ватикане в 1993 г. не только как тот, кто словом содействовал падению коммунизма, но и как продолжатель христианско-гуманистической традиции Гоголя, Чаадаева, Вл. Соловьева.

Ватиканская газета «Оссерваторе романо» ограничилась сухим сообщением об этой аудиенции, а подлинным источником информации стало интервью, которое дала итальянской католической газете «Аввенире» Ирина Иловайская. Темой беседы Папы с Солженицыным, сказала она, было падение коммунизма, положение в России, мученичество христиан под коммунистическим ярмом, потребность новой христианизации страны и, наконец, отношения между католической и

православной Церквями. «Солженицын, — говорит Иловайская, — при всем своем огромном уважении к Иоанну Павлу II, которого он считает самым великим человеком нашего времени, тем не менее остается под влиянием как исторически сложившихся предубеждений русской интеллигенции против Ватикана, так и некоторых фанатически антикатолических тенденций сегодняшней русской эмиграции. Более того, он считает Россию исключительно православной страной и практически ничего не знает об отношениях между католичеством и православием. Поэтому в беседе с Папой он выдвинул обвинения, правда, не Папе, а католической Церкви, в том, что она в течение веков свысока относилась к православию как к какой-то "худшей" религии, а сегодня, после падения коммунизма, пытается вести экспансию на территории России, назначая своих епископов и посылая сюда миссионеров».

По свидетельству Иловайской, ответ Папы произвел на Солженицына сильное впечатление: Иоанн Павел II говорил о страданиях православной Церкви под властью коммунистов, сравнив это с мученичеством первых христиан. Он напомнил о своих начинаниях и документах в связи с тысячелетием крещения Руси, которых Солженицын, естественно, не читал. Иоанн Павел II объяснял, что современное стремление католической Церкви вести диалог с православием имеет свои корни и источник вдохновения в документах II Ватиканского собора. Солженицын, который ничего не знал даже о Соборе, признал правоту Папы, когда тот сказал, что «в России живет много католиков: поляки, литовцы, украинцы и немцы, рассеянные в результате депортаций, особенно в сталинские годы, по всей территории России. Католическая Церковь стремится всего лишь обеспечить им опеку и пастырское окормление».

Касаясь ситуации в сегодняшней России, куда Солженицын вернулся полгода спустя, после двадцати лет изгнания, оба собеседника согласились, что и в России, и в Центральной и Восточной Европе нет необходимости в слишком «резком переходе к капитализму, лишенному ценностей», ибо «разрушения духовной сферы при коммунизме грозят возникновением чисто потребительской психологии». Солженицын в разговоре обнаружил хорошее знание энциклики Льва XIII «Rerum novarum» (1891, с подзаголовком «О положении рабочих») и даже ссылался на его критическое отношение к ограниченности капитализма. Однако русский писатель не был знаком с новой

социальной энцикликой Иоанна Павла II «Сотый год» («Centesimus annus», 1991) и ничего не знал о современном состоянии социального учения католической Церкви.

Под конец интервью Ирина Иловайская сказала, что при всей близости взглядов обоих участников диалога их главным расхождением было то, что «Солженицын смотрит на сегодняшний мир с большим пессимизмом, тогда как Иоанн Павел II, не впадая в легковерный оптимизм, возлагает надежды на Промысел Божий», — и в этом уловила самую суть их мировоззренческих различий. Прибавлю от себя, что тогда существовал реальный шанс сделать большой шаг если не в области взаимопонимания между православной и католической Церквями, ибо Солженицын никоим образом не мог представлять в Ватикане церковную иерархию, то хотя бы в сфере польско-русских связей. За два дня до аудиенции Солженицын получил в Лихтенштейне от о. Тадеуша Стычня, директора Института Иоанна Павла II при Люблинском католическом университете, устное приглашение побывать в городе, где была заключена Люблинская уния, 18 мая 1995 г., в день 75-летия Папы. Однако эта поездка так и не состоялась: «великий пессимизм» Солженицына не позволил ему покинуть Россию в годы переживаемого ею нравственного и политического кризиса. Таким образом, посеянное в том разговоре зерно не взошло и по сей день: Солженицын не углубил своих познаний об отношении Иоанна Павла II к России и другим важным проблемам нашего времени.

Отец Юзеф Тишнер, один из участников вышеупомянутого коллоквиума «Просвещение сегодня», сказал в своем выступлении: «Все мы и дети, и жертвы Просвещения. Идеи прав человека, демократии и терпимости вошли в нашу кровь. И все же современного тоталитаризма не было бы, не проложи ему дорогу та радикальная критика традиций, с которой выступило Просвещение». Другой участник коллоквиума, профессор политической философии Чарльз Тейлор из Монреаля в своем докладе «Имманентное контрпросвещение» заметил, что Просвещение было великим апофеозом «обычной жизни» и гуманизма. «Просвещенческий гуманизм», при всем своем отрисвещенческий гуманизм», при всем своем отри-

цании трансцендентности и традиционной религии как «иллюзии», возрос, однако, на почве предыдущего признания повседневной жизни в духе христианской agape: «Эпоха, в которую случились Хиросима и Освенцим, одновременно породила такие организации, как "Международная Амнистия" и "Врачи без границ". Разумеется, у этого феномена глубокие христианские корни. Где-то по пути эта культура перестала быть просто вырастающей из христианства, хотя в ней продолжали играть важную роль глубоко верующие христиане. Более того, этот разрыв просвещенческой культуры с христианской был, наверное, даже необходим для того, чтобы порыв солидарности мог выйти за пределы христианского мира». Ганс Майер, профессор социологии религии и теории культуры из Мюнхена, в докладе «Просветительская идея свободы и католическая традиция» констатировал, что «современная свобода немыслима без плодов многовекового христианского образования в Европе и во всем западном мире. Она могла развиться только в обществе, сформированном идеей бесконечной ценности индивидуальной души и личной ответственности человека перед Богом».

Здесь видна связь христианства, его идеи достоинства человека, свободы и личной ответственности с принципами разумного Просвещения. В таком контексте и хотелось бы еще раз вернуться к беседе Иоанна Павла II с Андреем Сахаровым, который — в отличие от Солженицына, некогда причисленного к представителям нового (романтического) Средневековья, — был в застойном СССР представителем нового (демократического) Просвещения. Правда, агностического, но в то же время гуманистического и либерального, что делало его более похожим на старое английское, чем на младшее французское Просвещение. Мне кажется, что Иоанн Павел II, принимая на своих личных аудиенциях двух выдающихся русских людей второй половины XX века, говорил с ними одновременно и как с представителями этих двух соперничающих, но не враждебных друг другу направлений мировоззрения в России, суть и значение которых хорошо известны и в Западной Европе: романтически-теистического и просвещенчески-агностического.

ПИАНИСТ

Под этим названием снимается фильм об известном польском музыканте Владиславе Шпильмане, который потерял всю семью во время ликвидации варшавского гетто, пережил Варшавское восстание, а потом, скрываясь в руинах города, дождался освобождения в январе 1945 года.

Первое издание воспоминаний Шпильмана, подготовленное Ежи Вальдорфом и урезанное цензурой, появилось в 1946 году. Но только в 2000 г. краковское издательство «Знак» опубликовало первоначальную редакцию воспоминаний Шпильмана с предисловием его сына Анджея, дополненную фрагментами дневника немецкого офицера Вильма Хозенфельда, который оказал Шпильману помощь, и послесловием немецкого поэта Вольфа Бирмана. Книга стала бестселлером. Польское радио выпустило альбом Шпильмана из пяти компакт-дисков

По мотивам книги «Пианист. Варшавские воспоминания. 1939-1945», изданной «Зна-ком», ставит фильм режиссер Роман Полянский, который сам прошел через гетто в Кракове. Сценарий Рональда Харвуда, оператор — Павел Эдельман, художник фильма — Аллан Старский, художник по костюмам — Анна Шеппард, музыка Войцеха Киляра. В главной роли — самого Шпильмана — Адриен Броди. Съемки начались 19 февраля нынешнего года в Берлине, с 19 марта до середины июня они были продолжены в Варшаве. Представляем фрагменты книги, которая легла в основу фильма.

Анджей Шпильман ВСТУПЛЕНИЕ

Анджей Шпильман

Мой отец Владислав Шпильман — не писатель. Он пианист, композитор и организатор культурной жизни. «Человек, в котором живет музыка», как было сказано когда-то.

Он окончил Берлинскую музыкальную академию — учился по классу фортепьяно у Артура Шнабеля и по классу композиции у Франца Шрекера.

После того как в 1933 г. Гитлер пришел к власти, отец вернулся в Варшаву и работал пианистом на Польском радио. Сочинял симфоническую музыку, музыку для кино, а также песни, многие из которых сразу стали шлягерами. Еще до войны он гастролировал вместе с прославленными скрипачами Брониславом Гимпелем, Генриком Шерингом, Идой Гендель, Романом Тотенбергом.

После 1945 г. он продолжил свою деятельность как пианист и участник камерных ансамблей. Создавал симфонические композиции, написал около тысячи песен. (...) Участвовал в руководящих органах Объединения авторов и композиторов сценических произведений, возродил Союз авторов и композиторов, был вдохновителем идеи и одним из организаторов Международного фестиваля эстрадной песни в Сопоте.

До 1963 г. Владислав Шпильман руководил редакцией эстрадной музыки Польского радио. Он оставил эту работу, чтобы посвятить себя концертной деятельности в созданном вместе с Брониславом Гимпелем и Тадеушем Вронским Варшавском квинтете, с которым более двух тысяч раз выступал в концертных залах всего мира.

Отец написал эту книгу сразу после войны, в 1945 году. Первое издание, искалеченное и урезанное цензурой, вышло в 1946-м. (...) Более пятидесяти лет спустя книга вышла снова, сначала в Германии. И сразу была там замечена как один из важнейших документов, касающихся событий последней войны. Самый видный немецкий журнал «Шпигель» посвятил ей восемь страниц. В 1999 г. книгу издали в Англии, Голландии, Италии, Швеции, Японии и США. Она попала в списки бестселлеров года таких газет, как «Лос-Анджелес таймс», «Таймс», «Экономист», «Гардиан».

Теперь книга выходит в Польше. По сравнению с редакцией 1946 г. издание существенно переработано и дополнено.

Владислав Шпильман ВОСПОМИНАНИЯ

1942

Утром 2 августа вышел приказ, чтобы евреи, оставшиеся в малом гетто, покинули его до шести часов вечера. (...) Через несколько дней, примерно 5 августа, мне удалось ненадолго вырваться с работы. Проходя по Гусиной улице, я случайно стал свидетелем исхода Януша Корчака и его сирот из гетто.

На то утро, согласно приказу, было назначено освободить здание еврейского детдома, которым заведовал Корчак. Вывезти должны были только детей, Корчаку предлагали спастись, и лишь с трудом он сумел упросить немцев, чтоб ему позволили отправиться вместе с детьми. Он был вместе с детьми долгие годы — и теперь, на последнем пути, не хотел оставлять их одних. Он хотел, чтобы эта дорога далась им легче. И сказал сиротам, что им есть чему радоваться: они едут в деревню. Наконец-то они сменят опостылевшие душные стены на луга, заросшие цветами, на ручьи, в которых можно плескаться, на леса, где так много грибов и ягод. Корчак велел им одеться по-праздничному, и вот они, нарядные, в приподнятом настроении построились парами на дворе.

Маленькую колонну вел эсэсовец, который, как всякий немец, любил детей, особенно тех, которых ему вскоре предстояло отправить на тот свет. Ему чрезвычайно понравился двенадцатилетний мальчик-скрипач, который нес свой инструмент под мышкой. Этому мальчику он приказал идти впереди шествия и играть на скрипке.

Когда я встретил их на Гусиной, дети шли и хором пели, их лица сияли, маленький музыкант наигрывал, а Корчак нес на руках двоих самых маленьких, которые тоже улыбались, и рассказывал им что-то забавное.

Наверняка даже в газовой камере, когда газ уже душил детей за горло, а радость и надежда в их сердцах сменились страхом, Старый Доктор из последних сил шептал им:

— Ничего, дети! Это ничего... — чтоб уберечь своих маленьких подопечных от страха перед уходом из жизни в смерть.

16 августа 1942-го пришел и наш черед. (...)

Мы двинулись к поезду. Чего нам ждать? Чем скорей окажемся внутри, тем лучше. За несколько шагов до вагонов выстроились шеренги полицейских, образовав широкий коридор для толпы, единственным выходом из которого были открытые двери обработанных хлоркой вагонов. (...)

Мы прошли уже, наверно, полсостава, когда я вдруг услышал чей-то голос:

— Смотри! Смотри! Шпильман!

Чья-то рука схватила меня за шиворот, и я был вышвырнут за полицейский кордон.

Кто посмел со мной так обойтись? Я не хотел отрываться от своих. Я хотел быть вместе с ними!

Теперь я видел перед собой только сомкнутый ряд полицейских спин. Я бросился на эту стену, но она не поддалась. (...) Я орал как одержимый, обезумев от страха, что именно теперь, в самый ответственный момент, я не попаду к ним и мы разлучимся навсегда.

Один из полицейских, разозлившись, обернулся ко мне:

— Вы что вытворяете? Лучше спасайтесь!

Спасайтесь? От чего? В ту же секунду я понял, что ожидало людей, загнанных в вагоны. (...)

Я посмотрел на поезд: двери уже были заперты, состав медленно и тяжело набирал скорость.

Я отвернулся и, громко рыдая, зашагал по опустевшей улице, а вдогонку мне доносился затихающий крик людей, запертых в вагоны; он звучал как писк набившихся в клетки птиц, почуявших смертельную опасность. (...)

1943

Ателье, где я очутился и где мне суждено было провести некоторое время, оказалось довольно большим помещением — это было нечто вроде зала с застекленным потолком. С двух сторон были маленькие спальни, отделенные дверьми. Богуцкие приготовили для меня раскладушку. После казарменных нар, на которых я спал прежде, раскладушка показалась роскошным ложем. Я был счастлив уже тем, что не вижу немцев, не слышу их воплей и не приходится опасаться, что в любую минуту меня может избить, а то и убить какой-нибудь эсэсовец. В те дни я старался не думать, что меня ждет, пока не кончится война, и вообще доживу ли я до ее конца. Придало сил известие, которое принесла Богуцкая, — о том, что советские войска отбили Харьков. Но что со мной будет? Надо было отдавать себе отчет, что долго отсиживаться в ателье не удастся. Перковский должен был в ближайшие дни найти жильца, хотя бы из-за того, что немцы намеревались проводить перепись населения: полиция будет обыскивать квартиры и проверять, имеют ли жильцы надлежащую прописку и разрешено ли им проживание. Почти ежедневно являлись кандидаты в квартиранты, чтобы осмотреть помещение. Тогда мне приходилось ретироваться в одну из спаленок и запираться на ключ.

Через две недели Богуцкий сумел договориться с бывшим музыкальным редактором Польского радио Рудницким — моим начальником в межвоенные годы; как-то вечером он появился в обществе инженера Гембчинского. Предстояло перебраться во флигель того же самого дома, в квартиру Гембчинских. В тот же вечер мне довелось прикоснуться к клавиатуре фортепьяно — впервые за семь месяцев. За те семь месяцев, когда я потерял всех дорогих мне людей, пережил ликвидацию гетто, потом разбирал его стены, а после таскал известь и кирпич. Я долго противился уговорам госпожи Гембчинской, но в конце концов поддался. Одеревеневшие пальцы с трудом двигались по клавишам, звук резал слух, казался чем-то чужим, едва выносимым. (...)

Август 1944

Около полудня снизу пришла подруга Хелены. Принесла еду и новости. Новости не слишком утешительные: с самого начала наш район был под полным контролем немцев, молодежь из боевых дружин повстанцев еле успела пробиться в центр города. Теперь не могло быть и речи о том, чтоб выйти из дома. Надо было ждать, пока квартал отобьют отряды из центра.

— Может, как-нибудь проскочим? — спросил я.

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Да вы же полтора года не выходили из укрытия! У вас ноги подкосятся, прежде чем вы хоть полпути пройдете.

Она покачала головой и, взяв меня за руку, добавила успокаивающе:

Оставайтесь лучше тут. Переждем.

Женщина надеялась на лучшее. Она вывела меня на лестничную клетку, к окну, откуда был виден задний двор. Весь квартал был в огне. Слышался треск горящих стропил, грохот падавших сводов, крики людей и звуки выстрелов. Туча красно-коричневого дыма застилала небо. Когда ветер на миг ее проредил, было ясно видно, как вдали, на горизонте, плещется бело-красный флаг.

Дни шли за днями. Помощь из центра города не приходила. (...)

12 августа в нашем подъезде снова началась паника. Люди в ужасе сновали вверх-вниз по лестнице. Из обрывков разговоров я уловил, что дом оцеплен немцами и надо как можно скорей уходить, потому что он будет уничтожен артиллерией. Первым движением было одеться, но я тут же сообразил, что на улицу выходить нельзя: я попаду в руки эсэсовцев, и меня тут же застрелят. Решил не уходить. С улицы доносились выстрелы и подвывающий, гортанный дискант:

— Всем выходить! Немедленно очистить здание! (...)

Я подошел к окну. Дом, на некотором удалении, был окружен СС. Из гражданских никого не было видно. Весь дом был объят пламенем, и немцы явно ждали, когда заполыхают верхние этажи.

Выходит, вот она, моя смерть, — смерть, которой я ждал пять лет, от которой день за днем ускользал, чтоб именно теперь она до меня добралась. Не раз до этого я пытался ее вообразить. Ожидал, что немцы меня схватят, будут пытать, потом пристрелят или удушат в газовой камере. Но никогда не предполагал, что сгорю заживо.

Я рассмеялся над коварством судьбы. Я был абсолютно спокоен, убежден в том, что ход событий уже не изменить. Огляделся: очертания комнаты были смазаны — все расплывалось в густом дыму, впечатление было жуткое, гнетущее. Дышать было все труднее, в голове все больше шумело, я был близок к обмороку. Первые признаки действия угарного газа.

Я снова лег на кушетку. Гореть заживо не имело смысла, коль скоро можно этого избежать, проглотив снотворное. Несмотря ни на что, моя смерть будет намного легче смерти моих родителей и родных, замученных в Треблинке. В те последние минуты я думал только о них.

Достал пузырек с таблетками, высыпал горсть себе в рот и проглотил. Потянулся было за опиумом, хотел для пущей надежности принять и этот наркотик, но не успел. Снотворное, принятое на голодный желудок, подействовало мгновенно.

Я провалился в сон.

Осень 1944

5 октября, проходя между шеренгами немецких солдат, город начали покидать отряды повстанцев: кое-кто был одет в мундиры, у многих были только бело-красные повязки на рукаве. (...)

Эвакуация остатков гражданского населения продолжалась еще восемь дней. Последние жители покинули город 14 октября. Уже стемнело, когда запоздалая группка, подгоняемая эсэсовцами, проходила мимо дома, в котором я прятался. Высунувшись из выгоревшего окна, я смотрел на них, пока сгорбленные под тяжестью узлов фигуры идущих не растаяли во мраке.

Теперь я был совсем один; все, что у меня было, — немного сухарей на дне сумки да грязная вода в ванне. Оставался только вопрос: как долго я протяну в таких условиях, учитывая, что осенние дни все короче, надвигается зима? (...)

Наступило 15 ноября. Выпал первый снег. Холод мучал меня все сильнее, хотя я лежал, зарывшись в кучу лохмотьев, которые отыскал во время своих скитаний. Теперь, когда по утрам я просыпался,

лохмотья были покрыты пушистым белым слоем снега. Я устроил себе логово в углу чердака под уцелевшим куском крыши, но большая часть кровли была сорвана, и снег проникал со всех сторон. (...)

Через два дня я снова отправился на поиски пропитания. На этот раз я хотел сделать запас побольше, чтобы реже покидать убежище. Искать приходилось днем: я еще не так хорошо знал дом, чтобы шарить по нему ночью. Попал на какую-то кухню, а оттуда — в кладовку. Там было несколько банок, какие-то мешочки и сумки, содержимое которых непременно надо было проверить. Я развязывал затянутые узлом веревки, открывал крышки. И был так этим поглощен, что из задумчивости меня вывел только голос, раздавшийся прямо у меня за спиной:

- Was suchen Sie hier?

Позади, опираясь о кухонный буфет и скрестив на груди руки, стоял подтянутый, элегантный немецкий офицер.

— Что вы здесь ищете? — повторил он. — Разве вы не знаете, что сюда переезжает штаб обороны Варшавы?..

Я опустился на стул, стоявший у двери в кладовку. И вдруг с неотвратимой ясностью почувствовал, что у меня уже не хватит сил выбраться из новой западни. Силы покинули меня внезапно, как бывает при обмороке. Я сидел, тупо уставясь на офицера и тяжело дыша. Лишь какое-то время спустя нашелся что сказать:

- Делайте со мной, что хотите. Я отсюда не двинусь.
- Я не собираюсь делать вам ничего плохого! пожал плечами офицер. Кто вы?
- Я пианист.

Он посмотрел на меня внимательней, с явным недоверием. Потом, словно вдруг что-то осознав, бросил взгляд в сторону двери, ведущей из кухни в жилые комнаты.

— Пойдемте-ка со мной.

Мы прошли через первую комнату, которая когда-то была столовой, и вошли в следующую, где у стены стояло фортепьяно. Офицер указал на него рукой:

Сыграйте что-нибудь.

Может, он и не подумал, что звук рояля немедленно привлечет внимание ходивших где-то поблизости эсэсовцев? Я взглянул вопросительно, не двигаясь с места. Он понял мои опасения и тут же добавил:

— Играйте. Если кто-нибудь придет, спрячетесь в кладовке, а я скажу, что играл сам, хотел опробовать инструмент.

Я коснулся клавиш, пальцы дрожали. На сей раз, для разнообразия, мне предлагалось выкупить свою жизнь игрой на фортепиано. Я не занимался два с половиной года. Пальцы окостенели, покрылись толстым слоем грязи, ногти были не стрижены с того дня, как произошел пожар в доме, где я прятался. Комната, в которой стоял рояль, была, как и большинство комнат в городе, без стекол в окнах, механизм набух от сырости, клавиши с трудом поддавались нажиму пальцев.

Я начал играть ноктюрн до-диез минор Шопена. Стеклянный, дребезжащий звук, вырывавшийся из расстроенного инструмента, отражался от пустых стен квартиры и лестничной клетки, отзывался сдавленнымм печальным эхом в руинах домов по ту сторону улицы. Когда я кончил, тишина, царившая в городе, стала еще глуше и ужасней. Откуда-то издали донеслось кошачье мяуканье, а внизу, перед домом, был слышен гортанный немецкий крик. Офицер постоял, молча глядя на меня, потом вздохнул и сказал:

— И все-таки вы не должны здесь оставаться. Я отвезу вас за город, куда-нибудь в деревню. Там вы будете в безопасности.

Я мотнул головой.

— Я не могу отсюда выйти! — ответил я с нажимом. Только теперь он, казалось, понял, в чем истинная причина того, что я прячусь в развалинах. Нервно повел плечами и спросил:

— Вы еврей?

— Да

Он опустил руки, до сих пор скрещенные на груди, и сел в кресло возле рояля, словно ситуация заставляла его крепко задуматься.

— М-да! В таком случае вы действительно не можете отсюда выйти.

Он еще немного подумал, после чего обратился ко мне с новым вопросом:

- Где вы прячетесь?
- На чердаке.
- Покажите свое укрытие.

Мы поднялись по лестнице. Он тщательно и профессионально обследовал чердак. И открыл коечто, чего я до сих пор не заметил. Там был еще один ярус; нечто вроде дощатой антресоли, — над выходом на чердак, под коньком крыши. Беглым взглядом антресоль было трудно заметить в царившей на чердаке темноте. Он посоветовал мне отныне прятаться там, помог найти в одной из квартир стремянку. Забравшись в укрытие, я должен был втаскивать ее за собой наверх. Потом спросил, достаточно ли у меня провизии.

- Нет, ответил я. Я как раз искал что-нибудь съестное, когда мы встретились.
- Ничего, ничего, бросил он поспешно, словно стыдясь всего происходящего. Я вам чтонибудь принесу.

Тут уж и я отважился задать вопрос. Не мог удержаться.

— Вы немец?

Он покраснел и почти крикнул, возмущенный, точно я его оскорбил:

— Да! Увы, я немец. Я хорошо знаю, что творилось тут в Польше, и мне очень стыдно за мой народ. Резким движением он подал мне руку и вышел.

Прошло три дня, прежде чем он появился снова. Был вечер, совсем темно, когда я услышал снизу, с чердака, шепот:

- Эй! Вы здесь?
- Да, здесь, ответил я.

Что-то тяжело упало рядом. Сквозь бумагу я нашупал несколько буханок хлеба и еще что-то мягкое, оказавшееся потом завернутым в пергамент мармеладом. Я быстро отложил сверток в сторону и позвал:

— Подождите немного!

Голос в темноте звучал нетерпеливо:

- Что такое? Скорей. Меня видел часовой, когда я шел сюда. Задерживаться нельзя.
 - Где советские войска?
- В Праге [правобережное предместье Варшавы]. Держитесь. Осталось всего несколько недель. Война кончится самое позднее весной!

Голос умолк. Я не знал, здесь ли еще офицер или уже ушел. Однако вскоре он снова заговорил:

— Вы должны продержаться! Слышите?! — он говорил твердо, почти приказывал, точно хотел внушить мне веру в счастливое для нас окончание войны. Только когда он это сказал, я услышал скрип закрываемой двери.

Вновь пошли безнадежно монотонные недели. Артиллерия со стороны Вислы звучала все реже. (...)

12 декабря я видел офицера в последний раз. Он принес запас хлеба больше, чем перед тем, а вдобавок еще и перину. И сообщил, что вместе со своей частью оставляет Варшаву, но просил, чтоб я не терял надежды, потому что в ближайшие дни должно начаться наступление русских.

- На Варшаву?
- Да.
- Как пережить уличные бои вот вопрос, встревожился я.
- Раз уж и вы, и я пережили пять лет этого ада, ответил он, как видно, нам на роду написано остаться в живых. Надо в это верить.

Он уже должен был идти, мы уже прощались. Я соображал, как его отблагодарить, а он никак не хотел принять то единственное сокровище, которое я мог ему преподнести, — мои часы. И вот что пришло мне в голову в последнюю минуту.

— Послушайте! — я взял его за руку и стал горячо убеждать. — Вы ведь до сих пор не знаете моей фамилии. Вы меня не спросили, но я хочу, чтоб вы ее запомнили. Неизвестно, как дальше пойдет война. Вам

запомнили. Неизвестно, как дальше пойдет война. Вам предстоит долгий путь домой. А я, если выживу, наверняка сразу начну работать на старом месте, на Польском радио, там же, где работал перед войной. Если с вами случится что-нибудь плохое, может быть, я смогу помочь. Вы запомните: Владислав Шпильман — Польское радио.

Он улыбнулся, как всегда сдержанно, робко, словно смущенно, но я почувствовал, что мое, наивное в тех обстоятельствах, желание прийти на помощь было ему приятно.

Вильм Хозенфельд ДНЕВНИК

Везде царит террор, насилие, страх. Аресты, депортации, даже расстрелы — обычное дело. Жизнь людей и их личная свобода теперь не в цене. Но у каждого человека и у каждого народа есть врожденный инстинкт свободы, и этот инстинкт нельзя подавить надолго. История учит, что тирания никогда долго не длилась. (...)

Часто разыгрываются ужасные сцены. Сейчас тем же манером очищают варшавское гетто, где живут четыреста тысяч человек. Вместо немецких полицейских для этого используют батальоны украинской и литовской полиции. (...)

Если правда то, что рассказывают люди, достойные доверия, быть немецким офицером отнюдь не почетно, и больше невозможно участвовать во всем этом. Не могу в это поверить. (...) Какие же мы трусы, что позволяем все это творить, хотя сами того не желаем. Поэтому мы будем наказаны вместе с ними. Это коснется и наших невинных детей, ведь мы разделяем вину, смиряясь со элодеяниями. (...)

Кажется немыслимым, как мы могли совершить столь чудовищные преступления против гражданского населения, против евреев. Все время задаю себе вопрос: как это могло случиться? (...)

Мне стыдно выходить в город. Любой поляк имеет право плюнуть нам в лицо. Каждый день ктонибудь стреляет в немецких солдат. А будет еще хуже, и мы не вправе жаловаться, потому что ничего иного и не заслужили. (...)

Почему Бог допустил эту ужасную войну, эти чудовищные жертвы? (...) Мы не сделали ничего, чтобы помешать нацистам прийти к власти, мы предали свои идеалы, идеалы личной свободы, демократии и свободы религии.

Рабочие поддержали нацистов, Церковь безучастно наблюдала, мещане были слишком трусливы, так же обстояло дело и с высшим духовенством. Мы позволили разгромить профсоюзы, подавить религиозные меньшинства, ликвидировать свободу слова в прессе и на радио. Потом нас послали на войну — и мы не протестовали. Мы были довольны, что в Германии нет парламента, мы приветствовали парламент, которому было нечего сказать. Идеалы нельзя предавать безнаказанно, теперь всем нам придется держать ответ. (...)

За все зло и горе, за убийства, которые мы совершили, будет расплачиваться весь народ. Невинные будут принесены в жертву, чтоб искупить чужую кровавую вину. Таков закон, которого не отменить.

Вильм Хозенфельд

Вольф Бирман ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хозенфельд, учитель по профессии, во время I Мировой войны воевал в чине поручика; в 1939 г. он был уже слишком стар, чтобы отправиться на фронт. Очевидно, потому-то этого офицера откомандировали руководить спортивными объектами, захваченными Вермахтом в оккупированной Варшаве. (...)

Не бывает жертв первой и второй категории. Одни умирали вместе с другими стонущими людьми в газовой камере, другие — как поется в песне партизан из вильнюсского гетто — погибали «с пистолетом в руке»... Кому дозволено проводить моральную сегрегацию жертв?

Владислав Шпильман принадлежит к обеим категориям — он и воин, и жертва: как явствует из его мемуаров, он принимал непосредственное участие в героическом движении Сопротивления. Он был из тех, кого ежедневно колоннами гнали на работу в «арийскую» часть города. А оттуда тайком проносил в гетто не только хлеб и картошку, но и патроны для еврейских повстанцев. Он лишь вскользь, благородно упоминает об этом героическом деянии. (...)

Вначале Шпильмана спас от смерти один из этих проклятых еврейских полицаев. А в конце это сделал

один из офицеров гитлеровской армии, который нашел едва живого пианиста в развалинах обезлюдевшей Варшавы и... не убил его. Капитан Хозенфельд даже приносил ему в укрытие еду, перину, плащ. (...)

От Владислава Шпильмана я узнал, что он пытался отыскать Хозенфельда еще в 1945 г., но безрезультатно. Когда он добрался до лагеря, в котором скрипач Ледницкий видел Хозенфельда, того уже перевели куда-то еще.

Судьба капитана Хозенфельда — сама по себе небывалая история. Он умер в лагере для военнопленных под Сталинградом за год до смерти Сталина. В плену его подвергали жестоким пыткам, ибо советские офицеры сочли его рассказы о том, как он спасал евреев, особо циничной ложью. У него было несколько кровоизлияний в мозг, и в конце жизни рассудок почти оставил его. Как ребенок, над которым измываются, он не понимал, за что его истязают. Умер он полностью психически сломленным. (...)

Леон Варм помнит. как военнопленный Хозенфельд передавал фамилию Шпильмана своей жене. Госпожа Хозенфельд даже показала ему открытку от 15 июля 1946 г., где был перечень фамилий спасенных мужем поляков и евреев. Она должна была просить их о помощи. На той открытке под номером четыре значилось: «Wladislaus Spielmann, pianist im Warschauer Rundfunk». (...) Леон Варм отыскал адрес пианиста и передал ему информацию. (...)

Летом 1997 г., когда уже было известно, что эта почти забытая книга выходит на немецком языке, я спросил Владислава Шпильмана, чем кончилась та история. Он ответил:

«Вы знаете, и говорить-то не хочется. Я еще никогда ни с кем об этом не разговаривал, ни с женой, ни с сыновьями. Почему? Да потому что стыдно. Когда в 1950 г. я, наконец, узнал фамилию того немца, я подавил в себе страх, преодолел презрение и обратился с просьбой к преступнику, с которым ни один приличный человек в Польше не стал бы общаться, — это был Якуб Берман.

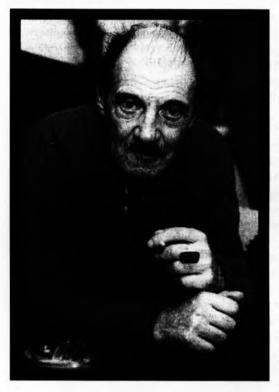
Начальник польского отдела НКВД [УБ, «управления безопасности» ПНР], Берман был самым влиятельным человеком в Польше. Он был скотиной — это всякий знал. Но у него было больше полномочий, чем у нашего министра внутренних дел. Я решил сделать все возможное и поэтому пошел к нему и рассказал обо всем. В том числе и о том, что Хозенфельд спасал не только меня, но и маленьких еврейских детей, которым еще в начале войны покупал еду и башмаки. Рассказал я и о Леоне Варме, о семье Чечёров, о том сколько людей обязано ему жизнью. Берман был со мной любезен и обещал сделать все, что сможет. Через несколько дней он позвонил сам: "Увы! Ничего не выходит". И добавил: "Если бы этот немец был в Польше, мы бы его сумели вытащить, но советские товарищи не хотят его выпускать. Говорят, он был членом шпионской группы. Тут поляки ничего поделать не могут, я бессилен", — сказал тот, кто своим всевластием был обязан милости Сталина».

Наталия Филатова

ПЕРЕВОДЧИК ШОПЕНА

Памяти Ежи Кухарского

18 января прошлого года из жизни ушел выдающийся шопеновед, человек трудной судьбы Ежи Кухарский. Он родился и большую часть своей жизни провел в Москве. Но всю жизнь чувствовал себя поляком.

В 1924 г. его родители, польские коммунисты, нелегально переехали из Варшавы в Москву — «строить социализм». Стефан Кухарский, отец Ежи, с 1912 г. был членом Социал-демократии Царства Польского и Литвы. В СССР он стал работать во внешнеторговой организации «Станкоимпорт», которая командировала его на постоянную работу за границей — во Францию, Германию, Чехословакию.

Сын Кухарских родился в 1926 г. и первые годы жизни провел за границей. Поскольку дольше всего семья Кухарских жила во Франции, Ежи с детства прекрасно знал французский, дома же говорили по-польски. Поэтому, когда ему в конце 70-х впервые разрешили приехать в Польшу, все поражались его удивительно чистому произношению.

В 1937 г. отца с семьей неожиданно отозвали в Москву, где спустя несколько дней он был арестован и вскоре расстрелян как враг народа и польский шпион. Мать была тоже арестована и отправлена в Казахстан,

в печально известный АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников родины), где умерла от голода.

(Удивительно, как пересекаются судьбы... Сестра моей бабушки, отсидевшая десять лет в АЛЖИРе, не раз, когда при ней заходила речь о ком-либо из репрессированных при Сталине, вспоминала: «А я знала его жену: я с ней сидела!» Оказалось, что знала она и Юлию Кухарскую — более того, жила с ней в одном бараке и спала на соседних нарах. «Люля все время плакала и говорила о своем маленьком сыне», — рассказывала она). Всю жизнь пан Ежи страдал от того, что не знал, где похоронены его родители.

Когда арестовали родителей, а затем и тетку, которая по просьбе матери взяла мальчика к себе, Ежи было 11 лет. Он жил с бабушкой и двоюродной сестрой, а когда началась война, бабушка умерла, сестра ушла на фронт, и он остался совсем один. Окончил школу, где к нему относились как к сыну врагов народа, затем техникум. Работал на заводе фрезеровщиком. Некоторое время ему помогала Ванда Василевская.

В начале 50-х пан Ежи занялся литературным творчеством, начал писать автобиографический роман. Но при жизни Сталина описать все, что было в действительности, казалось невозможным, поэтому роман так и остался незавершенным.

В 1958 г. ему представилась возможность работать над письмами Шопена. Это произошло случайно, когда пан Ежи работал на радио, в редакции иностранного вещания. Издательству «Музыка» нужен

был человек, владеющий польским и французским, чтобы продолжить работу С.Семеновского, который начал переводить на русский польское издание «Переписки Фридерика Шопена» в обработке Б.Э.Сыдова, но заболел и вскоре умер. Ежи Кухарский знал оба эти языка в совершенстве. Так начался многолетний труд, ставший делом его жизни.

В 1964-1989 гг. в Москве вышло в свет четыре издания «Писем Шопена» (второй том четвертого издания пока не опубликован из-за отсутствия средств) с комментариями Ежи Кухарского. Каждое последующее из них исправлялось и значительно дополнялось. Пан Ежи не ограничился работой переводчика, он стал исследователем эпистолярного наследия и жизни Шопена, одним из самых компетентных биографов композитора. Он постоянно расширял комментарии к письмам, включал в издание всё новые материалы (к примеру, письма русской ученицы Шопена Елизаветы Шереметевой), в результате чего оно из однотомного переросло в двухтомное. Активно сотрудничал пан Ежи с Обществом имени Ф. Шопена в Варшаве, получая оттуда множество материалов. Написал также сценарии к нескольким документальным фильмам о Шопене.

В пятьдесят лет Ежи Кухарского постиг тяжелый недуг: он почти полностью потерял зрение. Но творческая жизнь и работа над письмами Шопена не прекращалась, хотя с 1976 г. он не мого ни читать, ни писать. Работал с помощью друзей, близких, а чаще и больше всего с помощью жены, Наталии Прозоровой, которой в возрасте 56 лет пришлось окончить курсы польского, чтобы читать мужу. Она была его секретарем и верным помощником до самых последних дней его жизни.

Доводилось помогать пану Ежи и автору этих строк. Я знала его с детства: с моим отцом они познакомились в 1954 г. в мастерской опального тогда художника Р.Фалька. Дружба родителей с Кухарскими — их связывали прежде всего общие духовные интересы поколения «шестидесятников» — продолжалась до конца его дней. Несмотря на кажущуюся замкнутость, пан Ежи обладал удивительным свойством притягивать к себе людей. В круг его друзей, сложившийся еще в 60-е годы, входили Г.Нейгауз, С.Рихтер, с которым они совершали длительные прогулки по Подмосковью, С.Аверинцев... В последние годы Кухарский особенно сблизился с поэтом Г.Айги.

Для меня пан Ежи стал еще и наставником: под его влиянием, увлеченная Польшей и польской культурой, я, еще учась в университете, избрала своей специальностью историю этой страны, защитила диссертацию по истории польской культуры начала XIX века и стала работать в Институте славяноведения. Пан Ежи — именно так он просил меня его называть, в то время как в Москве к нему чаще обращались «Георгий Степанович», а близкие друзья звали на русский лад «Ежик», — с какой-то особой гордостью следил за моими успехами, всегда стремился помочь, подсказать, ввести в круг своих польских знакомых. Некоторые из его варшавских друзей стали и моими близкими друзьями.

Пан Ежи никогда не терял духовной связи с Польшей. Друзей среди польской интеллигенции у него было не меньше, чем в России, а может быть, и больше. Близкие отношения связывали его с писателями Владиславом Терлецким и Виктором Ворошильским, книгу которого «Сны под снегом. Повести о жизни Михаила Салтыкова-Щедрина» он блестяще перевел на русский язык. Но она вышла в Англии в 1977 г. без указания фамилии переводчика как «анонимный перевод, распространяемый самиздатом».

И в нравственном, и в профессиональном отношении у Ежи Кухарского было чему поучиться. Глубоко верующий человек, он никогда не шел против совести, был в этом смысле чрезвычайно требователен к себе и окружающим. Ни потеря зрения, ни другие болезни, которыми он страдал в последние годы жизни, не сломили его: главным лекарством всегда была работа. В ней он демонстрировал высокую эрудицию и необычайную добросовестность, внимание к мельчайшей детали, прекрасное знание эпохи, в которую жил и творил его герой — Фридерик Шопен.

Несмотря на нелегкую жизнь, пан Ежи часто говорил, что он счастливый человек, потому что занимается любимым делом. Шопен всегда был для него живым и очень близким. Возможно, потому что и сам он, подобно великому польскому композитору, был, перифразируя слова Ц.Норвида, «сердцем поляк» и «гражданин Мира».

Светлая память о Ежи Кухарском навсегда сохранится у всех, кто его знал.

ruch muzyany

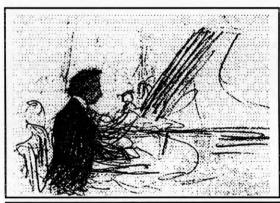
Борис Пастернак

ШОПЕН

1

Легко быть реалистом в живописи, искусстве, зрительно обращенном к внешнему миру. Но что значит реализм в музыке? Нигде условность и уклончивость не прощаются так, как в ней, ни одна область творчества не овеяна так духом романтизма, этого всегда удающегося, потому что ничем не проверяемого, начала произвольности. И, однако, и тут все зиждется на исключениях. Их множество, и они составляют историю музыки. Есть, однако, еще исключения из исключений. Их два — Бах и Шопен.

Эти главные столпы и создатели инструментальной музыки не кажутся нам героями вымысла, фантастиче-

Шопен Рис. Леонида Пастернака

скими фигурами. Это — олицетворенные достоверности в своем собственном платье. Их музыка изобилует подробностями и производит впечатление летописи их жизни. Действительность больше, чем у кого-либо другого, проступает у них наружу сквозь звук.

Говоря о реализме в музыке, мы вовсе не имеем в виду иллюстративного начала музыки, оперной или программной. Речь совсем об ином.

Везде, в любом искусстве, реализм представляет, по-видимому, не отдельное направление, но составляет особый градус искусства, высшую ступень авторской точности. Реализм есть, вероятно, та решающая мера творческой детализации, которой от художника не требуют ни общие правила эстетики, ни современные ему слушатели и зрители. Именно здесь останавливается всегда искусство романтизма и этим удовлетворяется. Как мало нужно для его процветания! В его распоряжении ходульный пафос, ложная глубина и наигранная умильность, — все формы искусственности к его услугам.

Совсем в ином положении художник-реалист. Его деятельность — крест и предопределение. Ни тени вольничания, никакой блажи. Ему ли играть и развлекаться, когда его будущность сама играет им, когда он ее игрушка!

И прежде всего. Что делает художника реалистом, что его создает? Ранняя впечатлительность в детстве, — думается нам, — и своевременная добросовестность в зрелости. Именно эти две силы сажают его за работу, романтическому художнику неведомую и для него необязательную. Его собственные воспоминания гонят его в область технических открытий, необходимых для их воспроизведения. Художественный реализм, как нам кажется, есть глубина биографического отпечатка, ставшего главной движущей силой художника и толкающего его на новаторство и оригинальность.

Шопен реалист в том же самом смысле, как Лев Толстой. Его творчество насквозь оригинально не из несходства с соперниками, а из сходства с натурою, с которой он писал. Оно всегда биографично не из эгоцентризма, а потому, что, подобно остальным великим реалистам, Шопен смотрел на свою жизнь как на орудие познания всякой жизни на свете и вел именно этот расточительно-личный и нерасчетливо-одинокий род существования.

Главным средством выражения, языком, которым у Шопена изложено все, что он хотел сказать, была его мелодия, наиболее неподдельная и могущественная из всех, какие мы знаем. Это не короткий, куплетно возвращающийся мелодический мотив, не повторение оперной арии, без конца выделывающей голосом одно и то же, это поступательно развивающаяся мысль, подобная ходу приковывающей повести или содержанию исторически важного сообщения. Она могущественна не только в смысле своего действия на нас. Могущественна она и в том смысле, что черты ее деспотизма испытал Шопен на себе самом, следуя в ее гармонизации и отделке за всеми тонкостями и изворотами этого требовательного и покоряющего образования.

Например, тема третьего, E-dur-ного этюда доставила бы автору славу лучших песенных собраний Шумана и при более общих и умеренных разрешениях. Но нет! Для Шопена эта мелодия была представительницей действительности, за ней стоял какой-то реальный образ или случай (однажды, когда его любимый ученик играл эту вещь, Шопен поднял кверху сжатые руки с восклицанием: «О, моя родина!»), и вот, умножая до изнеможения проходящие и модуляции, приходилось до последнего полутона перебирать секунды и терции среднего голоса, чтобы остаться верным всем журчаньям и переливам этой подмывающей темы, этого прообраза, чтобы не уклониться от правды.

Или в gis-moll-ном, восемнадцатом этюде в терцию с зимней дорогой (это содержание чаще приписывают С-dur-ному этюду, седьмому) настроение, подобное элегизму Шуберта, могло быть достигнуто с меньшими затратами. Но нет! Выраженью подлежало не только нырянье по ухабам саней, но стрелу пути все время перечеркивали вкось плывущие белые хлопья, а под другим углом пересекал свинцовый черный горизонт, и этот кропотливый узор разлуки мог передать только такой, хроматически мелькающий с пропаданьями, омертвело звенящий, замирающий минор.

Или в баркароле впечатление, сходное с «Песнью венецианского гондольера» Мендельсона, можно было получить более скромными средствами, и тогда именно это была бы та поэтическая приблизительность, которую обычно связываешь с такими заглавиями. Но нет! Маслянисто круглились и разбегались огни набережной в черной выгибающейся воде, сталкивались волны, люди, речи и лодки, и для того, чтобы это запечатлеть, сама баркарола вся, как есть, со всеми своими арпеджиями, трелями и форшлагами, должна была, как цельный бассейн, ходить вверх и вниз, и взлетать, и шлепаться на своем органном пункте, глухо оглашаемая мажорноминорными содроганиями своей гармонической стихии.

Всегда перед глазами души (а это и есть слух) какая-то модель, к которой надо приблизиться, вслушиваясь, совершенствуясь и отбирая. Оттого такой стук капель в Des-dur-ной прелюдии, оттого наскакивает кавалерийский эскадрон с эстрады на слушателя в As-dur-ном полонезе, оттого низвергаются водопады на горную дорогу в последней части h-moll-ной сонаты, оттого нечаянно распахивается окно в усадьбе во время ночной бури в середине тихого и безмятежного F-dur-ного ноктюрна.

3

Шопен ездил, концертировал, полжизни прожил в Париже. Его многие знали. О нем есть свидетельства таких выдающихся людей, как Генрих Гейне, Шуман, Жорж Санд, Делакруа, Лист и Берлиоз. В этих отзывах много ценного, но еще больше разговоров об ундинах, эоловых арфах и влюбленных пери, которые должны дать нам представление о сочинениях Шопена, манере его игры, его облике и характере. До чего превратно и несообразно выражает подчас свои восторги человечество! Всего меньше русалок и саламандр было в этом человеке, и, наоборот, сплошным роем романтических мотыльков и эльфов кишели вокруг него великосветские гостиные, когда, поднимаясь из-за рояля, он проходил через их расступающийся строй, феноменально определенный, гениальный, сдержанно-насмешливый и до смерти утомленный писанием по ночам и дневными занятиями с учениками. Говорят, что часто после таких вечеров, чтобы вывести общество из оцепенения, в которое его погружали эти импровизации, Шопен незаметно прокрадывался в переднюю к какому-нибудь зеркалу, приводил в беспорядок галстук и волосы и, вернувшись в гостиную с измененной внешностью, начинал изображать смешные номера с текстом своего сочинения — знатного английского путешественника, восторженную парижанку, бедного старика еврея. Очевидно, большой трагический дар немыслим без чувства объективности, а чувство объективности не обходится без мимической жилки.

Замечательно, что куда ни уводит нас Шопен и что нам ни показывает, мы всегда отдаемся его вымыслам без насилия над чувством уместности, без умственной неловкости. Все его бури и драмы близко касаются нас, они могут случиться в век железных дорог и телеграфа. Даже когда в фантазии, части полонезов и в балладах выступает мир легендарный, сюжетно отчасти связанный с Мицкевичем и Словацким, то и тут нити какого-то правдоподобия протягиваются от него к современному человеку. Это рыцарские преданья в обработке Мишле или Пушкина, а не косматая голоногая сказка в рогатом шлеме. Особенно велика печать этой серьезности на самом шопеновском в Шопене — на его этюдах.

Этюды Шопена, названные техническими руководствами, скорее изучения, чем учебники. Это музыкально изложенные исследования по теории детства и отдельные главы фортепианного введения к смерти (поразительно, что половину из них писал человек двадцати лет), и они скорее обучают истории, строению вселенной и еще чему бы то ни было более далекому и общему, чем игре на рояле. Значение Шопена шире музыки. Его деятельность кажется нам ее вторичным открытием.

1945

Антоний Кучинский

КАЗАХСТАН ГЛАЗАМИ БРОНИСЛАВА ЗАЛЕССКОГО

Бронислав Залесский

В 1991 году в Алматы на двух языках: казахском («Казак сахарасына сайхат») и русском («Жизнь казахских степей») вышла книга Бронислава Залесского. Русский перевод сделан с французского («La vie des steppes kirghizes», Париж, 1865) Ф.И.Стекловой и Б.И.Садыковой, с этого перевода на казахский книгу перевел К.Сегизбаев. Двуязычное издание этой книги стало подтверждением ее ценности и важной вехой в истории польско-казахских связей, по-прежнему малоизученных. Более полно эта проблематика представлена в двухтомном библиографическом указателе «История Казахстана. Дореволюционный период» (Алма-Ата, 1988), самом компетентном обзоре этой темы в русской литературе, а также в книге Г.Сапаргалиева и В.Дьякова «Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане» (Алма-Ата, 1971), вышедшей также в переводе на польский в 1982 году. В ней представлен вклад ссыльных поляков в этнографические, географические и геологические исследования на обширных просторах Казахстана, говорится также об их участии в различных сферах жизни этого края.

В предисловии к казахско-русскому изданию упомянутой

книги Б.Залесского подчеркивается ее значение для исследований по истории и этнографии казахов:

«История этого издания уникальна. Можно сказать, что оно дошло до адресата только спустя более 125 лет. Его автор — польский художник Бронислав Залесский (1820-1880) служил рядовым солдатом Оренбургского корпуса и после возвращения из ссылки издал в 1865 году в Париже книгу-альбом, где одним из первых европейцев реалистически описал и изобразил этнографию, социально-экономическую жизнь казахов в середине XIX века, а также природное своеобразие этого края.

Настоящее издание является первым переводом книги с французского и подготовлено одновременно на двух языках — казахском и русском, снабжено всеми иллюстрациями, имевшимися в оригинале, примечаниями к тексту».

Автором этого издательского проекта была Ф.И.Стеклова, которая, к сожалению, не дожила до его осуществления. Добавим, что Фаина Ивановна Стеклова (1910-1980), родившаяся в Латвии, предметом своих научных исследований избрала польский романтизм, а также польско-российские и польско-казахские литературные связи в XIX веке. Прекрасный знаток этих проблем, она, можно смело сказать, принадлежала к друзьям Польши. Из-за войны ей пришлось прервать учебу, она стала военным корреспондентом. Ф.И.Стеклова участвовала в освобождении Варшавы и, когда спустя годы вновь бывала на берегах Вислы, радовалась, что город хорошеет с каждым годом. Учебу она закончила уже после войны и работала в высших учебных заведениях Риги, Душанбе, Грозного, Владивостока, а дольше всего — в Казахском университете в Алма-Ате. В ее научном багаже много интересных работ, касающихся связей поляков с Казахстаном.

В своей научной работе Ф.И.Стеклова не только свободно ориентировалась в чрезвычайно запутанной истории польско-казахских литературных связей, но и смело обращалась к другим областям, в частности к связям поляков с Сибирью и Казахстаном. Общность наших интересов привела к моему личному знакомству с Ф.И.Стекловой. Она относилась к тем добросовестным исследователям, которые существенным образом способствовали популяризации на родине казахов вклада поляков в изучение их края. В частности, она перевела на русский язык письма и дневник Адольфа Янушкевича, а их

издание («Дневники и письма из путешествия по казахским степям», Алма-Ата, 1966) снабдила интересным предисловием. Фрагменты этой книги, переведенные на казахский, включены в школьные программы, в чем, несомненно, есть частица и ее труда, как научного, так и на ниве образования. Такая форма признания ценности сообщений А.Янушкевича об обычаях и привычках казахов способствовала популяризации польских вопросов в Казахстане, помогала в создании своеобразного моста, благодаря которому происходил обмен знаниями о польско-казахских связях.

Среди ссыльных поляков, путешествовавших по просторам Казахстана в XIX веке, были поэты, писатели, артисты, врачи, учителя. Нередко у них устанавливались дружеские связи с казахами, что позволяло им ближе познакомиться с культурой этого народа. Вклад поляков в изучение Казахстана — чрезвычайно интересная тема исследований, ожидающая своего историка. Здесь есть множество сюжетов самого разного направления и содержания. Например, известно, что учителями казахского ученого Чокана Валиханова были Кароль Гутковский, преподаватель географии и геодезии в Сибирском кадетском корпусе в Омске, и Илларион Гонсевский, преподаватель истории. Существуют документально подтвержденные источниками свидетельства о том, что Ч.Валиханов пользовался симпатией обоих преподавателей, работал в их библиотеках, участвовал в дискуссиях с ними, — это не могло не повлиять на формирование его взглядов на то, что казахскому народу надо обеспечить условия для развития его собственной культуры.

После столь пространного отступления о польско-казахских связях следует подчеркнуть, что в тот же контекст вписывается и личность Б.Залесского. Он происходил из польской дворянской семьи, в 1831 г. поступил в Дерптский университет, из которого был исключен за патриотическую деятельность и выслан на службу в Черниговскую губернию.. Спустя три года он вернулся в Вильно и работал в канцелярии гражданского губернатора, занимаясь инспектированием государственного имущества. И опять он оказался слишком непокорным, за что в 1846 г. был отправлен рядовым в линейный батальон Оренбургского корпуса, расквартированный в Оренбурге. Подобный род службы вообще был не из легких, а кроме того, она отягощалась суровым распорядком, презрительным отношением офицеров и самим фактом воинской службы как рода наказания. В Оренбурге Б.Залесский пробыл 10 лет; оттуда его часто отправляли рисовальщиком в составе разных экспедиций на территорию Казахстана. В этот период завязалась его тесная дружба с Тарасом Шевченко, вместе с которым осенью 1849 г. он участвовал в Аральской экспедиции. Во время поездок по казахским степям Б.Залесский внимательно наблюдал жизнь и обычаи казахов, выполнил множество самых разных рисунков на темы, связанные с казахской культурой. После освобождения от военной службы (1856) он некоторое время жил в Минской губернии, а в 1860 г. выехал за границу и поселился в Париже, где активно включился в культурную и политическую жизнь польской эмиграции.

По возвращении из ссылки он написал несколько работ по истории, географии и этнографии. Его особенно интересовали весьма давние связи поляков с Оренбургским краем, а в одной из статей он писал, что «первыми изгнанниками за национальное дело в Оренбурге были барские конфедераты [Барская конфедерация — вооруженный союз шляхты против России, создан в 1768, разгромлен в 1772 г. — Ped.]. Сколько их там было, как они прошли этот путь, мы не знаем (...) Из Оренбурга никто, насколько нам известно, не вернулся, но до сих пор стоит каменная стена вокруг оренбургской крепости, руками наших конфедератов возведенная, — она красноречиво свидетельствует, что было их, должно быть, немало и что использовали их там на тяжелых работах (...) Правительство использовало их на работах, насильно забирало в линейные полки, где их палками принуждали дать присягу на верность царице; наверное, и в казачьи станицы их отправляли, ибо Россия, где только ногу на Востоке поставит, там казачьи войска формирует, забирая в них людей всякого состояния и происхождения. Такая судьба ожидала не только отдельные семьи, но даже целые поселения, добровольно туда для колонизации прибывшие; уж естественно, что с насильственно присланными не церемонились. Встречаются и ныне в казачьих станицах фамилии совершенно польские или только с обруселыми окончаниями, что свидетельствуют о таком происхождении, - это внуки и правнуки наших конфедератов, которых, сделав казаками, привязали к земле, превратили в постоянное местное население и так лишили возможности возвращения».

Исследования позднейшего времени неопровержимо доказали, что судьба барских конфедератов действительно была такова. Из вышеприведенного фрагмента ясно видно, что автор прослеживает определенную тенденцию, традиционно свойственную России при освоении новых земель, и отмечает

ту роль, которую в этом процессе играли поляки. Он делает это убедительно и обоснованно, перечисляя одну за другой волны ссылок, исходившие после Барской конфедерации с той территории Речи Посполитой, которая досталась завоевателю. При описании первой же волны ссылок автор констатирует, что Россия успешно использовала ссыльных в своей политике экспансии, направление которой со временем переориентировалось с южноуральских районов на Казахстан. В этом завоевательном марше участвовал и наш автор, и нельзя здесь не отметить, что в его дальнейших сообщениях выразительно представлена не только экспансия, но и сопутствующие ей наблюдения над новой культурной и природной средой. Тексты эти относятся лишь к некоторым территориям, по которым путешествовал автор, и складывается некая мозаика разных по качеству описаний. Во всяком случае они представляют собой интересные попытки передать всю культурную многослойность этого региона и полны важных реалий, охватывающих материальную, социальную и духовную культуру и для сегодняшней этнологии составляющих интересный источник сведений о былом.

Особое значение в писательском наследии Б.Залесского, касающемся Казахстана, имеет его книгаальбом «La vie des steppes kirghizes», изданная в Париже в 1865 г. и иллюстрированная его же рисунками. Сразу после выхода этого издания российский ученый Василий Григорьев, познакомившийся с Б.Залесским во время его пребывания в Казахстане, в небольшой рецензии, опубликованной на страницах «Известий Императорского Русского географического общества» (1865, 1), писал:

«Мы можем засвидетельствовать, что природа киргизских степей и жизнь киргизов переданы в них с полной соответственностью действительности. Фантазия рисовавшего не прибавила к действительности и не убавила у нее ни малейшей черты: с поразительной верностью воспроизводят карандаш и резец Залеского эти бесконечные, пустынные равнины, на которых нет других зданий, кроме кладбищ, других красот, кроме голых известковых утесов, да болот, поросших камышами». Григорьев отметил, что немногим из европейцев удалось изъездить зауральские степи в такой мере, как Залескому. Он перебывал во всех степных укреплениях. Одобрительно отозвался рецензент и о текстах, которыми художник сопроводил свои рисунки. «Тихою грустью веет от всех его описаний и рассказов, говорится в рецензии, — иначе и быть не могло при монотонности степной природы и том настроении духа, в каком находится писавший — одна из самых чистых и поэтических душ в нашем грязном и прозаическом мире».

Эта книга — по сути красочное описание казахских степей, включающее в себя широкую картину жизни казахов. Автор характеризует в ней факторы, определяющие жизнь этой среды, описывает юрту степных кочевников, пишет о роли женщины в этом обществе, описывает кладбища, формы погребений, обращается к богатому фольклору и т.п., стараясь отдельно показать элементы общественного положения, духовной культуры и разнообразных форм хозяйствования. Неоднократно мы находим здесь сведения о том, что ислам не привел к серьезным изменениям в духовной культуре этого народа. Автор стремится при этом отразить сохранявшиеся тут социальные процессы, в которых по-прежнему принципиальную роль играла традиционная иерархия. Казахстан в те времена был государством с устоявшейся феодальной структурой, в которой местные беи сохраняли важную роль, — их-то российские колонизаторы зачастую вовлекали в различные системы взаимоотношений, в результате чего, получив щедрую мзду, они частично утрачивали власть на своей территории.

Б.Залесский писал обо всем этом очень интересно, ибо сам принимал активное участие в разных формах степной жизни, часто во время своих поездок по этим бескрайним просторам сиживал в юртах, ночевал в них, пил кумыс и прислушивался к советам, которые могли пригодиться ему в пути. Этими сведениями автор насыщал тексты своих описаний казахских степей, изобилующие наблюдениями непосредственного участника; но в них есть и углубленное описание культурных реалий, в основе которого безусловно лежали дополнительные сведения, полученная от степных жителей. Содержащееся в этом альбоме описание степей отражает сложное время, обусловленное многими факторами, распространявшимися на многие элементы как культурного, так и топографического пространства. Это пространство часто воссоздается в воспоминаниях о пережитых событиях, в наблюдениях культурного характера и дорожных заметках, что превращает их содержание в своеобразную ткань различного плетения, с богатыми узорами и истрепанными краями. Здесь также четко видна связь между разными частями этой культурной материи, предметами и людьми, а также множеством других факторов, которым подчинялась жизнь в определенной среде, и сама роль этой среды в детерминировании человеческой жизни, ее изменении, обогащении или оскудении. Есть тут и обращение к богатому фольклору, в

котором сохранились элементы истории степных кочевников, а народные певцы — акыны — были хранителями прошлого и популяризаторами этой истории среди населения. Автор с большим вниманием относился к тамошним кладбищам, на которых встречались каменные надгробия с разными надписями и рисунками, изображающими лошадей, верблюдов, или растительными и животными мотивами. Расспросы местного населения ни к чему не приводили: степняки не знали ничего об этих исторических памятниках и часто относились к ним без должного уважения, а «на заброшенных могилах своих батыров (героев. — А.К.) пасли баранов». Б.Залесский понимал, что эти каменные памятники — неопровержимое свидетельство чрезвычайно богатой истории разнообразных процессов, в которых участвовали люди, населявшие эту территорию в далеком прошлом. Она предстает перед нами в книге Л. Гумилева «По следам цивилизации Великой степи» (польский перевод — Варшава, 1973), воссоздающей историческую память о сложных этнических и культурных процессах, происходивших некогда в этой части Средней Азии.

Условия ссылки были довольно благоприятными, да и сам интерес Б.Залесского к экзотической культуре наблюдаемых им народов имел в своей основе романтическую традицию среды, в которой он вырос. Совпадение этих обстоятельств дало урожай в виде многообразия этнографических реалий. Очевидно, время ссылки стало для него творческим фактором, позволившим познать истинную природу степей и населяющего их народа. Он описывал действительность на основе своего опыта, накапливавшегося в многочисленных поездках и всяческом общении с жителями степей. Это было время, насыщенное разнообразными фрагментами культурной ткани, отмеченное связью с людьми и предметами, впечатлениями и целым «лесом вещей», определяемых пространством и временем. Тот мир сегодня невозможно воссоздать: он утрачен навсегда, вытеснен на обочину культурных изменений, которые происходили в этой части Средней Азии, растворился в новой ткани.

Пора сделать некоторые предварительные выводы. Представляется обоснованным утверждение, что записки Б.Залесского отличает понимание культурной сложности как Казахстана, так и других районов Российской империи. Отметим, что немало внимания он уделил также башкирам, вотякам и черемисам. Этнографическая проблематика встречается и в других его текстах, в частности в интереснейшем описании путешествия по Мугоджарским горам. Во всех этих текстах переплетается множество тем, связанных с культурой: фольклор, степные караваны, кладбища, повседневная жизнь, юрты и т.п. Ритм описаний менялся в зависимости от направления поездок автора и их продолжительности. Он неоднократно останавливался в степи на длительные стоянки, которые давали ему возможность глубже познакомиться с обычаями и привычками туземцев, изучить их общественное положение и материальные условия. Автор отмечал также совершенно явно наметившийся у некоторых местных групп процесс утраты своей культуры.

Сегодня Казахстан восстановил свой некогда потерянный суверенитет. В каком направлении пойдет развитие этой страны — покажет время. Пока лишь известно, что составленные поляками в XIX веке описания приобретают там особое значение для исследований по этнографии и истории, примером чего и стала книга Б.Залесского, в предисловии к которой написано:

«Книга Б.Залесского "Жизнь казахских степей" ценна и интересна для нас прежде всего тем, что это заметки очевидца — правдивые, непредвзятые, реалистичные. Привлекает широкая панорама жизни степи и ее обитателей, создаваемая автором. У Залесского одинаково хорошо получаются как описания природы края, его климата, растений, животных, так и жилищ, предметов быта и многого другого. Занимательны изложения легенд и сказаний кочевников, проницательны замечания автора об их религиозных верованиях.

Демократ по убеждениям, Залесский и в отношении малознакомого народа предельно демократичен. Как живо, остроумно, с душевным теплом описывает он казахских женщин или бывшего "степного разбойника" Кузембая. Из-под пера Залесского образы простых степняков выходят на редкость симпатичными.

Конечно, не все в книге Б.Залесского соответствует нашим нынешним знаниям и пониманию истории, обычаев, национального характера казахов. Сказался и стереотип взглядов, характерный для европейцев того времени. Но многое увидено и осмыслено точно и доброжелательно. Поэтому мы считаем публикацию книги делом нужным и своевременным. Безусловно, "Жизнь казахских степей" имеет не только большое этнографическое значение (книге еще предстоит стать предметом детальных исследований), она представляет несомненный интерес для массового читателя».

Катажина К. Гардзина

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Фестивали в Варшавской камерной опере

Варшавская камерная опера продолжает праздновать 400-летие существования жанра оперы. До сих пор ВКО поставила все сохранившиеся оперные шедевры Монтеверди и двенадцать опер разных композиторов эпохи барокко, в том числе три премьеры. «Танкреда» Андре Кампра в варшавском театре подготовил и поставил знаток старинной французской оперы Жан-Клод Мальглар. В репертуаре ВКО появилось также совсем неизвестное сочинение Скарлатти «Татид на Скиросе». Эта опера была написана в 1712 г. для польской королевы Марии, вдовы короля Яна III Собеского.

Любители музыки Генделя больше всего ждали премьеры оперы «Ринальдо». Удивительно, что эта знаменитая опера до сих пор не появлялась в польских музыкальных теат-

«Золушка». Сцена из спектакля

рах. Постановка шедевра Генделя, благодаря французскому кинофильму «Фаринелли», известному не только меломанам, привлекла внимание всей музыкальной общественности. «Ринальдо» в ВКО поставили Рышард Перит (режиссер), Анджей Садовский (художник), Владислав Клосевич (дирижер). Исполнители главных партий Анна Радзеевская, Марта Боберская и Анджей Климчак показали истинное вокальное мастерство. Гордостью вечера была звезда театра Ольга Пасечник — Альмирена.

25 января премьерой оперы «Сорока-воровка» начался 1-й Фестиваль Джоаккино Россини. Постановка оперы, которой варшавские зрители не видели уже 156 лет, оказалась очередным успехом ВКО. Кроме нее, во вре-

мя фестиваля любители бельканто имели возможность посмотреть и послушать шесть самых красивых опер-буффа Россини: «Брачный вексель», «Севильский цирюльник», «Синьор Брускино», «Золушка», «Итальянка в Алжире» и «Турок в Италии» — все в чудесных, многокрасочных и очень веселых постановках.

«Сладкая жизнь» в Большом театре в Варшаве

В последнее время репертуар варшавского Большого театра (Национальной оперы) обогатился новым балетом «Сладкая жизнь», основанным на жизни и творчестве Федерико Феллини. Музыку к семнадцати фильмам Феллини написал Нино Рота — для балета ее обработал польский композитор, автор музыки к фильму «Огнем и мечом» Кшесимир Дембский. Поставила балет Зофья Рудницкая.

Любители творчества Феллини быстро угадают, из каких фильмов взяты сцены балета.

На сцене маленький городок, в котором рос будущий режиссер. Мы видим приезд кинозвезды в белом кабриолете, сцены из фильмов «Дорога», «Сладкая жизнь», «Амаркорд», «Сатирикон» и других... Постановщикам удалось передать стиль и атмосферу фильмов великого режисcepa.

«Сладкая жизнь». Сцена из спектакля

Все, даже самые маленькие роли в балете ис-

полняют лучшие танцовщики и балерины — например, Ева Гловацкая и Славомир Возняк. При этом они не только танцуют, но и прекрасно выполняют актерские задачи. Они словно веселятся вместе со зрителями. Неудивительно, что балет «Сладкая жизнь» пользуется в Варшаве большим успехом.

Missa pro pace A.D. 2000

12 января нынешнего года в Национальной филармонии в Варшаве состоялось первое исполнение нового сочинения Войцеха Киляра Missa pro расе A.D. 2000 (Месса за мир, лето Господне 2000). Месса написана по заказу Казимежа Корда, главного директора Национальной филармонии, которая в этом году празднует свое столетие. Мессу Киляра исполнил оркестр и знаменитый хор Варшавской филармонии и четверо приглашенных композитором солистов: Изабела Клосинская (сопрано), Ядвига Раппе (альт), Чарлз Даниэлс (тенор) и Ромуальд Тесарович (бас). Сочинение состоит из шести частей, входящих в католическую мессу. В первой части, «Introitus» для органа соло, мы впервые услышали новый орган филармонии.

Восторженная, задумчивая и глубоко личная музыка нового сочинения Войцеха Киляра произвела впечатление и на слушателей (оркестру пришлось бисировать ее фрагмент), и на музыкальных критиков. Композитор подчеркивает, что он стремился создать мессу, которую можно исполнять не только в концертном зале, но и во время обыкновенной службы.

Валерий Босенко

«...КАК ВЕТОЧКА В ЛАЗЕНКАХ, ТА, КОТОРУЮ Я НЫНЧЕ ПОДНЯЛ»

Размышления об «окуджавовских» гастролях Олега Погудина в Варшаве

Олег Погудин

Борис Пастернак в «Докторе Живаго» заметил: «Русская песня, как вода в запруде. Кажется, она остановилась и не движется. А на глубине она безостановочно вытекает из вешняков, и спокойствие ее поверхности обманчиво... У какого-то предела она вдруг сразу открывается и разом поражает нас...»

Первое впечатление от пения Олега Погудина было именно таким — ошеломляющим.

Как, каким образом этого молодого певца не задели крылом ни советская эпоха, ни нынешняя российская вакханалия? Петербуржец Олег Погудин действительно не их замеса. Этот хрупкий юноша будто и впрямь пришел к нам из позапрошлого века — с таким небанальным ныне чувством поэтического, с заветными ключами от русского романса — как классического, так и позднего, городского. Знает он и лучшие музыкально-песенные образцы нашего столетия — Александра Вертинского, Петра Лещенко, Булата Окуджаву, иеромонаха Романа...

Для гастролей в Польше он закономерно выбрал песни Булата Окуджавы. В России до сих пор помнят и, главное, поют и «Прощание с Поль-

шей», и цикл песен Окуджавы из спектакля «Вкус черешни» по Агнешке Осецкой. Существует написанная для фортепьяно мелодия его песни «Путешествие по ночной Варшаве в дрожках». Ныне можно прочесть опубликованных в полном объеме «Шестидесятников Варшавы» и «Мнение пана Ольбрыхского». Известны они и в польских переводах.

Попробуем уйти от перечней — обратимся к смыслу. К последнему из названных стихотворений автор поставил эпиграф: «Русские принесли Польше много зла, и я презираю их язык... (анонимная записка из зала)». Благородную миссию защиты любимого поэта и дорогого для Польши гостя взял на себя актер Даниэль Ольбрыхский. В поэтическом изложении Окуджавы филиппика Ольбрыхского в защиту русского языка начиналась так:

Язык не виноват, — заметил пан Ольбрыхский, — все создает его неповторимый лик: базарной болтовни обсевки и огрызки, и дружеский бубнеж, и строки вечных книг...

Сливаются в одно слова и подголоски, и не в чем упрекать Варшаву и Москву...
Виновен не язык, а подлый дух холопский — варшавский ли, московский — в отравленном мозгу...

Более того, сам Ольбрыхский уже впрямую, от первого лица, именно об Окуджаве сказал: «Поэт, считавшийся не слишком благонадежным в собственной стране, заставил тысячи молодых поляков задать себе труд, чтобы понять этот прекрасный язык».

Но не только поэтому Булату Окуджаве в Польше отведено особое, если не сказать един-

ственное место. Со своими песнями 50-х — начала 60-х поэт оказался первым, кого в послевоенное время поляки полюбили всем сердцем, вопреки писаным и неписаным идеологическим установкам. Глубоко чтя поэтическую традицию, в том числе и русскую, будучи весьма чувствительными (как и русские) к вокально-песенному ее преломлению, те же поляки могли бы сказать о поэте его собственными словами, обращенными к «шестидесятникам Варшавы»: «Вы наводили переправы, чтоб песня не оборвалась».

Обращенные к Польше стихи Окуджавы, ставшие песнями тогда же, во второй половине 60-х, давали бесспорное свидетельство разделенной любви. Песня не оборвалась...

За Польшей по праву сохранялось и традиционно сохраняется место духовного «транслятора» между Востоком и Западом, роль какой-то особо чувствительной мембраны, и доныне улавливающей флюиды и веяния (не всем еще внятные), излучаемые по славянскому соседству, которые она ретранслирует дальше, в Европу. Тому можно было бы привести множество примеров, но достаточно и одного. Мировая слава Окуджавы — отклик на всероссийскую известность — началась с первого приезда поэта в Польшу в 1964 году. Париж был следующим.

Теперь же позволим себе вираж во времени и пространстве — в родные пенаты через треть века, в совершенно другую эпоху. Как писал в начале столетия Маяковский, «улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать». Точно в конец века смотрел.

Новое время — новые песни. И новые звезды, имя которым — попса. Безымянная и безликая, как слипшийся ландрин. С ее современными вариациями «старых песен о главном», с их развязно-площадной манерой исполнения, нивелирующей и мелодику, и тексты первоисточников.

Как ни парадоксально, но применительно к эстраде и к нашему сегодняшнему дню правоту Маяковского вправе оспорить тридцатилетний вокалист из Санкт-Петербурга Олег Погудин, давший недавно первые свои гастрольные

концерты в Польше. За ним по праву остается приоритет возвращения безъязыкой эстраде слова, гармонии мелодики и поэтического текста. В данном случае — мелодий и текстов Булата Окуджавы. И это выбор его, молодого исполнителя, и ничей другой.

С российским шоу-бизнесом Олегу Погудину нечего ни делать, ни делить. По счастью, они порожденья разных полюсов. Также и в том, что касается трактовок национального вокального наследия на эстраде.

Вчерашний советский школяр, выросший на ленинградском асфальте, ныне по праву стал петербургской звездой, подтвердив высокую репутацию вокального искусства своего города. Выученик музыкальной школы, бывший солист детского хора Ленинградского радио и телевидения под руководством Юрия Славнитского, выпускник Санкт-Петербургской академии театральных искусств, в прошлом актер Большого драматического театра имени Горького, Олег Погудин оказался для ценителей певца «пробным камнем сердец», для большинства же слушателей-соотечественников, которые Томаса Манна могут и не знать, он остается сегодня Серебряным голосом России — таков титул, которым его наградили благодарная публика и пресса. Подобное единодушие обеих не часто в России встретишь. Более того, Русская Православная Церковь удостоила его наградами «Ангельский глас России» и «Ангел трубящий». А миряне в юбилейный пушкинский год наградили певца Царскосельской художественной премией — «за постижение души русского романса». И ныне в скромной питерской квартирке молодого исполнителя бережно хранится эта премия — статуэтка Анны Ахматовой.

Восторженно приняла певца и польская публика. В исполненных им песнях Булата Окуджавы принципиально отсутствовали какие-либо трактовочные новшества. Он вписался в ряд исполнителей песенного наследия поэта отнюдь не его модернизацией, а точным следованием музыкальному ладу и поэтической гармонии первоисточника. На польских концертах Олег Погудин как бы возвращал песням Окуджавы их первоначальный смысл, в стороне от вся-

кой риторики, помпезности и эстрадной машинерии, как они и были задуманы и созданы самим автором. Причем здесь сказались не только блистательные вокальные данные исполнителя, но и его фонетическая точность и внятность в исполнении, по нынешним временам достаточно редкие на эстрадных подмостках. Нельзя не сказать и о собственном погудинском аккомпанементе на гитаре, легко-й гармонично вписывавшемся в гитарное сопровождение его постоянного, совершенно блистательного аккомпаниатора Михаила Радюкевича, с которым Погудин работает уже добрый десяток лет.

Польские гастроли молодых музыкантов выявили один существенный момент, обычно ускользающий из поля зрения штатных обозревателей. Стоило бы вообще повести разговор о своевременности и актуальности этих гастролей.

Недаром наряду с организаторами гастролей — российско-польским фондом «Культура и искусство вне границ» и Национальной фильмотекой, предоставившей для этого зал своего кинотеатра «Иллюзион», — к выступлениям Олега Погудина и Михаила Радюкевича весьма оперативно подключились и посольство Российской Федерации в Варшаве, и другие российские организации в Польше. Сверх программы они организовали выступление певца и его аккомпаниатора в варшавском лицее, специализирующемся на изучении русского языка и литературы.

Гастроли с очевидностью обнаружили проявляющуюся у нас на глазах тенденцию. Время размежевания и отмежевания — в данном случае России и Польши как ближайших славянских соседей — скоро минует, ибо исторически нас куда больше связывает, чем препятствует сближению. И традициям культуры, в частности поэтического слова и музыкального его претворения, принадлежит здесь роль, возможно, первостепенная. Недаром и по ту, и по эту сторону границ это слово оказывается услышанным и благодарно воспринятым.

Что же до успешно проведенных гастролей, то вышеназванные польские и российские организации невольно преподали урок многим российским политикам, пекущимся о единении, но от единения куда как далеким.

Если идею российского единства с ближнеевропейским пространством (которое по легкомыслию или по беспечности совсем недавно было как бы напрочь отсечено) не декларировать привычно с трибун и кафедр, а реально осуществлять, то и так называемая народная дипломатия может весьма сгодиться, и феномен Олега Погудина с его вокальным искусством окажется очень и очень своевременным.

Своевременным и актуальным по той причине, помнить о которой мы так и не научились. Именно о ней говорится в конце стихотворения Булата Окуджавы «Мнение пана Ольбрыхского»:

Когда огонь вражды безжалостней и круче, и нож дрожит в руке, и в прорезь смотрит глаз, при чем же здесь язык, великий и могучий, вместилище любви и до, и после нас?

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Сборник рассказов Михала Гловинского «Черные сезоны» (1999) стал важным литературным событием. После долгого молчания видный литературовед (1934 г.р.) решился описать свой опыт детства времен оккупации и Катастрофы. В апрельском номере вроцлавского журнала «Одра» (2001, №4) можно прочитать обширное интервью «Память и характеры», которое взял у него Станислав Бересь. Гловинский говорит о том страхе, который много лет тормозил возможность рассказать о том опыте:

«Это были разного рода страхи. Прежде всего страх перед собственным прошлым, укорененный годами и возросший из тех времен, когда говорить об этом было невозможно и опасно. Этот страх был так силен, что я вообще избегал говорить на эти темы; думаю, впрочем, что таких, как я, было немало. Идея описать то, что я пережил, долго оставалась в области проектов или даже грез — во всяком случае я думал об этом с ранней молодости. Даже когда я в конце концов в 1993 г. начал писать эту книгу, у меня не было намерения издавать ее — я планировал, что она выйдет лишь посмертно. Думаю, что господствующим был тот страх родом из детства, от которого не избавиться, который до конца дней тяготеет над человеком. Потому-то и работа над книгой состояла в преодолении не только чисто литературных трудностей, но прежде всего внутреннего сопротивления, — в том, чтобы принять этот вызов. (...)

Это рассказ не столько о детстве, сколько об эпизодах из моей биографии. Естественно, что говорить о своей жизни, о событиях детства, в особенности о тех случаях, что глубоко определяли личность и психику, связано с различными опасностями. Вполне реальна опасность переступить порог эксгибиционизма, а этого никто не любит. Кроме того, немалую роль играл страх обнародовать свое происхождение, события моих лет оккупации, то, как я воспринимал мир.

Страх парализовал меня десятилетиями, я не был способен разговаривать о своем опыте, поэтому и до сих пор удивлен, что взялся и написал эту книгу. А с другой стороны, я этим горжусь, ибо написать ее было нелегко. (...) Тормоза существовали во мне — и в том, что они существовали, мне некого винить. Нет сомнения, что на их существование в течение десятилетий влияло то, что мне случалось там и сям слышать о евреях, хотя я сам со времен школы, о чем рассказал в «Черных сезонах», больше не подвергался антисемитским нападкам. Но, когда я сравнительно недавно, в середине 80-х, услышал от случайного знакомого (еще не старого юриста), что Гитлер — конечно, мерзавец, но перед поляками у него есть одна заслуга: он решил еврейский вопрос, — меня охватил ужас. (...)

Когда много лет назад я упомянул о своем оккупационном опыте, один приятель сделал ироническое замечание — вероятно, без злого умысла (он привык с язвительной иронией относиться ко всему), — но меня это заморозило, и этого хватило, чтобы я обо всех этих делах молчал годами. Действительно, что-то должно было перемениться и во мне, и вокруг меня, чтобы я решился опубликовать книгу, основанную на воспоминаниях. (...)

Память — главное в этой книге. (...) Я, пожалуй, всегда отдавал себе отчет в том, что могу написать лишь нечто фрагментарное, поэтому книга состоит из двадцати более или менее обрывочных фрагментов. (...) Этот рассказ должен был опираться на мой собственный опыт и опыт моих близких, на мою собственную память и мои воспоминания — так оно и произошло. Может быть, это прозвучит эгоцентрически, но я не сумел бы описать чужой опыт. (...)

Заглавие книги — компиляция аллюзий на польскую (и не только на польскую) литературу. Слово «черный» в нашей литературе появляется часто — например, «Черные цветы» [Норвида], «Черный поток» [Бучковского]. Слово «сезон» тоже обладает литературными коннотациями — хоть бы «Сезон в аду» Рембо или «Мертвый сезон» Шульца. (...)

Самым тяжелым, о чем я, кстати, пишу в этой книге, было постоянное ощущение жизни взаперти. Это определило меня навсегда — этот подвал, о котором я рассказал в «Черных сезонах», живет во мне всю жизнь».

Характеризуя другую свою книгу, сборник литературных портретов «Привидения и фигуры», Гловинский говорит:

«Работая над этими мелочами, я держал в памяти различные образцы. Я обращался — в основном сознательно, иногда все-таки менее сознательно — к великой традиции, несомненно к малым формам французских классиков. (...) Я обращался, кстати, и к литературе XX века, зная, что в особенности я должник двух великих писателей: Франца Кафки и Виславы Шимборской. Но не все в этой книге так страшно серьезно, в ней можно найти и литературные игры, прежде всего пародии (...). Один мой друг вроде бы где-то сказал, что на старости лет я занялся писанием псевдолитературных шуточек, но в этомто я от него и отличаюсь: он этим занимался смолоду! Существуют, разумеется, отпугивающие примеры, ибо, когда историк литературы берется писать литературные тексты, всегда можно опасаться, что он окажется смешным и манерным. (...) Мне трудно сказать, что такое эта книга, ибо она говорит об очень разных вещах, хотя, конечно, некоторые мотивы, например, проблема смерти и ухода, возвращаются. Этот вопрос вообще должен быть поставлен не автору, а читателю, ибо такого типа книги всегда создаются вместе с читателями, которые могут толковать их как хотят — разумеется, в ограниченной степени: полной свободы у них нет».

Эта беседа, содержанием которой стало функционирование памяти в литературе и в которой говорится о проблемах, связанных с восприятием прошлого в контексте современного опыта, одновременно выявляет определенный писательский подход, который Гловинский наиболее полно сформулировал в следующих словах:

«Меня не интересует морализаторский подход, так как я вообще не чувствую себя призванным или уполномоченным читать мораль, а при этом считаю, что такой подход, с любой точки зрения, неплодотворен, интеллектуально неинтересен. Я не хочу никого ни поучать, ни оскорблять. Меня интересуют исключительно описания позиций, поведения, определенных внушений или ложного сознания».

Такое отчужденное отношение к литературе сегодня как будто господствует, и можно рискнуть сказать, что мы вообще имеем дело с осуждением морализаторской функции словесности. Это вовсе не означает, что писатель, отвергающий морализаторский подход — подход того, кто «знает как надо» и наделяет себя правом осуждать других, — может отказаться от подхода моралиста. С этой точки зрения вышеназванные «описания позиций, поведения, определенных внушений или ложного сознания» выглядят весьма действенными. В этом контексте приведенные высказывания Гловинского кажутся необычайно интересным голосом в дискуссии на тему преобразований современного искусства.

Не читает мораль и живущий с 1967 г. в США Генрик Гринберг (1936 г.р.), один из тех писателей, которые с самого начала сделали личное свидетельство о Катастрофе одной из основных тем своего творчества. В последнем романе «Меморбух», основанном на подлинной биографии, Гринберг ставит вопрос о гонениях на евреев как в ходе истории, так и в наше время. Гринберг последовательно называет Катастрофу европейского еврейства ошибочно привившимся в США и многих других странах словом «Холокост» (греч. «всесожжение») — так у него и в эссе «Императив сопротивления и выживания» («Res Publica нова», 2001, №5):

«Чтобы пережить Холокост, самую экстремальную ситуацию, в какой оказалось человечество со времен библейского потопа, требовалась прежде всего необычайная психическая выдержка. Ее черпали из разных источников. Моя мать рассказывала, что в самые трудные минуты ее поддерживал материнский инстинкт, требовавший спасать меня. Четырнадцатилетнюю рассказчицу одного из моих невыдуманных рассказов побуждала выживать мысль о том, что ее ждет отец, который будет в ней нуждаться, так как никто больше из семьи не уцелел, и что она должна ему все рассказать: «Это была моя месть и сила». Двойра Зеленая, невыдуманная рассказчица одного из «Медальонов» Зофьи Налковской, тоже желала выжить, чтобы рассказать миру («Пусть весь мир знает, что они творили!), т.е. под влиянием сознательного нравственного повеления. Трудно понять, почему «Медальоны», которые куда ближе к самой сути массового уничтожения евреев, чем знаменитый «Дневник» Анны Франк, до сих пор не изданы по-английски. В условиях Холокоста, когда нормы цивилизации рухнули, сопротивлением и прямым героизмом становилось сохранение и охрана достоинства человека. Часто они были совершенно безнадежны, вопреки всему и до упора, попросту из нравственного повеления, — так, как

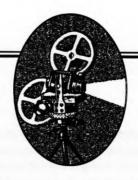
это сделал Януш Корчак в варшавском гетто и на пути с сиротами в Треблинку. Аналогичный императив руководил людьми, которые спасали евреев, зная, что подвергают опасности свою жизнь и жизнь своей семьи. (...) Бронислава Зиндлер в показаниях об Агнешке Врубель, которая ее спасла, сказала, что значение ее поступка «не только в том, что она спасала людей от смерти, — в загнанном как зверь человеке, в еврейском смертнике она поддерживала искру надежды на то, что еще не все доброе уничтожено, что есть еще горстка людей, достойных этого имени». Не нужно лучшего комментария к старому афоризму из Талмуда: «Кто спасает одну жизнь, тот спасет весь мир», — который лишь теперь, после гибели большинства талмудистов, стал общеизвестен. (...) Нравственным возмущением объяснял свое поведение профессор Ян Жабинский, который спасал беглецов из варшавского гетто: «Злость брала, что немцы делают все, чтобы на глазах всего мира заморить голодом и приговорить к смерти полмиллиона человек, единственным «преступлением» которых была национальная (читай: расовая. — Г.Г.) принадлежность»..

Текст Гринберга — комментарий к работе Татьяны Беренстейн и Адама Рутковского «О спасании евреев поляками в период гитлеровской оккупации». Говоря об этой работе, автор пишет:

«Беренстейн и Рутковский увидели в спасании евреев «внутренний императив оказания помощи слабому и гонимому», у истинно верующих христиан совпадавший с религиозным долгом и готовностью к самопожертвованию. Бывало, что этот долг возлагали на себя коллективно, чтобы уберечься от доносов и шантажа — как пишут Рутковский и Беренстейн, «величайшего и страшнейшего бича тех времен». Например, в деревне Осины под Соболевом «крестьяне договорились, что каждый по очереди будет прятать у себя девочку Эстеру Беренстайн, так что все будут виновны и один другого не выдаст». Было очень трудно защищать человечность от врага, который располагал террором современного полицейского государства с могучим аппаратом психологического нажима (пропаганды) и с санкционированным институтом доносов. Геноцид, называемый Холокостом, в значительной мере опирался на подавление и уничтожение человеческих порывов. Поэтому потери, понесенные человечеством в этом его поражении, были куда больше числа убитых. И поэтому такой великой была каждая из немногочисленных вышеназванных побед».

Эти два высказывания — Гловинского и Гринберга — я выбрал среди множества текстов, посвященных Катастрофе, которые в последнее время появились в польской печати, свидетельствуя о том, что этот опыт по-прежнему остается живым как в отношении попыток понять историю и современность, так и в пространстве литературы. Было бы, вероятно, интересно рассмотреть различие в подходе обоих писателей — Гринберга, который еще в момент дебюта, в 50-е годы, поднял эту тему в своем творчестве, и Гловинского, который десятилетиями дожидался возможности заговорить. У обоих писателей Катастрофа несомненно составляет самый драматический в их жизни экзистенциальный опыт, тем более что он выпал на пору детства.

Оба автора, как можно проследить по разным их высказываниям, сознают формальные трудности, сопутствующие их творческому процессу.. Гловинский, найдя своеобразный контрапункт к рассказам о Катастрофе в виде цикла портретов и литературных «характеров», старается тем самым победить парализующее давление опыта своего детства. Однако функционирование памяти в литературе — об этом, возможно, стоит здесь упомянуть, так как это имеет основополагающее значение для писательской картины Катастрофы, — носит здесь парадоксальный характер: эта литература лишь на вид погружена в прошлое, ибо по сути своей она обращена к будущему, одновременно бросая будущему вызов и посылая ему весть.

Янина Куманецкая

«КАНУН ВЕСНЫ» СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

«Канун весны». Сцена из фильма

Роман «Канун весны» Стефана Жеромского был одной из важнейших книг для поколения наших дедов и бабок. Он был написан в 1924 г. и представлял собой полную горечи попытку подвести итог первых лет польской независимости, восстановленной в 1918 году. Роман был отчаянным призывом к очередному «переустройству Речи Посполитой», которая спустя всего лишь несколько лет после возрождения, казалось, уже бесповоротно прощалась с мечтами о «стеклянных городах» и будущем счастье на родной земле, которыми жили предыдущие поколения. Изза этого некоторые читатели сочли Жеромского нигилистом, посягнувшим на национальные святыни. Однако большинство восприняло роман как призыв к совести каждого гражданина, как голос в дискуссии на тему нравственного облика политики и политиков. Именно эти читатели и создали легенду «Кануна весны», сохранившуюся до наших дней.

Неудивительно, что после заявления режиссера Филипа Байона о намерении снять фильм по мотивам романа Жеромского, его начинание встретило неослабевающий интерес. На съемочной площадке появлялись общественные деятели и люди искусства, в прессе постоянно публиковались репортажи об очередных этапах работы над картиной. Наконец состоялась премьера — и сразу возникла проблема.

Дело в том, что никто (вернее, почти никто) не рассматривает «Канун весны» Филипа Байона как самостоятельное произведение искусства. К прежней легенде добавилось недоброжелательное отношение властей коммунистической Польши, которые не могли поощрять издание и чтение книги, показывающей жестокость русской революции и восхваляющей польскую молодежь, бросавшуюся в битву с большевиками в 1920 году. Этого было достаточно, чтобы общественное мнение начало считать, что Байон должен не просто снять фильм, а выполнить

историческую миссию. А миссию выполнить не так-то просто.

Прежде всего то, что когда-то могло казаться возвышенными призывами, после всего опыта последовавших лет звучит как пустые лозунги. Подобная судьба постигла и призывы к социальной справедливости, и восхищение смелостью революционных преобразований — даже при осуждении жестокостей революции. И не потому, что сегодня за эти идеалы уже не нужно бороться, а просто потому, что, как оказалось, предлагавшиеся в то время пути к их достижению со всей очевидностью ведут в никуда. Вернее, в пропасть — и к гибели. А все доводы, перенесенные из межвоенного двадцатилетия в XXI век, звучат фальшиво и напыщенно. За душу героя книги Цезария Барыки борются два действующих лица: симпатизирующий коммунистическим идеям Люлек и государственный деятель-идеалист, давний возлюбленный матери героя Шимон Гайовец. Однако аргументы обоих сегодня никого не убеждают и не находят себе адресатов в нашей действительности. На пресс-конференции, состоявшейся после премьеры фильма, режиссер говорил, что труднее всего ему давались попытки сделать достоверным звучание текста, когда тот принадлежал самому Жеромскому. С языком автора просто не справлялись актеры. С подобными трудностями он сталкивался, впрочем, и тогда, когда стремился к тому, чтобы зрители поверили в идеи, содержащиеся в романе.

Поэтому он принял единственно возможное для себя решение: снял фильм для тех, кто не обязан знать, чем был когда-то ро-

ман «Канун весны», фильм, который просто рассказывает о молодом человеке, прошедшем в юности через жестокие испытания и пытающемся найти себе какое-то место в жизни. Дается ему это с трудом, а режиссер не может предложить ему никакой логичной перспективы и потому в конце, вопреки Жеромскому, заставляет его погибнуть от шальной пули, когда тот одиноко покидает рабочую демонстрацию перед Бельведерским дворцом.

Быть может — уже абстрагируясь от фильма Байона, — стоит задуматься над тем, кем мог бы стать Цезарий Барыка, если бы пережил эту демонстрацию перед Бельведером? Для одних логическим завершением его жизни была бы смерть от пуль НКВД в лесу под Катынью. По мнению других, он обладал задатками, чтобы самому стать сотрудником послевоенных органов безопасности, считающим, что таким образом он участвует в строительстве новой Польши. Есть и такие, кто видит в нем позднейшего деятеля КОР и демократической оппозиции в ПНР. Разумеется, всё это чисто академические развлечения, но ведь такая игра имеет и более глубокий смысл. Она показывает, насколько серьезен был интеллектуальный и — не будем бояться этого слова — идейный заряд книги Жеромского. Именно в этом, надо полагать, и заключается ее самая большая ценность, которой одним непродуманным выстрелом ее лишил Филип Байон. А может, как раз продуманным? Быть может, он просто боялся не справиться со всеми подспудными выводами, которые несет в себе «Канун весны»?

Кшиштоф Карасек

Перевод Андрея Базилевского

ВАРШАВЯНКА

Как только милиционер выпростался из меховой рукавицы улиц и поднял жестяную руку телефонной трубки,

город, притулившийся к тёплому рукаву весны, дрогнул.

Кривая ветка планеты согнулась, словно под внезапным порывом марта,

а жирная муха, сидевшая на стекле проезжающего трамвая, вползла на золотой зуб, вмонтированный в лицо плаката — рекламы последнего фильма с Гарри Купером.

И тогда

изъян, скрытый в трещинах стен, дрогнул, а животы кирпичей и протёртые глаза окон двинулись навстречу наплывающей желтизне, и хлынула толпа в красных одеждах, превосходящих литургические одеянья.

Он выглядел, как епископ в торжественной ризе, ладонью благословляющий пропасть.

Поседели сплетённые пряди дыма, тянувшиеся по искалеченному ущелью Краковского Предместья. Человек,

взглянувший с высоты своих глаз, мог удивиться случайной суете предметов.

Здание Политехнического института, ощетинившееся, как танк, глазами безмолвных контрфорсов, стреляло горящими словами в перспективу залитой светом площади. Стоявшая над зданием Афина несла на шее огромный транспарант с десятью заповедями свободы, и транспарант, атакованный юркими ручками ветра, то и дело терял и вновь обретал какой-то из пунктов.

Если бы у него была хоть капля силы воли, он, быть может, произнёс бы те слова, которые, как нитроглицерин, носил под языком и которые оправдывали его перед безмолвной толпой:

ПОД ДОМ МОЙ ПОДЛОЖИЛИ ПУСТЫЕ БОЧКИ С КРИКОМ.

Но он не знал правил весенней игры и просто вытащил паспорт и протянул требовательному милиционеру.

Одновременно глядя, как из-за выступающего бруствера улицы надвигается зелёная толпа демонстрантов.

Некоторых он узнавал.

Впереди шёл сын Цезария Барыки — он нёс на вытянутых руках красное знамя лица.

Чёрный голубь голоса, что сидел на потрескавшейся колонне Зигмунта, пролетел над разверстой площадью с вестью о том, что рукопись Великой Импровизации пропала из городского архива. Голодная толпа прокатилась по городу, опустошила склады и ворвалась в Арсенал.

— Утрачен оригинал Конституции, нашедшего убедительно просят вернуть.

Ветераны 1863 и 1905 года, и ещё глубже — года 1794, потомки Якуба Ясинского и Эдварда Дембовского открывали шторы на окнах и, вырывая калитки из кирпичной кладки, щели из ртов, а глаза из стен, выбегали на улицу, как если б город, который они знали в те весенние дни по сообщениям радио и пресс-бюллетеням, вдруг оказался населён собственным прошлым.

В трещинах были видны обнажённые рёбра домов, кое-где поблёскивали синие огоньки песни.

Перевёрнутый конь грузовика щерил в небо пару резиновых копыт.

Семидесятилетний Цезарий Барыка, сидя за столом президиума, руководил акцией. Залысины на висках и толстое брюхо мешали студенту, вызванному на допрос, опознать этот персонаж из обязательной школьной программы.

Но для тех, кто сидел в кафе напротив памятника Мицкевичу, мир съёжился до размеров кулака. Они не обращали внимания на ликующую толпу и не видели, как голубь-капля уронил свою пресветлую слезу в самое сердце антенн.

Лица их были серыми, и если хорошенько вглядеться со стороны улицы, они сливались с тёмным фоном висевшей на стене картины, на которой был уличный музыкант, игравший на заимствованной из местного музея скрипке мелодию "Варшавянки".

1969

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Присуждаемое «Газетой выборчей» звание «Человека года» за 2001 год получил российский правозащитник Сергей Ковалев. «В лице Сергея Адамовича, — говорил на церемонии вручения премии главный редактор «Газеты» Адам Михник, — я приветствую свободную, демократическую Россию. Россию, которую мы в Польше любим и желаем ей счастья. Россию, которая для всего мира бывала, была и, как мы верим, будет примером смелости, порядочности и достоинства».. Церемония была связана с 12-й годовщиной создания «Газеты». По этому случаю в Варшаве была организована конференция «Дискуссия о наследии 1968 года». Председательствовал Бронислав Геремек, а среди выступавших были, в частности, Даниэль Кон-Бендит и Ален Мадлен из Франции, испанский социолог и политолог Виктор Перес-Диас и поляк Александр Смоляр. В дискуссии столкнулись различные мнения о том, кто был прав весной 1968 года — французские или польские студенты, вышедшие на улицы. В связи с этим стоит напомнить, что два года тому назад «Человеком года» был признан Вацлав Гавел.
- Из печати вышел первый польский школьный учебник, посвященный истории и геноциду еврейского народа и написанный Робертом Шухтой и Петром Троянским. Петр Шухта рассказывает, как возникло это начинание: «Это было реакцией на отсутствие в школьной программе истории проблематики, связанной с национальными меньшинствами. Так, как будто в Польше никогда не было евреев, украинцев или немцев... Ученики варшавских школ понятия не имели, что до войны в их родном городе евреи составляли треть жителей. Они также не знали, но и, что еще хуже, похоже, не интересовались ответом на главный вопрос: что случилось с еврейским населением Варшавы, куда эти люди исчезли....»
- В столетнюю годовщину со дня рождения писателя Юлиана Стрыйковского («Аустерия»,

- «Голоса в темноте», «Большой страх») польский ПЕН-клуб организовал вечер, посвященный его памяти. «Вероятно, лучше всех в нашей литературе он описал еврейский быт и культуру, говорил на встрече Адам Поморский. И сегодня стоит перечитать его книги».
- «Ножик профессора» так называется последняя вышедшая книга Тадеуша Ружевича. Ее публикация совпала с 80-летием поэта и присвоением ему степени доктора honoris causa Варшавского университета. «Ножик профессора», как это нередко бывает у Ружевича, — это одна большая поэма, окруженная меньшими произведениями и говорящая прежде всего о бренности бытия и странном устройстве памяти, в которой незначительная деталь иногда лучше передает трагическую перспективу истории, чем воспоминание о выдающихся событиях.
- Несмотря на непрекращающиеся дискуссии о целесообразности проведения книжных ярмарок, ярмарки живут своей жизнью. Основной темой состоявшейся в Варшаве 46-й Международной книжной ярмарки было функционирование издательств в эпоху новых электронных СМИ.. В ярмарке приняло участие несколько десятков писателей из Польши и зарубежных стран. Среди иностранных писателей у посетителей выставки самой большой популярностью пользовались американская писательница, автор романовбестселлеров Джеки Коллинз и автор приключенческих романов, разыгрывающихся в исторических декорациях, Дэвид Морелл (в Варшаве была представлена его последняя книга «Кровные счеты»). Организаторы ярмарки справедливо гордились тем, что в ней согласился участвовать выдающийся мексиканский прозаик и эссеист Карлос Фуэнтес. На ярмарке побывали почти все крупнейшие польские писатели, а издательства подготовили множество новинок, о которых мы еще будем писать в этой и других рубриках.

- Многие издательства приняли участие в прошедшей в Варшаве апрельской Ярмарке католических издателей, где свои книги подписывали, в частности, Зигмунт Кубяк («Мифология греков и римлян») и Эрнест Брыль («Рисовано на стекле»). Особенно порадовали участников выступления артистов из знаменитого краковского кабаре «Погребок под Баранами».
- Опубликован дневник писательницы Юлии Хартвиг за 1986-1992 гг. «У нас было ощущение угрозы пишет автор и отсюда возникала потребность в защите моральных ценностей. Теперь никто не требует от писателей подобных усилий. Все идет нормально, а «нормально» нередко значит «никак»».
- В Калише состоялся Фестиваль актерского искусства. Жюри под председательством Изабелы Цивинской присудило «Гран-при» Халине Скочинской за роль Раневской в «Вишневом саде» Чехова, спектакле Польского театра из Вроцлава. Этот спектакль в постановке Павла Миськевича был также тепло встречен критикой и зрителями.
- В ходе состоявшегося в Лодзи Международного фестиваля солистов-кукловодов артисты со всего мира продемонстрировали, что кукольный театр не сводится к классическим кукольным представлениям для детей. На этот раз были представлены темы, которые волнуют скорее взрослых. Что же касается необычной формы, то и сам театр начинался с маски. Некоторые считают, что весь мир состоит из марионеток, — мнения разделяются лишь насчет того, кто тянет за шнурки. Одно удовольствие поглядеть, когда этим занимается настоящий мастер своего дела.
- Мюзикал «Метро» и его создатель Януш Юзефович получили российские театральные премии «Золотая маска».
- На сцене театра «Комеди франсез» в Париже готовится премьера пьесы Витольда Гомбровича «Венчание», В главной роли Хенрика выступит Анджей Северин, звезда польской и французской сцены, спектакль ставит Жак Рознер. Премьеру пришлось перенести на несколько недель в связи с «производственной травмой», которую Анджей Северин получил на одной из по-

следних репетиций. Тем временем в Париже проводится цикл культурных мероприятий, посвященных творчеству Витольда Гомбровича.

- «Вершалин» так называется один из самых интересных экспериментальных театров в Польше, в течение многих лет действующий в Белостоке. Вершалин — это местечко, где в 20-е годы развивал свою деятельность некий Илья (Элия) Климович, считавший себя пророком. Вокруг него возникла крупная группа адептов. Пророк возвещал, что Церковь не нужна, что Священное Писание написано для всех и каждого, и начал возводить в своей родной деревне новую столицу мира - которую и назвал Вершалином. До наших дней от пророка и его секты дошло немногое. То, что сохранилось, показал действующий в Сейнах центр «Пограничье» на выставке «Столицы мира пророка Ильи». Выставка вводит нас в мир сектантов, показывает жизнь секты в ее возвышенных аспектах и повседневном быту.
- В Дрогобыче, в так называемой «вилле Ландау», на стенах бывшей детской спальни были обнаружены фрески Бруно Шульца. Об этом рассказывает немецкий кинодокументалист Беньямин Гесслер, который запечатлел на пленке историю их открытия: «Дом, в котором находится эта настенная живопись, был построен в начале XX века польским архитектором. До II Мировой войны в нем размещалась польская префектура полиции, а во время оккупации жил Феликс Ландау, комендант гестапо в Дрогобыче. После войны в нем поселились обычные жильцыукраинцы... Фрески [Шульца] были созданы вынужденно, под давлением обстоятельств: он написал их, чтобы спасти свою собственную жизнь и жизнь своих близких. Потому-то эта живопись ощущается сегодня как трагический жест, исполненный символического значения. Мне представляется, что этот дом (...) должен стать центром международных встреч и международного сотрудничества. Речь идет не только об искусстве, но и том, чтобы запечатлеть историю и открыть себя будущему». Между тем, фрески были вырублены и вывезены в Израиль, что вызвало скандал, широко описываемый СМИ.
- В Центре современного искусства в варшавском Уяздовском дворце были экспонированы пе-

ренесенные сюда из краковской галереи «Штармах» неизвестные барельефы Хенрика Стажевского, считающегося в Польше «апостолом авангардизма», — самого выдающегося и последовательного представителя геометрического абстракционизма в польском искусстве.

- В этом году исполняется 200 лет парку в Аркадии близ Неборова. Здесь некогда княгиня Радзивилл собрала коллекцию образцов античного искусства и копий старинных произведений. Многие из этих экспонатов, впоследствии разрозненных, представлены на выставке «Et in Arcadia ego...» [«И я был в Аркадии...»], открывшейся в Аркадии и Неборове.
- В варшавском Доме художника открылась выставка работ Францишека Маслющака «Двойственность». Герои ярко расцвеченных картин художника наивные, потерянные люди, которые, взявшись за руки, странствуют по миру. Автор показывает их в ностальгическом окружении сказочных деревушек и городов.
- «Вкусы общества» так была озаглавлена представленная в Варшаве выставка произведений постоянно живущих в США русских художников Виталия Комара и Александра Меламида. На ней экспонировалось около двух десятков картин, показывающих то, что больше всего и меньше всего нравится зрителям в разных странах. Картины были созданы на основе результатов массовых опросов, проведенных в каждой из этих стран. Оказалось, что у поляков излюбленная живописная тема — пейзаж с горами и озером, на фоне которых изображены олень и серна, выдержанный в зеленоватых и голубоватых тонах. Впрочем, мы тут не представляем исключения — так выглядит большинство «идеальных пейзажей», меняются лишь детали. Быть может, просто люди во всем мире одинаково представляют себе рай... Самую сильную неприязнь вызывают при этом различные абстрактные композишии.
- В Польшу прибыла временная экспозиция польской живописи из коллекции постоянно проживающего в США Тома Поделя. Коллекция включает в себя множество замечательных работ выдающихся польских художников (Петра Михалов-

ского, Яцека Мальчевского, Леопольда Готлиба и многих других) и будет показана в Кракове, Вроцлаве, Легнице и Сопоте. В других американских коллекциях также немало ценных произведений польского искусства, а самая большая коллекция скульптур Станислава Шукальского принадлежит, по некоторым сведениям, Леонардо ди Каприо.

- В IV Международном вокальном конкурсе им. Станислава Монюшко (оперы «Халька», «Страшный двор») приняли участие певцы из 23 стран.
- Почетным гостем фестиваля прибалтийских стран «Probaltica-2001» была в этом году Литва. Концерты фестиваля состоялись в Грудзёндзе, Гданьске, Торуни и Варшаве, а музыкальные мероприятия сопровождались художественными выставками и выступлениями Театра моды из России под руководством Светланы Гнатуш. На фестивале выступили также артисты из Дании, Эстонии, Германии, Польши и Швеции.
- В репертуаре варшавского Большого театра оперы и балета появилась опера «Невежда и безумец», которую написал по заказу театра молодой композитор Павел Микетин. Канвой для либретто послужила идея Томаса Бернгарда из его одноименной пьесы, действие которой происходит в ходе премьеры моцартовской «Волшебной флейты». Поставил оперу Кшиштоф Варликовский, художник-постановщик Малгожата Щесняк.
- В Варшаве был торжественно представлен альбом из пяти дисков (100 песен) Войцеха Млынарского самого известного автора поэтических текстов, положенных на музыку, наряду с Агнешкой Осецкой и Еремием Пшиборой.
- Национальная палата продюсеров аудиовизуальной продукции и Независимый кинофонд присудили свои ежегодные кинопремии, известные под названием «Орлы». Триумф праздновал Кшиштоф Занусси, фильм которого «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем», получил премии за сценарий (К.Занусси), музыку (В.Киляр), а также за монтаж и продюсерскую работу. «Орла» за лучшую мужскую роль получил сыгравший в этом

фильме Збигнев Запасевич, за лучшую женскую роль — Доминика Осталовская (за роль в фильме «Вдали от окна» Я.Ю.Кольского). За операторское мастерство премию получил Витольд Соботинский, а специальный «Орел» за совокупность творческих достижений достался Станиславу Ружевичу («Свидетельство о рождении», «Вестерплатте»).

- Фильм «Мужское дело» студента Лодзинской киношколы Славомира Фабицкого получил номинацию на соискание американской премии, присуждаемой учащимся киношкол, «студенческого Оскара».
- Молодые энтузиасты, студенты богословского факультета Опольского университета, организовали кинофестиваль и научный симпозиум на тему «Потаенная религиозность кино». Просмотровые залы были до краев заполнены во время показа таких классических кинофильмов, как «Седьмая печать» Бергмана, «Дорога» Феллини или «Виридиана» Бунюэля.
- Очередная «Ночь пожирателей рекламы» принесла зрителем массу интересного. Была представлена, в частности, панорама китайской кинорекламы, запрещенные рекламные клипы, созданная в России серия клипов, посвященных рекламе «Виагры», кампании против наркотиков и расизма, а также рекламные фильмы с участием знаменитых актеров. Перед показом зрителям были розданы свистки, чтобы они могли выражать свое отношение к демонстрируемым работам.
- Новый коммерческий канал «ТВ Пульс», созданный на базе католической станции «Непокалянув», имеет право выделить на рекламу 15% всего эфирного времени — такое решение принял Национальный совет по радиовещанию и телевидению. Это означает, что у станции появился шанс пережить самый трудный период на рынке, где уже вовсю действует конкуренция.

- С другой стороны, неудачу при обращении к тому же совету потерпела самая популярная сегодня в Польше краковская коммерческая радиостанция RMF FM, которой совет запретил расширение трансляции ее передач на местные частотные полосы, сочтя это нелояльной конкуренцией по отношению к местным станциям.
- Первая варшавская Неделя многообразия культур, организованная студентами Высшей школы социальной психологии, представила богатство культурного наследия национальных и этнических меньшинств, населяющих Польшу. Были устроены выставки-продажи изделий художественных промыслов, концерты, лекции, а также дегустация экзотических блюд, которые пользовались огромным успехом.
- Последнее паломничество Папы Иоанна Павла II по следам апостола Павла ознаменовалось выдающимся событием. Впервые глава христианской Церкви переступил порог мечети. «Он первым перешагнул порог лютеранской кирхи, — написал публицист «Газеты выборчей» Ян Турнау, затем синагоги, а теперь — мечети. Это может показаться вполне естественным: ведь лютеране верят в того же Христа, что и католики, а иудеи, христиане и мусульмане — в одного и того же Бога, который Сам Себя называл «Богом Авраама». Но если вдуматься, то мы имеем дело с чудом: доктринальная близость в течение столетий приводила к духовной отдаленности, к ненависти, к религиозным войнам и преследованиям. Восхищаясь Папой, мы должны восхищаться и теми, кто открывает ему двери своих храмов: эти люди тоже открывают новую страницу в истории. И они тоже переступают пороги надежды, матери мудрых».

Евгения Домбковская

дни польской культуры в России

С 14 по 20 мая 2001 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Владимире прошли Дни польской культуры в Российской Федерации.

В таком масштабе польская культура не была представлена в России более шестнадцати лет. Это была встреча с российским зрителем в новой политической и экономической обстановке, которая задает ритм жизни в наших странах.

Готовя программу Дней культуры, организаторы стремились как можно шире представить все интересное, что накопилось за прошедший период в Польше, показать культурные события первой величины.

В первом отделении гала-концерта в Государственном Кремлевском дворце зрители увидели современный польский балет «Танго с леди М.» (муз. Л. Можджера и А. Пиаццоллы) в исполнении Польского театра танца из Познани. Во втором отделении прозвучали песни Шопена и Лютославского, которые пела Ядвига Раппе (партия ф-но Мариуш Рутковский), а хор Национальной филармонии под управлением Кшиштофа Пендерецкого исполнил несколько сочинений, в том числе и самого маэстро. Событием стал также авторский концерт Кшиштофа Пендерецкого в Большом зале консерватории.

Из музыкальных событий следует назвать еще концерт в римско-католическом кафедральном соборе, на котором прозвучала «Старопольская музыка» и Третья симфония Генрика Миколая Гурецкого. Любопытно, что исполняла сочинения Гурецкого Государственная академическая симфоническая капелла России (Москва), за пультом был польский дирижер Томаш Бугай, солировала выдающаяся польская певица (сопрано) Зофья Килянович. Как оказалось, музыка Гурецкого до сих пор была мало известна в России и стала настоящим открытием для российского слушателя. Симфоническая капелла ищет российскую солистку и планирует в скором будущем включить произведения польского композитора в свой постоянный репертуар.

Интересным открытием для российских зрителей стала выставка икон Ежи Новосельского. Неожиданно современные решения в православных иконах художника из глубоко католической страны удивили и восхитили посетителей. Выставка открыта в Москве в Государственном музее А.С.Пушкина.

В Музее кино проходит интересная выставка фотографий молодого польского фотохудожника Петра Буйновича, сделанных во время съемок фильма Анджея Вайды по поэме Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». В России этот фильм прошел успешно не только на экранах кино, но и по телевидению.

Кроме вышеперечисленного, прошла ретроспектива художественных фильмов Анджея Вайды и документальных фильмов Марцеля Лозинского.

Программными мероприятиями организаторы порадовали также зрителей Санкт-Петербурга и Владимира. В Петербурге сначала проходил «Варшавский уикенд», который плавно перешел в Дни польской культуры. Там были открыты две художественные выставки. Автор фотовыставки «Их лица все время предо мной» — Голда Тенцер, актриса варшавского Еврейского театра, певица, председатель польско-американско-израильского фонда «Шалом». Интересна история создания выставки: она составлена из фотографий погибших, присланных их уцелевшими родными из разных уголков земного шара. Перед посетителями предстают лица евреев, их трагическая судьба, ибо большинство из них погибло во время войны и Катастрофы.

С польским плакатом российский зритель давно знаком, поэтому выставка «Трудный польский путь к демократии» стала возобновлением и продолжением этого знакомства. Ее автор-составитель — Збигнев Ромашевский, польский сенатор, активный деятель «Солидарности», особенно во времена подполья, в наши дни организатор многих международных правозащитных акций. Экспозиция включа-

ла политические, художественные и театральные плакаты 1945-1990 гг. из собраний варшавского Музея плаката.

В заключение Дней польской культуры в петербургской «Джазовой филармонии» состоялся концерт польской группы под руководством Влодзимежа Нагорного, солировал петербургский джазовый музыкант Давид Голощекин. В Александринском театре группа Рафала Кмиты показала перекликающийся с пьесами Гоголя спектакль «Мы все вышли из его шинели».

Во Владимире дважды был показан балет «Танго с леди М.» в постановке Эвы Вычиховской. Вполне сознательно в Россию был привезен современный балет, ибо с классическим русским балетом ничто не может сравниться.

Министру культуры и национального наследия Республики Польша Казимежу Уяздовскому

Уважаемый господин Министр!

По случаю успешного проведения Дней культуры Республики Польша в Российской Федерации в мае с.г. примите самые искренние слова благодарности за подготовку этой значимой для наших стран культурной акции. Хочу поблагодарить также сотрудников Вашего министерства, принимавших непосредственное участие в разработке программы Дней и за содействие в решении организации вопросов.

Выступления польских артистов, показ многожанровых художественных экспозиций, ретроспективы фильмов великого Анджея Вайды вызвали неподдельный живой интерес как со стороны творческой интеллигенции, так и широкой публики в Москве, Санкт-Петербурге и во Владимире. С новой яркой силой Дни польской культуры в очередной раз подтвердили взаимное неугасающее желание наших народов к духовному общению, к познанию новых устремлений и тенденций в развитии национальных культур.

Дни культуры Республики Польша в нашей стране, без всякого преувеличения, внесли неоценимый весомый вклад в дело активизации и совершенствования российско-польских культурных обменов, призванных, по сути своей, служить дальнейшему укреплению взаимного доверия и добрососедских отношеий между нашими странами.

С наилучшими пожеланиями и с надеждой на скорую встречу с Вами в Варшаве,

Искренне Ваш

М.Е.Швыдкой Министр культуры Российской Федерации

СТИХИ ПАВЛА ХЕРЦА

ПЕСЕННИК ДЛЯ ДОМА

Родной мой песенник. Но я не в хоре. Чуть запою, прислушаюсь — о, горе, Не так, не так! Я ноты знал иные. Их блестки некогда меня пленили.

Родной мой песенник. Родные оды. Чего ж я вас не сочинял в былые годы? Не те, не те слова мне даровались. Их блестками беседы прикрывались.

Родной мой песенник. Не сплю и слышу. Бьет песенка моя, как дождь о крышу. Глубокой ночью. В ноябре. Под шум древесный. Я знаю — но не запою — иные песни.

перевод Натальи Горбаневской

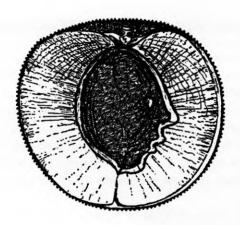
Лешек Шаруга

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ГАРМОНИИ

Павел Херц (1918-2001) — один из главных представителей неоклассицизма в польской литературе и общественной мысли XX века. Он дебютировал на страницах «Бунта млодых», редактором которого был Ежи Гедройц, первые стихи опубликовал в «Вядомостях литерацких», в 1935 г. издал свой первый сборник стихов «Ночная музыка». Ровесник Густава Херлинга-Грудзинского, он во время войны разделил и его судьбу: в 1939 г. оказался под советской оккупацией, а 1940-1941 гг. про-

Из цикла «ОСЕННИЕ И ЗИМНИЕ ПЕСНИ»

Осень всех печальней, А зима — всех старше. Звякает ключами Долгой ночи стража.

Не доверься ночи — Как надзор тюремный За окном топочет, Тяжкий, неизменный.

В темноте, что длится, Вспомню эти лета, Дружеские лица, Горечь сего света.

Холод. Ночь. Часами Ничто не мерцает. Отъезжают сани. Бубенцы бряцают.

перевод Натальи Горбаневской

вел в лагере. После «амнистии» он два года работал в польском посольстве в Куйбышеве [посольстве лондонского польского правительства в изгнании], однако после войны вернулся в Польшу, написал знаменитый сборник рассказов «Седан», зачисляемый критиками в течение литературы, производившее попытку расчета интеллигенции с позициями, которые она занимала в межвоенное двадцатилетие. Несколько лет, будучи редактором еженедельника «Кузница», он сотрудничал с учреждениями коммунистического режима, а затем стал к нему в оппозицию, выраженную им в сборнике стихов «Песни с рынка» (1957).

Крайности экзистенциального опыта — та подлость и те высоты, до которых доходил человек, — отразились у него в чувстве меры, хранящем самую высокую ценность — суверенность личности:

Когда-то. В товарном вагоне с решетками, Что вез меня через пустоши нетронутых снегов, Я без слов повторял старинную набожную песнь: «Кто отдаст себя в опеку Господу своему...»

Когда-то. В сиянии электрических ламп, В столицах, которые один сквознячок сметет, Ибо они как карточные домики, хотя на вид Из металла и мрамора, стекла, бетона, кирпича, От нужды, которую знал, был я независим

(«Два малых философских трактата». Перевод дословный)

Эта суверенность мысли, пожалуй, особенно полно выразилась в стремлении понять других и найти взаимопонимание с ними поверх груза истории. Особенно много внимания Херц уделял переводческому труду: он переводил с немецкого, французского и русского. В эссе «О России», написан-

ном в конце 50-х, он писал: «Существуют (...) феномены целых литератур, представляющих собой нечто большее, чем «литература». Они придают достоинство и более слабым произведениям, возникавшим в их пределах. Так, по-моему, обстоит дело с польской литературой XIX века, второе дно которой история национальной борьбы. Так, по-моему, обстоит дело и с литературой того же столетия в России, второе дно которой — человеческая судьба посреди несчастий и темноты. Русская литература тех лет живет между Ассирией царской бюрократии и Египтом рабства подданных... Все, что мы читаем в книгах Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого, вытекает именно из этого беспримерного положения. Оно и определяет стиль, фактуру, содержание, все формальные и нравственные элементы этой литературы, оно и приводит к тому, что эти книги — нечто большее, нежели литература. Кто хочет хорошо ознакомиться с историей, сформировавшей необычайный феномен русской прозы XIX века, должен прежде всего забросить в угол всех Толстых и Достоевских, Гоголей и Тургеневых. Пусть читает записки декабристов и публицистику Херцена, дневник интеллигентного цензора Никитенко и «Философские письма» Чаадаева, статьи Писарева и утопии Чернышевского, пусть читает все то, что не есть литература, и лишь потом вернется к этим великим писателям — и поймет, что их величие состоит прежде всего в пренебрежении литературой, этой, как говаривали в былые лета, беллетристикой. И тогда всё, включая Аркадию ранних стихотворений Пушкина и Парнас поздних символистов, станет одним большим шифрованным документом, в котором люди людям передают свой наиважнейший опыт и самое горькое знание. Мы не знаем России и никогда не узнаем ее, если не изучим философских и этических источников этой литературы». В поддержку этого совершенного урока чтения он делал переводы — Толстого, Достоевского, Тургенева, а также или, быть может, прежде всего — великой эссеистики Павла Муратова, «Образы Италии» которого он издал в начале 80-х, позднее

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Я не запомнил варварских наречий. Меня летать учила Ника. Прикрыв шинелью плечи, Записываю грустно сны войны и мира. О мать моя О двух крылах, Уснувшая в парижском Лувре. Твой блудный сын опять с тобою. Где прах. И где была когда-то Троя. И где бы я и умер.

перевод Натальи Горбаневской

В ЦЕПЯХ ЧУЖОГО И СОБСТВЕННОГО ГНЕТА

В цепях чужого и собственного гнета Мы, говорят, поем, как ни один народ. И ценят отблеск соколиного полета, Орлиных крыл, и что не тает лед, А молодой улан на смерть идет, И веет ветер за бревенчатой стеною, И небо чистое над вспаханной землею. Но если к той земле приложишь ухо, Услышишь: эшафот поскрипывает глухо, Скрежещет нож, висит петля, и косы свищут. Одно несчастье — красоты никто не сыщет.

перевод Натальи Горбаневской

ЗЕМЛЯ, КОТОРУЮ Я ВЫБРАЛ

Александру Вату

И я проснусь, и вновь вернусь на свет, Где все, кто не живёт, и все, кто живы, Ведут со мною спор за этот свет. Они — во сне, и оттого нетерпеливы. А иней на висках нам прибавляет лет, Чтоб вместе с ними были мы скорее — Во всём их блеске и во всей тщете их.

А что там есть — вовек не угадать. За сном, за днём, за ночью и за тьмой Костям усталым явится покой, К согбенным спинам, сломанным рукам, К богатству и любви, и к песням, и к стихам Земля приложит тяжкую печать.

Зачем так суетиться? Зло творить Или добро — зачем чужим законам жить? И жить, и умирать, как время на часах, А золотишко прятать в сундуках Или швыряться им в бессмысленной печали, Как этот мимолётный постоялец?

Я не тоскую по иной земле,

Хотя она казалась мне прекрасной,

Но две-три ноты прозвучат во мгле,

Но тень от дерева падёт — и сразу ясно:
Всё здесь для нас, и выбирай — не выбирай —

Мне не уйти, люблю я этот край.

Пока я был ещё не здесь, я выбрать мог Тьму севера, сияние полудня, Перину облака иль тучи гневный рог — Страну, где жить легко, а может — трудно... Но выбрал землю, что скудна и безоружна, Зато — как пух на гроб; вот всё, что нужно.

дополняя книгу переводами, печатавшимися на страницах «Зешитов литерацких»... Павел Херц считал себя консер-

Павел Херц считал себя консерватором, однако не был консервативен настолько, чтобы отстаивать автономию литературы. Именно этот выход литературы за пределы «литературности», ее этическое измерение, рассмотрение отдельных произведений как голосов в великом и нескончаемом человеческом диалоге делали из этого классициста — а он был таковым в своей поэзии — противником «совершенства», которое остается всего лишь мастерством артистической отделки. Одновременно он был противником слишком далеко заходящего экспериментирования. Он писал: «В поэзии и вообще в искусстве нельзя чрезмерно доверять реалиям, одним только реалиям, не рассматриваемым как притчи. Авангард слишком связал себя со злободневностью, чтобы суметь увидеть историю». Невозможно увидеть историю и тогда, когда на собственный опыт смотришь в отрыве от чужого. Отсюда вытекает открытость к чужим голосам, благодаря которой Павел Херц вводил польского читателя в разговор писателей, принадлежащих к разным культурам: Тургенева, Гофмансталя и Пруста. Культивирование этого многоголосия, составляющего условие самопознания и самоопределения, было одной из задач, которые Херц старался в своей жизни исполнить как писатель, переводчик и издатель.

перевод Андрея Базилевского

О ПУТЕШЕСТВИИ И СТРАНСТВИИ

Беседа Катажины Яновской и Петра Мухарского с Павлом Херцем

Копечная цель странствия — возвращение домой. И раздумье: стоило ли покидать дом... Но с жизненного пути нельзя вернуться в дом, откуда ушел, ибо в материнское лоно возврата нет. Мы доходим до того места, дальше которого для одних ничего нет, а для других есть иной мир и новое странствие.

— Помните ли вы свое самое важное путешествие?

— Конечно. И прежде всего потому, что путешествие это — первая поездка в Италию — было скорее странствием, то есть чем-то более важным, нежели обычное путешествие. Но понял я это только много лет спустя.

— Какая разница между путешествием и странствием?

— Путешествуя, мы покидаем одно место ради того, чтобы попасть в другое, и тем дело кончается. Странствие же ближе к паломничеству, а это означает, что, перемещаясь в определенном пространстве, мы к чему-то стремимся, ищем чего-то, чтобы осуществить свою мечту, утолить жажду, голод ума или сердца. Очень четко разделяются путешествие и странствие, или паломничество, в двух итальянских стихотворениях Мицкевича (подражание Гете). В первом, написанном еще в духе Просвещения в 1827 г., речь идет о путнике («Путник. Из Гете»), хотя у Гете соот-

ветствующее стихотворение называется «Странник» («Der Wanderer»), а во втором («К Г***. Призыв к Неаполю»), которое Мицкевич написал тремя годами позже, уже в более мрачный период, мы читаем: «Паломник наш, / Ах, что же с тобою сталось!» Человек — в сущности странник, паломник. Говорим ведь мы о странствии земном. Отсюда понятие homo viator, человек странствующий, — оно определяет нас, как и homo sapiens или homo faber.

— Зачем отправляются в странствия, что тут важно: цель или само перемещение в пространстве? Зачем, например, отправляются странствовать по Италии?

— Важна цель, а не перемещение в пространстве. В странствие по Италии отправляются, чтобы увидеть то, что уже известно, — иначе это было бы бессмысленно. Я, странствуя по Италии, заранее знал, чего ищу, что там увижу. Я был к этому готов. На самом деле, мы всегда готовы к странствию, или паломничеству, — как и к странствию, более широко понимаемому: от зачатия к смерти.

— Мы хотим прикоснуться к тому, что рождается в нашем воображении, хотим проверить, существует ли это в действительности?

— Думаю, мы хотим сравнить реальную картину с теми представлениями, которые переданы нам традицией нашей культуры. Мы их просто наследуем, даже если не слишком образованы. Те, кто верует в единого Бога, обретают это наследие в Священном Пи-

сании; христиане совершают странствие от Книги Бытия до Откровения Иоанна Богослова.

— Почему вы избрали целью этого путешествия Италию?

- Италию я выбрал, поскольку она объединяет в себе все, что обитатель нашего континента, человек нашей культуры должен увидеть целиком, в совокупности: ландшафт с архитектурой и живописью, историю и природу, землю, преображенную человеком, и небо, человеком не тронутое. Италия священное для каждого европейца место.
 - Вы говорите, что мы странствуем по тем местам, которые знали раньше. Означает ли это, что внутри каждого из нас есть карта путешествий, которую мы хотим сопоставить с действительностью?
- Да, у каждого есть такая карта, иначе говоря, каждый знает, что хочет увидеть, и уже раньше так или иначе с этим познакомился.
 - А что вы привезли из этого странствия? Как оно на вас повлия-ло?
- Я привез меньше, чем предполагал. Я увидел то, что уже существовало в моих мыслях и воображении, и убедился, что не это самое важное. Пожалуй, я убедился в том, что самое важное путь, который я, как человек, должен пройти, мой удел странника, того самого homo viator.
 - Сборники ваших стихов свидетельствуют, что все-таки тогдашнее путешествие оказало на вас влияние.
- Такие странствия, конечно же, не проходят бесследно, в особенности когда ты юн

и пишешь стихи. Но я совершал и другие странствия — во время войны, не по своей воле: меня перевозили с места на место. Тогда мне открылись такие дела и вещи, которых я бы без принуждения не увидел.

— То есть?

— Меня переправляли из тюрьмы в тюрьму, из лагеря в лагерь... Подолгу возили в товарных вагонах по России, по Средней Азии. Я увидел вещи, которых иначе никогда бы не увидел, встречал людей, которых иначе никогда бы не встретил. Плохих и хороших, вернее таких, в которых — как во мне — добро перемешано со злом.

— Чему учит такое путешествие вопреки собственной воле?

— Оно гораздо поучительнее любого другого, так как является органичной составляющей нашего странствия по жизни. Крестного пути, по которому все мы идем. Идем и видим такие области жизни и мира, куда по собственному желанию мало кто направит свои стопы.

— Что же оно показывает: ограниченность наших возможностей, нашу ничтожность?

— Это зависит от нас. Оно может показать, что наши возможности не столь уж и ограниченны, что мы способны на такие мысли и поступки, о каких раньше и не подозревали. Может показать, например, что мы умеем сочувствовать, вести себя самоотверженно, жертвовать собой; вряд ли такие качества обнаружатся в хорошем отеле в Венеции.

— А боязнь не вернуться из такого путешествия? Это важно?

— Конечно. Но такой страх — часть нашей доли. Умереть можно в любую минуту и где угодно. Вспомните «Смерть в Вене-

ции» Томаса Манна. Существование может оборваться и на золотисто-желтом пляже, и на загаженном полу сибирского барака.

- У каждого своя карта путешествий. Но наши карты, вероятно, должны обладать некой универсальностью. Есть ли какой-то общий закон путешествия?
- Путешествия вряд ли. А странствия пожалуй, есть. Странствие начинается с зачатия человека и кончается смертью. Для верующих, согласно их вере, что-то снова начинается. Если поглубже задуматься, можно сказать, что все тут уравнены, независимо от того, кому какая выпала доля.
 - В первое путешествие, как вы сказали, отправляются с картой. А во второе? Тоже с картой или только с компасом? Что во втором путешествии самое важное?
- Во втором путешествии, а вернее странствии, компас важнее карты. Компас сердца и ума.
 - В каком смысле это второе путешествие — наш общий удел? Значит ли это, что все мы проделываем один и тот же путь?
- Мы в своей судьбе одинаковы... И две пограничные станции, зачатие и смерть а это самое главное, у всех у нас одни и те же.
 - Важно ли, в каком состоянии мы доберемся до последней станции?
- Да, это очень важно. С чем мы придем: с пустыми руками или что-то с собой принесем.
 - Является ли целью странствия само возвращение домой или то, как мы туда возвращаемся и с чем?

- Конечная цель, безусловно, возвращение домой. И раздумье: стоило ли покидать дом... Но с жизненного пути нельзя вернуться в дом, откуда ушел, ибо в материнское лоно возврата нет. Мы доходим до того места, дальше которого для одних ничего нет, а для других есть иной мир и новое странствие. В «Божественной комедии» Данте описано странствие через ад и чистилище вплоть до рая. И описано очень подробно. Это своего рода путеводитель, бедекер для христиан, а по сути для каждого, кто умирает с уверенностью, что возвращается в объятия Отца.
 - Великие мифы, на которых построена европейская цивилизация, ясно говорят о возвращении домой. Одиссей ищет дом, избранный народ ищет Землю Обетованную, и всегда цель — дом.
- Речь идет о возвращении человека изменившегося. Из рассказанной в Ветхом Завете истории избранного народа следует, что люди эти должны вернуться преображенными. Таково условие их возвращения.
 - Но есть, пожалуй, еще один вид путешествия путешествие по культурному пространству.
- Такое путешествие можно совершать, не выходя из своей комнаты.
 - И куда же вы отправляетесь?
- Я обычно читаю одни и те же старые книги.
 - То есть продолжаете путешествовать по старой карте... Она еще не истрепалась?
- Нет, там все, хоть и старое, новое... Но меняется не текст книг это я, их читающий, замечаю то, чего раньше не видел. Великие книги подобны неторопливо вра-

щающимся планетам: лишь годы спустя они открывают нам невидимую прежде сторону.

- Значит ли это, что универсальная карта путешествий — в интеллектульном смысле канон универсальных произведений?
- Думаю, да. Для меня этот канон очень ограничен. В него входит, по сути, несколько
 скажем, десятка полтора произведений.

— Что вы туда включаете?

— Прежде всего Библию. Затем все великие эпосы: «Одиссею», «Илиаду», «Энеиду», а также уже упоминавшуюся «Божественную комедию». Поляк должен читать «Пана Тадеуша» — это его эпос. Надо сказать, что в любой национальной европейской литературе есть одно такое, общее для всех, произведение, которое на своем языке описывает и объясняет мир.

— Наряду с этим каноном?

- Иногда случается, что такая книга я бы назвал ее домашней становится частью канона. Возьмите христиан: у них есть и Ветхий Завет, и Новый.
 - А кроме этих старых столпов, на которых зиждется культура, ничего нового не появляется? Все уже сказано?
- Мне кажется, сейчас уже нет возможности высказывать фундаментальные, а стало быть, всеобщие истины такого масштаба, чтобы они достойны были войти в канон. Но не исключено, что я ошибаюсь...

— Когда этому пришел конец?

— Пожалуй, последними, кто мог так высказываться, были Пруст, Томас Манн и Конрад. Люди их типа еще это умели.

- Какого типа? Они были укоренены в такой почве, какая у нас уже ушла из-под ног?
- Они стояли на твердой почве, хотя сами уже пошатывались. Но осознавали это и многое черпали из своей внутренней сумятицы. Возьмите великих русских писателей: каждый из них врос в свою землю, в свою почву. То же касается великих поляков: Ожешко, Сенкевича, Пруса... Два крупнейших современных польских писателя Домбровская и Ивашкевич были тесно связаны с землей, с природой, с миром.

— Значит, они были укоренены в мире людей?

— Полагаю, дело именно в этом: в общности с природой и культурой. И в понимании неразрывности такого союза. Все, что этому союзу противится, все, что ему мешает, исключается из канона.

— А что мешает?

- Прежде всего страх перед природой. Природу рассматривают как нечто опасное; причина тому неумение вести себя в этом мире, чрезмерные претензии разума, наука, открывающая перед нами возможности, которыми мы не готовы воспользоваться, противоречие между несовершенством человека и его техническими достижениями.
 - Вы имеете в виду «техническое», нечуткое отношение к миру?
 - Совершенно верно.
 - На этот канон претендуют элиты, а вы утверждаете, что современные элиты не способны ни приручить мир, ни примириться с ним?
- Да, по-моему, так оно и есть, и потому, думаю, никакие они не элиты.
 - A кто же?

- Группа людей, которые не могут с этим миром сладить и упорно ищут способ вернуть себе присущее элите главенствующее положение.
 - Возникнут ли новые элиты?
 - Все растет снизу.
 - То есть вы бы стали их искать среди людей, которые ходят двумя ногами по земле и работают руками...
 - Да.
 - Звучит весьма популистски.
- Я так думаю и говорю то, что думаю. А думаю я, что люди, работающие руками, всегда работают головой. Человек же, работающий головой, давно не работает руками. Я сам тому пример.
 - С другой стороны, история так перелопатила человеческие массы, что люди оказались отрезанными от традиций, перемешаны, рассеяны по континенту. Способны ли они в таких обстоятельствах породить новую элиту, создать то ощущение преемственности, которое лежит в основе элитарности?
- Трудно говорить о смешении или рассеянии по континенту — ведь на наших глазах возрождается национальное самосознание. И прежде всего в Восточной Европе, где давным-давно сформировавшиеся народы целых полвека были лишены суверенности. Так что неудивительно, что здесь национальные чувства особенно сильны. С другой стороны, в Западной Европе, в самых широких ее кругах, существует боязнь всеобъемлющей бюрократизированной унификации. Неправда, что можно быть европейцем, не будучи литовцем, поляком, немцем или испанцем.

- Европа это Европа наций, но слово «нация» сегодня звучит несколько подозрительно, рядом с ним часто появляется «национализм» слово, ныне запретное.
- Я не считаю слово «нация» подозрительным, напротив, оно очень точно характеризует европейскую действительность. Сразу после войны начали говорить о Европе отечеств, Europe des patries, поскольку боялись говорить о Европе наций, хотя прекрасно известно, что Европа — творение заселяющих ее народов. В слове «национализм» нет ничего порочного, если под ним не подразумевать идеи и поведение, противоречащие традициям некогда принявших крещение народов с их иудео-христианским генезисом и традицией. Ни о гитлеризме, ни о большевизме нельзя говорить как о национализмах — наоборот, это отрицание национализма, желание построить наднациональную империю на языческой основе. Я понимаю национализм как необходимость заботиться о духовном, моральном и материальном благе сообщества, скрепленного узами истории, языка и территории.
 - В этом есть оттенок гордости, верно?
- Гордости безусловно, но не гордыни. Я уважаю национальные чувства других, но прежде всего стараюсь в меру своих возможностей заботиться о благе соотечественников так, как я это понимаю, поскольку я в этой стране вырос и ей принадлежу.
 - Говоря о Европе, мы коснулись проблемы, необычайно важной для современной Польши. Сейчас очень популярен лозунг «Идем в Европу». Нам в самом деле это нужно?

— По-моему, это просто глупость. Поляки пребывают в Европе со времени принятия христианства, с того момента, когда император в Гнезне преклонил колена у могилы святого Войцеха.

— Тогда почему мы ощущаем себя провинцией?

— Потому что наши дела сейчас вершат люди, о которых Мицкевич сказал: «Когда отшумит, отгремит, отгрохочет, / Все разойдется по рукам тихих, темных, маленьких человеков». Сейчас именно такой период сниженного самосознания. Оттого и завелась дурацкая мода говорить, что мы идем в Европу, хотя мы в ней находимся. Думаю, впрочем, «молчаливому большинству» это хорошо известно.

— Каждому поляку присущ заурядный комплекс: он, возможно, даже убежден, что культурно принадлежит к Европе, но в цивилизационном плане ощущает наличие некоей дистанции.

— Было бы странно, если бы на протяжении полувека, которому предшествовали всего лишь двадцать лет независимости, здесь не возникло цивилизационного запаздывания и ощущения дистанции между Польшей и странами, которые, несмотря на военные катаклизмы, нормально развивались в условиях суверенности. Но это всего лишь вопрос времени — надо подождать, пока сформируется и окрепнет социальная группа, везде являющаяся движущей силой цивилизационного развития, а именно: средний класс. Поляков нужно раскрепостить, нужно отдать им то, что у них в течении пятидесяти лет отбирала чужая государственная машина. Нужно добиться, чтобы здесь было выгодно работать. Европа с ее цивилизацией возникла прежде всего благодаря труду, а ведь и поляки много веков были к этому причастны.

— Какие из основ европейской цивилизации позволяют определить принадлежность к ней? И какие из них существуют в Польше?

— Думаю, что краеугольный камень Европы — христианство. Не только как индивидуальная вера, но прежде всего как образ мышления, внедренный в умы и тех, кто верует, и тех, кто верует, но иначе, и тех, кто сомневается или не верует совсем. Все народы и государства нашего континента формировались в этой атмосфере. Нет Европы без соборов и монастырей. Без них не было бы университетов и библиотек. Только к такому дереву оказалось возможным привить наследие древности — римское право и греческую философию.

— И вы считаете, что эта традиция жива в сегодняшней Польше?

— Я считаю, что жива, хотя не всегда осознана. Если какая-нибудь городская или деревенская община организует самоуправление или охрану города, она действует в кругу понятий римского права, ибо иного мы не знаем.

— От чего зависит крепость дома? Чем она обусловлена: сходством с другими домами или отличием от них? Дом надо понимать, разумеется, в метафорическом смысле.

— Метафора очень образная, но говорить следовало бы по крайней мере о двух домах. Думаю, их крепость зависит как от сходства, так и различия. У людей то же самое. Благодаря присутствию того и другого между людьми создается поле притяжения, появляется возможность вести диалог. Однако и подобия, и различия должны быть както уравновешены, подчинены высшему принципу.

— Что это за высший принцип?

— Этот высший принцип определяют религии. Думаю, у истоков всего лежит сознание человека, что он — не создатель, хотя и созидатель. Но созидает он лишь потому, что был создан. Лучше всего это показал Микеланджело на фреске в Сикстинской капелле: посмотрите на пустое место между пальцем Бога и пальцем созданного Адама.

— Когда человек мыслит иначе, иссякает запас произведений, которые можно включить в канон?

- Пожалуй, да.
 - Когда это началось?
- Давно, в эпоху Просвещения.
- Значит ли это, что европейская культура последние двести лет работает на холостом ходу?
- У нее еще, конечно, есть в запасе силы, и я не посмею сказать, что ход холостой: великая традиция европейской культуры до сих пор жива, и к ней всегда можно обратиться. Наверно, не лишне было бы припомнить, что французская революция, плод Просвещения, поначалу провозгласила: «Свобода, Равенство, Братство или смерть». Только так иначе смерть. Немного погодя буржуазия угрозу смерти исключила, и остался лицемерный лозунг, который, если отбросить иудео-христианскую традицию, нельзя осуществить без насилия, то есть без смерти.
 - Вы говорите, что дом не следует покидать, что нужно сохранять его в том виде, в каком мы его застали. Но не обречен ли хранитель на поражение — ведь дом так или иначе будет меняться.
- Разумный хранитель не обречен на поражение. Если он намерен успешно выпол-

нять свою задачу, у него должны быть открыты глаза и уши. И, главное, он должен знать, что хранит и какую часть из того, за чем присматривает, стоит сберечь. В этом, собственно, и заключается роль той части непрофессиональной интеллигенции, которая в наше время сама назначает себя «элитой». Но она же приносит в дом груды мусора и, если бы только могла, убрала бы то, что «молчаливое большинство» считает непреходящим, важным и нужным. Отсюда внутренний разлад и импотенция «элиты» — не только, впрочем, у нас, хотя здесь, в только еще формирующемся обществе, ущерб, вероятно, больше. Конечно, у каждого свое представление о том, что именно непреходяще, важно и нужно, но слишком большая произвольность ограничивает сознание принадлежности к национальному и европейскому сообществу. Если бы провести референдум на тему: что считает непреходящим, важным и нужным сообщество, обитающее между Одрой и Бугом, — ответы наверняка были бы более или менее схожи и не зависели бы от уровня образования. Когда речь идет о вещах первостепенных, основополагающих, люди, как правило, сходятся во мнениях.

— Является ли демократический референдум наилучшим путем для установления канона?

— Вопросы такого референдума должны быть продиктованы историей данного сообщества. Они не могут установить канон: его определят лишь ответы.

— Кто же должен составить список вопросов? Хранитель традиций?

— Нет. Список таких вопросов составляет народ, и делает это ежедневно. Задача хранителя — собирать вопросы, записывать их и не приписывать себе авторства. Быть секретарем.

Польский фонд литературы

Польский фонд литературы осуществляет программные задачи Центра международного сотрудничества в области культуры при Институте имени Адама Мицкевича (ИАМ).

Цель фонда — содействие изданию польской литературы в переводах на иностранные языки. Предпочтение отдается художественной литературе, эссе, документальной литературе факта и пр.

Фонд может покрыть:

- 1. до 100% стоимости лицензии
- 2. до 100% стоимости перевода с польского языка на иностранный.

Принимает заявки от издательства, которое заказывает перевод и издание польской книги.

Издатель должен переслать:

- заполненный бланк Фонда
- копию подписанного лицензионного соглашения (или копию предварительного договора)
- копию договора, подписанного с переводчиком (или копию предварительного контракта)
- издательский план и профилб издательства
- библиографию переводчика
- краткую мотивировку выбора данного произведения
- подробную смету и план финансирования издания, а также способы его распространения.

Литературная группа ИАМ осуществляет формальную проверку предложений. Предложения и сопровождающие документы следует направлять по адресу группы:

Zespół Literacki IAM Willa Decjusza ul. 28-go lipca 17a PL 30-233 Kraków

тел: +48 (12) 625 43 23 факс: +48 (12) 625 42 32 e-mail: plf@polska2000.pl

Предложения издателей рассматривает группа экспертов. Окончательное решение принимает директор Института им. Адама Мицкевича.

<u>Бланк Фонда можно получить при посредничестве Литературной группы ИАМ (а также в Интернете:</u> www.polska2000.pl).

Институт им. Адама Мицкевича оставляет за собой пораво выбора издательства, приславшего заявку.

Институт им. Адама Мицкевича может в любой момент приостановить деятельность Польского фонда литературы без объяснения причин.

Обжалование в судебном порядке исключено.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

А.Поморский об антологии Н.Астафьевой и Вл.Британишского

Л.Шаруга: о творчестве Густава Херлинга-Грудзинского

К.Бурнетко: Газетный киоск

Е.Ястшембовский: И что дальше, господа поляки?

А.Ермонский: Вы Гомбровича не читали?

А.Шиманьский: Сруль из Любартова

Ст.Лем: Плохо, когда все дозволено

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р. Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с П.Герцем, Б.Скаргой и др.

Наши за границей: А.Северин, Ю.Хурвиц, П.Слонимский, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, Я.Котт, А.Холланд, Р.Полянский, Л.Унгер, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша» распространяется бесплатно.

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации средства массовой информации IIII № 77-1063 от 03 ноября 1999 г).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономии и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

Puch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich, 02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374